

Валерий Пушной

**НАКАЛЕННЫЙ
ВОЗДУХ**

Валерий Пушной
Накаленный воздух

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2019

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Пушной В.

Накаленный воздух / В. Пушной — Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2019

ISBN 978-5-00025-178-2

Когда среди людей появляется архидемон Прондопул, посланец Властелина Игалуса, тогда все вокруг непредсказуемо. Он искажает настоящее и разрушает связи с прошлым и будущим. Борьба с ним очень опасна, но не безуспешна, если человек не отступает.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-178-2

© Пушной В., 2019
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	31
Глава седьмая	36
Глава восьмая	51
Глава девятая	59
Глава десятая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Валерий Пушной

Накаленный воздух

Часть первая

Амнезия

Глава первая

Человек на дороге

Стоял июль. Все шло, как и должно идти. Земля жила обычной жизнью. Где-то прокатывались землетрясения, оживали вулканы, пронеслись наводнения, а где-то стояла тишь и благодать.

Западные ветры тащили из Атлантики жару, погружали в нее европейские города и страны. В Иерусалиме палило солнце. Рим поглощал свои порции. Раскаленный воздух приближался к Центральной России. Москва, до того купавшаяся в дождях, погружалась в удрушающий зной.

В двухстах километрах южнее Москвы летняя ночь лениво обволокла землю влажной прилипчивой духотой. Развесила на деревьях и кустах паутину сна, швырнула на поля, разбросала по дорогам.

Город похрапывал, ворочаясь с боку на бок.

Дальние деревушки скукожились, приутихли в темных уголках ночи. Пригородные деревни вздрагивали от шума автомобилей, выпячивались домиками, выхваченными светом фар.

Автомобиль разорвал в клочья темноту и на полном ходу свернул с автомагистрали. Боковые стекла у машины приспущены. В салоне двое: водитель и пассажир. В легких рубашках с короткими рукавами. Темные, невеселые, мрачноватые лица. Поток воздуха трепал им волосы.

Лопухий пассажир заскорюзлыми пальцами с обкусанными ногтями прижимал жиденький чубчик к низкому морщинистому лбу. Нервно возился, часто моргал маленькими глазками, сопел, картавил и таращился сквозь лобовое стекло.

Длинноносый водитель был сосредоточен и малоподвижен. Крючковатые руки на руле. Взгляд цеплялся за полотно дороги, несущееся под колеса машине. Стиснутые тонкие губы иногда слегка раскрывались, выпускали глухие звуки, затем снова сжимались.

Свет фар показал поворот, глубокий кювет и высокие черные деревья по сторонам.

Водитель резко ударил по педали тормоза. Пассажира мешком бросило вперед на черную панель. Он хрюкнул, шелкнул редкими зубами и матюгнулся. Машина остановилась: мотор заглох, фары погасли. Двое присмотрелись к темноте.

Водитель распахнул дверцу, выбрался наружу, прислушался, по-звериному принюхался. Был он плотного сложения, с покатою спиной, большой головой с круглым затылком. Через минуту рядом возник пассажир, излишне тощий и долговязый. Открыли багажник. Взгляды впились в скорченное человеческое тело. Лопухий толкнул его, слотнул слюну и окончания слов:

– Глянь, Блохин, наш клиент случаем не загнулся?

– Заткнись, Саранчаев! – глухо рыкнул водитель и вяло распорядился: – Вытягивай!

Саранчаев кашлянул в кулак и зажевал губами:

– А может, его того, тюкнуть по темечку на всякий случай?

– Бери, а то я тебя самого по мурлу тюкну! – резко прервал Блохин.

Тело извлекли из багажника, торопливо подтащили к обочине, качнули пару раз и бросили в кювет.

Саранчаев смачно хрюкнул, обтер о штаны руки и с сожалением обронил:

– А все-таки надо было тюкнуть, чтоб концы в воду.

В тот же миг внезапно по нему хлестко прошелся свистящий ветер. Вдруг обрушился ледяной стужей, проникая под легкие одежды. Подкинул в воздух и грохнул о землю. Стынь обожгла Саранчаева, свела ему скулы, вымораживая дыхание.

Блохин едва успел захлопнуть багажник, как его тоже сбило с ног. Сдуло, как пушинку, с дороги. Закрутило, скрючило, кувыркая по кювету. Неожиданная стужа пронизала до костей.

Непроницаемая тьма окутала все. Небо перевернулось, представ великой бездной. Из ее глубин несся странный звук, выворачивал наизнанку, придавливал к обледеневшей земле. Мороз сковал тела.

Большой рот Саранчаева перекосило. Длинный нос Блохина заострился, как сосулька, толстые губы побелели. Мозг перестал осмысливать происходящее.

Но вдруг завывание ветра умерло. Внезапно оглушили раскаты грома, и яркая огненная молния надвое расколола небосклон. Ударила в землю рядом с машиной. Бездонная тьма отступила, открыла ночное небо, дорогу, овраг, деревья.

В лица людей пахнуло прежней духотой.

Закоченевшие Блохин и Саранчаев с трудом разогнули промерзшие суставы. Зашевелились, жадно глотая духоту и медленно согреваясь. Затем подхватились с земли и кинулись к машине. Молча Блохин повернул ключ зажигания. Не включал фары, ощущая необъяснимый страх. Щурился, уткнувшись в лобовое стекло, сильно жал на газ. Хотел скорее унести ноги с этого жуткого места.

Но жуткое место не отпускало: машина не двигалась, хотя мотор ревел на последнем издыхании. Ветер свистел за опущенными стеклами.

– Что это? – Зубы Саранчаева в испуге выбили дробь.

– Всего только зимняя вьюга, – раздалось у его правого уха. Голос как бы прошелся по ребрам.

Лопухий вздрогнул. Рывком повернулся вправо. Увидел снаружи рядом с дверцей машины темный мужской силуэт. Удивился, что в темноте хорошо различил не улыбочивое лицо, сковывающий взгляд, костюм и галстук-бабочку. Оторопь парализовала. Не успел подумав, как губы промямлили:

– Этого не может быть.

– Ты полагаешь, тебе известно, что может быть, а чего не может быть? – Голос придавил к сидению. – Думаешь, знаешь, когда и кого надо тюкнуть по темечку?

Саранчаев мгновенно вспотел. Губы нежданного собеседника не шевелились, а его голос неотступно ввинчивался в уши и сжимал до судорог мозг. Саранчаев точно сидел на раскаленной сковороде, и задница жарилась, как свиные шкварки. Отяжелевший язык едва повернулся во рту:

– Ты кто, откуда взялся? Никого же не было.

– Полагаешь, что меня здесь нет? – собеседник за дверцей чуть отодвинулся в темноту.

Лопухий вылупил глаза, не зная, что ответить.

– Впрочем, так оно и есть, – разнеслось снаружи, и тьма поглотила странного прохожего.

Саранчаев лихорадочно вгляделся в ночь, не понимая, куда тот исчез. Кинул взгляд на Блохина, чувствуя, как тело продолжает плавиться на раскаленной сковороде, прохрипел:

– Гони!

Блохин щелкнул зубами и с новой силой надавил на педаль.

Машину как будто подхватило ветром и понесло по дороге.

Ресторатор Петр Пантарчук в это утро неохотно выбрался из постели. Легкости не было, давило предчувствие опасности, хоть откладывая командировку. Сунул голову под холодный душ, но лучше не стало. Руки не попадали в рукава белой рубашки, ноги запутались в штанинах светло-коричневых брюк. Не сразу нашел черную папку с бумагами.

Жена Екатерина проводила до двери. Тонкая, с красивым носиком и зелеными глазами, в коротком халатике. Подставила губы для поцелуя. На ее фоне крупный Петр с рельефным лицом казался грубоватым и неповоротливым.

Он вышел из подъезда. Утреннее солнце ослепило. Прищурился. И раздраженно поморщился. Душа словно сдавлена тяжелыми валунами и никак не может вырваться на волю. Приостановился, прежде чем сесть во внедорожник. Потом тупо примял заднее сидение, прижался затылком к подголовнику.

Машина нырнула за угол в дорожный поток и понеслась как по течению. Пантарчук прикрыл глаза. Водитель с круглыми глазами прибавил скорость.

Выехали за город. Быстро пронеслись три десятка километров. Свернули на узкую прилегающую дорогу. Длинные прохладные тени от придорожных деревьев скользили по кузову автомобиля и падали с багажника на асфальт.

Крутой поворот повел влево. И тут на середине дороги перед авто возник человек. Водитель рванул руль вправо, тормозные колодки вцепились в диски, резина запищала по асфальту. Машину боком протащило вдоль обочины и выкинуло в кювет. Метров десять швыряло по ухабам, пока ствол дерева не принял на себя удар радиатора. Капот горбом собрался над мотором, зашипел и потек антифриз.

Пантарчука подбросило, ударило головой о потолок. На мгновение он отключился, обмяк. Затем горячее состояние подхватило, толкнуло к двери, пальцы нащупали ручку. И Петр тяжело вывалился в траву.

Следом из своих дверей на две стороны выкарабкались водитель и охранник с короткой стрижкой и толстыми щеками. Круглые глаза водителя шарили по дороге в поисках человека, но не находили. Того будто корова языком слизнула. Кипя от злости, плюясь и рыча, водитель двинулся к асфальту. Человек распластался лицом вниз в высокой траве, метрах в трех от полотна дороги. У водителя екнуло в груди. Нагнулся:

– Эй, ты живой?

Светлая, с коротким рукавом рубашка, светлые брюки и светлые туфли пятнились сочной зеленью травы. Крови не было. Раздалось бормотание.

Водитель толкнул его:

– Пьяный, что ли? С утра пораньше надрался! Вот гад! Чуть на тот свет не отправил всех. Натворил дел. На кругленькие бабки повеселился сегодня. За машину платить придется, чучело. Подымайся!

Человек попытался привстать, не получилось. Водитель сплюнул:

– Вот пьянь, надрался как свинья. Откуда тебя принесло, идиота?

Отметил про себя: одежда на незнакомце недешевая, сам чисто выбрит, и руки не работы. На вид лет тридцать с небольшим, худощав, хорошо сложен. Помог ему подняться, направил к дороге.

Пантарчук в это время с охранником выбрался из кювета. На лице ссадина. На брюках колючки от лопухов. На обочине широко расставил ноги, наблюдая за незнакомцем.

– Вот, Петр Петрович, едва стоит, субчик, – брезгливо пояснил водитель, – наклюкался по рани, или с глубокого опохмела! Козел. Хоть и приличный с виду, но пьянь, видать, еще та, – помялся, покряхтел и неуверенно заметил. – А водкой вроде не разит, может, нанюхался какой-нибудь дряни или наширялся. – Проверил локтевой сгиб, повел рыжеватой головой. – Чисто.

У незнакомца были тонкие черты лица, прямой нос, серые глаза. Прическа с пробором на левой стороне. Он тыркался по сторонам, не понимая, что происходит.

Петр спросил у него имя. Человек оторопело забегал глазами, затоптался на месте.

– Чего топчешься, как конь в стойле? – Водитель дернул человека за рукав. – Заклинило, что ли? Соображай быстрее, хореk придорожный! Нечего идиота корчить.

Брови незнакомца сошлись у переносицы, взгляд напряженно остановился на одной точке, зубы скрипнули. Он растерялся:

– Не знаю. Не помню.

Водитель дернулся от возмущения:

– Не ломай Ваньку, фрукт, а то врежу по шее, чтоб вспомнил!

Незнакомец потер пальцами сморщенный лоб, пожал плечами и нерешительно сделал следующий выдох:

– Магдалина.

Обескуражил всех. Недоумение пробежало по лицам.

Водитель отступил, охранник насмешливо крякнул за спиной Пантарчука. Петр насупился, разговор с незнакомцем не получался. Похоже, крутит динамо парень, чтобы не отвечать за аварию.

Тот между тем сдавил руками затылок и замычал, как от головной боли. Пантарчук отвернулся, достал телефон и позвонил в свой офис. Потом – в ГИБДД. Незнакомец больше не интересовал его. Солнце пригревало, тени от деревьев укорачивались и медленно начинали сползать с асфальта, краями цепляясь за мелкие трещины. Петр хмуро прохаживался по кромке асфальта. Мысль о командировке пришлось оставить, хотя из офиса уже ехала другая машина.

Скоро подкатили гаишники. Водитель Пантарчука, жестикулируя руками, рассказал о происшествии. Осмотрели дорогу и автомобиль, подошли к виновнику аварии. Тот сиротливо маячил на обочине, неуклюже топтался, под подошвами обуви тихо шуршал свеженасыпанный щебень. Водитель ткнул пальцем:

– Вот потолкуйте с этим мозгокрутом. Сперва чуть под колеса не сунулся, а теперь кино крутит, туман наводит: ничего не помнит, ничего не знает. Гад. Ну хотя бы башкой саданулся, а то ведь гладенький, как баранка.

Старший по званию, с выпирающим брюшком, попросил у него паспорт. Человек безропотно закивал и вывернул карманы. Посмотрел виновато, бесхитростно нелепо улыбнулся:

– Нету. Почему-то нету. Не знаю.

– Во! А я что говорил? – воскликнул водитель. – Незнайка. Дурака включает, козел.

Полчаса полицейские бились, пытаюсь выяснить, кто он, откуда и как зовут, но ни на один вопрос так и не получили ответа. Лишь дважды он бессвязно повторил имя Магдалина. В конце концов старший по званию повернулся к водителю:

– Здесь сам черт не разберет. Надо показать его врачам, может, память отшибло. Хотя по внешнему виду не скажешь, что его сбила машина. Но я не доктор, чтобы определять. Мою вызвать «Скорую», или сами подбросьте его до больницы. Ну, что скажешь?

Водитель сплюнул, ругнулся и вопросительно глянул на Петра. Спросил. Пантарчук стоял у машины, подъехавшей с фирмы, согласно кивнул.

– Доставим, черт с ним. Пиши бумаги, командир, – сказал водитель полицейскому. – Он теперь на вес золота, пока за ремонт не заплатит.

Трава и листья деревьев сверкали под ярким солнцем, тени сжались, прячась под кронами.

В приемном покое – белые стены, письменный стол, три стула, клеенчатая промятая кушетка, серые шторы. На столешнице раскрытый журнал и шариковая авторучка.

Петру пришлось некоторое время рассматривать медицинский плакат на стене и терпеливо ждать врача. Незнакомец в это время сосредоточенно сидел на стуле, плотно прижимал к коленям сжатые кулаки. У двери переминался охранник Пантарчука.

Врач, долговязый, с длинными руками и залысиной, появился вместе с медсестрой. Быстро осмотрел пациента, задал несколько вопросов. Распорядился оформить поступившего больного и удалился. Медсестра, маленькая, кругленькая, с коричневыми глазами, в белоснежном халате, подтянула под себя стул и тягучим голосом попросила Петра уточнить, под каким именем записать пациента.

Пантарчук развел руками, ему было все равно. На ум пришло слово, какое на дороге произнес незнакомец, и Петр повторил:

– Магдалина.

Медсестра, упираясь локтями в столешницу, схватила пухлыми пальцами авторучку. Но удивленно раскрыла рот, захлопала наклеенными ресницами:

– Магдалина?

Пантарчук снова развел руками, что есть, то есть. Медсестра вздохнула, шевельнула полными губами и записала в графе фамилия: Магдалина. Повторила вслух, хмыкнула, затем подняла глаза на Петра:

– А скажите вашу фамилию. И номер телефона. Вдруг позвонить понадобится.

Петр недовольно нахмурился и назвал.

А когда направился из больницы в свой офис, то думал уже о других проблемах. Незнакомец провалился в сознании в темный угол.

Вечером того же дня Петр рассказывал о происшествии жене Екатерине. Беспорядочно двигался по гостиной, возмущался, что нарушились его планы. Целый день – коту под хвост, плюс серьезный ремонт машины.

Екатерина в красном топе и темной юбке сидела за пианино. Подушечками пальцев слегка касалась клавишей, вызывая тихую мелодию.

Петр не верил в потерю памяти незнакомцем, больше склонялся к тому, что тот обыкновенный пройдоха. Определенно сбежит из больницы, ищи потом ветра в поле. Да и черт с ним, только жалко убитого времени. Впрочем, если глубже копнуть, то, возможно, этот Магдалина скрывает свое настоящее имя по каким-то более веским причинам. Но это уже не его дело копаться в чужом грязном белье.

Екатерина отодвинулась от инструмента и напомнила мужу о его приятеле Косте Грушине. Тот работает оперативником, нюх собачий, имеет хороший опыт в раскрутке головоломок.

Петр кивнул и потянулся за сотовым.

Грушинин выслушал, замурчал на другом конце, коротко проанализировал:

– Если все было так, как ты рассказываешь: наезда нет, человек от машины не пострадал, стало быть, криминала не видно. А раз нет криминала, значит, и вопросов у полиции нет.

На что Пантарчук проворчал:

– Криминалист чертов. Я не о криминале, я просто хочу услышать твое мнение на этот счет.

– А какое тут может быть мнение? – отозвался Грушинин. – Никаких фактов нет, что твой знакомый скрывает фамилию по преступным мотивам. Подозревать человека в этом безосновательно и глупо. Здесь явный медицинский случай. Подожди заключения врачей. Если у парня действительно заклинило память, то даже медики могут оказаться бессильными. Установить причину не так просто. А попасть на дорогу или в лес можно тысячью способов, без меня понимаешь. Я однажды занимался случаем, когда у пострадавшего тоже отшибло память, но там человека отметелили до отбивной, едва выжил бедолага. Если с парнем нечто подобное, тогда займется полиция.

– Да ну тебя, – пыхнул Петр. – Я тебе шито, а ты мне брито. Мозги только на криминал заточены. Говорю же, пораскинь ими в других направлениях. – И отключил телефон, пояснив Екатерине: – Ничего интересного в этом Магдалине. Не в то время не на той дороге оказался. Только мне проблем навесил. Черт с ним. Выброси из головы. Пойдем лучше ужинать.

На следующее утро Пантарчук на другой машине ехал на работу, забыв о происшествии. Мозг целиком погрузился в планы на день. Вопросов было много и не сразу удавалось разложить их по полочкам. На полпути дорогу подрезало шальное такси. Водитель Петра резко затормозил и выплеснул на голову таксистки ушат брани:

– Идиотка! С башкой не дружишь? Куда прешь, придурковатая? Подвесить бы за одно место того, кто выдал тебе права!

А Пантарчук не обратил внимания на дорогу.

Глава вторая

Архидемон Прондопул

За рулем такси была молодая девушка.

Пассажир, расплывшись блином, размяк на переднем сиденье рядом с водителем. Вяло смотрел сквозь лобовое стекло. Не торопил, наоборот, изредка бурчал, чтобы не гнала, потому что на тот свет он билета не покупал.

Но девушка сломя голову продолжала нестись прямо к черту в пекло. Такси вылетело на середину моста. И тут резко сами собой сработали тормоза. Из-под шин выбился дым. Водителя прижало к рулю, пассажира бросило на переднюю панель. Мотор крякнул и заглох. Машина стала. Девушка кинула руку к замку зажигания, нетерпеливо зашевелила ключом, но машина не ожила.

– Что за чертовщина, ни с того ни с сего. Странно, – буркнула таксистка.

Пассажир ошалело разлепил губы:

– Странно, что с тобой раньше ничего странного не стряслось! – прожевал испуганно. – На таких скоростях запросто без башки остаться.

Девушка снова дернула ключ зажигания, стартер издал надрывное кряхтение, мотор не завелся. Пассажир досадливо скривил физиономию, насупил, заелозил на месте, суетно глянул на часы:

– Черт меня дернул сесть в твою тачку! – распахнул дверцу и выскользнул из салона, замахал руками проходящему транспорту.

– Эй, ты куда?! А кто платить будет? – высунулась из машины девушка. – По счетчику! – И разочарованно вздохнула, потому что пассажир проворно юркнул в другой автомобиль.

– Не вешай нос, Сафо, – вдруг раздалось у нее за спиной. – Я заплачу за все!

Девушка быстро обернулась и оторопела: на заднем сиденье неведь откуда появился новый пассажир. Черные волосы, дорогой сине-черный костюм, синяя рубашка, кроваво-вишневый галстук-бабочка и уголок носового платка из нагрудного кармана. Таксистка проглотила язык. Что за чертовщина, как этот тип мог здесь очутиться?

– Очень просто, – отозвался тот, точно услышал ее мысли. Его размытый взгляд давил и проникал ей под самые ребра. – Ведь такси свободно, не правда ли, Сафо?

Девушка машинально кивнула и ощутила беспокойство. Никак не могла оторвать глаз от странного, притягивающего взгляда. Между лопатками по позвоночнику струйкой потек липкий холодящий пот. А из горла вырвалось:

– Ищите, дядя, другое такси! Эту тачку мотор не тянет. И я не Сафо, меня зовут Софья.

– Я знаю, Сафо, – пассажир даже не пошевелился.

По телу девушки пробежала волна тревожного удивления:

– Вы меня знаете? Откуда?

– Это было не так давно, – проговорил он, как бы предлагая вспомнить, – двадцать пять веков тому. На острове Лесбос из моих рук, Сафо, ты принимала дар от Властелина. А в пятнадцатый год Тиверия кесаря я дал тебе силы, чтобы ты помогла тетрарху Ироду исполнить суд над Крестителем. Тогда тебя звали Иродиадой.

– Вы чего несете? – вскричала девушка, чувствуя усиливающееся смятение. – У вас все дома, дядя?

– Дома? Ах, дома. Нет. Все работают. Дома сидеть некогда. Работы невпроворот. Везде надо успеть, – выражение на лице пассажира оставалось неизменно спокойным. – А сейчас здесь у меня новое неотложное дело.

– У вас случайно нет жара? – с натугой выдавила она, холодея скулами. Раскрыла рот, собираясь вытурить незваного клиента, но губы окаменели.

– Не горячись, – сурово осадил пассажир в ответ на ее мысли.

Девушка испугалась. Схватила за лицо. Нащупала губы. И медленно с трудом шевельнула ими:

– Кто вы? – спросила шепотом.

– Архидем.

Ей насилу удалось оторвать взгляд от его глаз:

– Это имя или фамилия?

– Это – больше! – ответил тот. – Это высокий пост, данный мне Властелином Игалусом.

Софья вцепилась в руль, страх не отпускал. Вдруг уловила звук заработавшего мотора, удивилась. И в этот миг через плечо ей на колени упала пачка с деньгами в крупных купюрах.

– Оплата вперед, за всю поездку, – объявил архидем.

Денег было много, на эти деньги можно было укатить к черту на кулички. У девушки на лбу выступила испарина. Что же это за поездка за такие деньги, черт подери? Спросить не успела, ответ архидема опередил ее вопрос, ошеломив Софью. Глуховатый голос изрек:

– За поездку в преисподнюю, Сафо.

Она икнула и подавилась слюной, по спине до самого копчика пробежала ледяная дрожь. Зеркало заднего вида выхватило холодное лицо архидема. Через силу девушка выдавила:

– Я в преисподнюю не собираюсь, мне нравится жить на полную катушку.

– Этого никому не миновать, Сафо. Ты не знаешь заранее, чего захочешь через минуту. –

Слова архидема потащили за собой мысли девушки.

Она почувствовала на плече руку архидема. Скосила глаза. Руки не было. Растерялась, потому что определенно ощущала на правом плече тяжесть. Движением плеча попыталась сбросить ее, но не получилось. Сделалось жутко. Не могла сообразить, в какую историю вляпалась и кто он, этот архидем.

Его голос будто обдал сыростью подземелья:

– Первый архидемон Прондопул, Сафо, посланец Властелина Игалуса.

Софья затравленно обернулась. Никакого Властелина Игалуса она не знала и знать не хотела. Но ощутила, как с плеча убралась тяжесть, и увидела руки Прондопула у него на коленях. Пальцы пошевелились. Девушка уловила их прикосновение к своей щеке. Не поверила. Она точно знала, что руки Прондопула продолжали лежать на коленях. А щека чувствовала касание пальцев. Жар пробежал по лицу и превратился в лед. Софья сжалась, ей вдруг мучительно захотелось увидеть подружку Анастасию.

Прондопул показал в боковое стекло:

– Анаста близко.

Софья вскинула брови, оцепенела. Анастасия шла по мосту наперерез потоку машин. Размахивала рукой, смеялась, не обращала внимания на звуки сигналов, шипение шин, злые лица водителей. Приблизилась к автомобилю Софьи, распахнула дверцу и плюхнулась рядом. Смешливо дернула плечом. У Софьи от изумления вспотели ладони, мозг запыхал огнем:

– Чертовщина какая-то, – выдохнула, покрываясь испариной. – Невероятно. – Глянула на Прондопула. – Этот номер у вас не пройдет! Вы элементарно срисовали Настю на мосту. Но откуда вы ее знаете?

– Было бы странно, Сафо, если бы я не знал ее! – сухо отозвался Прондопул.

Софья ревниво загозила, слова архидема показались ей обыкновенным притворством, и она вопросительно зыркнула на Анастасию:

– Ты и с ним спишь? Только не говори, что не знаешь его!

Голос Прондопула придавил Софью к сидению:

– Не глупи, Сафо!

– Я вам не Сафо! – воскликнула та.

– Ты многое забыла, – тоном учителя проговорил архидем. – Твоя память не идеальна. Но прошлое не отпустило, оно в тебе. Напомню. Остров Лесбос, город Эрос. Ты приняла дар Властелина Игалуса и стала совершенством в искусстве порока. А теперь, я наблюдаю, ты мечешься между Властелином и Творцом. Глупо, Сафо, думать, что Творец непорочен. Ибо порочны все, кого создал он по образу и подобию своему. Вспомни, ведь Йешуа зачат нетрадиционным способом. Это ли не порок? – Прондопул чуть изменился в лице, и девушке показалось, что он усмехнулся. – Как видишь, нет ничего прекраснее порока, Сафо. Взгляни вглубь столетий, там твое будущее. Прошлое никогда не отпускает, оно всегда в будущем, а будущее всегда в прошлом, – голос Прондопула бил в ушные перепонки, застревал в полушариях мозга, подчинял сознание. Анастасия рядом замерла в оцепенении. Прондопул посмотрел на ее затылок. – Ей также есть что вспомнить. В прошлом будущие познания, а в настоящем прошлые ошибки.

Голова Софьи закружилась, все обволокло туманом.

А когда туман разошелся, она уже ступала босыми ногами по прибрежным, отшлифованным водой камням острова Лесбос. Теплая волна ласкалась. Отражение в воде жило.

Она протянула к нему руку: здравствуй, Софья. Но стоп. Почему Софья? Какое-то варварское имя. Не положишь на стих. Ведь она не знает никакой Софьи. Сафо, она – Сафо.

Сафо была голой. Она отвергала одежды в своем «Доме муз». Это была свобода. Ничто не должно стеснять движений и мешать любоваться женской красотой. Нет ничего выше женской красоты. К сожалению, красота недолговечна, потому надо поедать ее непрерывно, пока она есть.

Солнце жарило. Сафо любила солнечный жар. Солнечные рифмы будоражили мозг, бросали к ее ногам весь мир. Ее стихи заучивали и разносили по свету. Великолепная Сафо, изумительная Сафо, превосходная Сафо, неповторимая Сафо, неподражаемая Сафо. Слава кружила над нею. Со всего света в ее «Дом муз» стремились юные гетеры. Она была богиней для них. Для тех, чьи голоса сейчас сыпались за спиной.

Один голос выделялся особенно, это был голос Анасты. Выпорхнув из-под оливкового дерева, оставив воркотню обнаженных гетер, та подбежала вплотную. Притиснулась грудью к плечу Сафо:

– Люди судачат, боги Греции против любви между женщинами.

Сафо сморщила лицо:

– Покажи мне того, кто сам разговаривал с богами.

Анаста поежилась:

– Оракулы. Боги избрали их.

– Это боги сказали тебе?

– Н-нет, – сбивчиво отозвалась Анаста и чуть отстранилась от Сафо.

– Оракулы врут. Никто их не избирал. Они сами назначили себя посредниками между людьми и богами. Они самозванцы.

– Но люди верят им.

– Это им наказание от богов, потому что надо верить богам, а не оракулам.

– Я не понимаю.

– Тебе и не нужно понимать. У тебя от богов другой дар.

Щеки Анасты полыхнули от удовольствия, она схватила руку Сафо, но спросила осторожно:

– А ты точно знаешь, Сафо, что это от богов?

– Ты такая наивная. Ну, конечно, Анаста. Кто ж еще может заботиться о нас с тобой?

Анаста откинула волосы, приподнимая вздохом небольшую грудь, и вдруг застыла от неожиданности.

Перед ними возникла черноволосая, с пронизывающим размытым взглядом фигура архидема Прондопула в легкой накидке. Крепкая мускулистая грудь и ноги густо усыпаны черными волосами. Еще секунду назад на этом месте никого не было.

Сафо вздрогнула, отступила и замерла.

Прондопул спокойно, но уверенно проговорил:

– Ты заблуждаешься, Сафо. Тебя защищает Игалус, а боги мстят за дар, принятый от Властелина. Как мелкие пакостники, они убили твоего мужа и дочь. Ты избранница Игалуса. Но можешь отказаться от дара, тогда станешь обыкновенной.

– Ни за что, – растерянно пробормотала Сафо, ее сковала неспособность противиться этому голосу и взгляду.

– Я тоже не хочу! – подхватила Анаста, зубы ее застучали.

– Искусство порока превосходно. Наслаждайтесь. – И архидем пропал, как будто его не было.

Тут же обеих охватила страсть, вымыла из мозгов иные мысли. Губы потянулись к губам. Тень оливкового дерева накрыла.

Гетеры последовали примеру, разбросавшись парами на подстилках.

Но длилось все недолго. Глубокое небо над Лесбосом вдруг надвое разорвала кровавая молния. Разряд ударил в дерево, под которым сплелись Сафо и Анаста. Дерево вспыхнуло ярким пламенем.

Гетеры, перепуганные, с криками расползлись в разные стороны.

Сафо подхватила и потянула за собой Анасту, однако та была неподвижной. Сафо пригляделась к ее безмятежному красивому лицу: висок, опаленный огнем, пробит и кровоточит. Сафо вскрикнула и заскулила, скидывая руки:

– Они опять убивают тех, кого я люблю!

Гетеры насильно оттащили ее от тела Анасты.

Сафо не сразу пришла в себя. Опомнившись, вошла в воду, присела. Вода накрыла с головой. Сафо почувствовала страх, ей стало не по себе. Все закачалось и перевернулось вверх ногами. В ушах прозвучал знакомый голос Прондопула:

– Они мстительны, Сафо, забудь о них.

– Как же я могу забыть? – проплыла мысль. – Они дали мне жизнь.

– У тебя будет много жизней, Сафо, и в одной из них тебе придется сделать окончательный выбор.

– Пусть это наступит нескоро, – подумала она.

– У каждого свое представление о времени, – удаляясь, прошелестел голос Прондопула и постепенно потух, как будто потонул в воде.

А еще через миг она распахнула веки и обнаружила, что сидит в салоне автомобиля, крепко двумя руками держится за руль. Рядом расслабилась Анаста, как будто дремала. Сафо дернулась: ведь Анаста погибла. Стоп. Это же Анастасия. Но как похожа на Анасту. И она теперь не Сафо. Дурацкое имя. Древность какая-то. Она – Софья. Она выбралась из глубины веков, будто стряхнула с ног прах. Анастасия тоже завозилась, захлопала ресницами.

Софья вскинулась, сосредоточенно напрягла мозг. В зеркале заднего вида – архидем Прондопул. Опять он, подумала она, и тогда, и сейчас. Лучше б его не было вовсе.

Но за спиной раздался вкрадчивый голос:

– Разве можно было отказаться от славы и великолепия? Было бы глупо, очень глупо. Ты не отказалась, Сафо, и была права совершенно. С тех пор прошло много лет, однако прежние мысли источили тебя, как червь яблоко. Ты хочешь остаться изъеденным яблоком или быть фейерверком во время праздника?

Его слова возбуждали Софью, от них кружилась голова, между тем она сопротивлялась, выталкивая из себя:

– Не может быть вся жизнь праздником!

– Может.

– Это надоест.

– Не слушай тех, кто не испытал подобного.

– Подобного никто не испытал.

– Неправда. Ты не знаешь этого.

– Мне страшно.

– Это хорошо. Повернись к Игалусу и я помогу тебе, – голос Прондопула обволакивал девушку.

А в горло ей как будто вцепились когти ворона, и клюв рвал глаза из глазниц. Не было сил терпеть, она закричала:

– Боже, я не хочу его слушать! – Сжала веки и втянула воздух, а когда вновь открыла глаза – Прондопул сидел на прежнем месте.

– Ты не нужна Богу, – сказал он. – Попроси Игалуса.

Боль внезапно убралась. Софья отдышалась. Внутри появилась червоточина: желание удостовериться. Вцепилась в руль, стрельнула глазами через лобовое стекло, выпалила:

– Тогда полетели!

Фраза еще висела в воздухе, а автомобиль уже оторвало от дороги и подняло над мостом. Внизу на мосту – потоки машин, вправо и влево река. По берегам плотные постройки, вписанные в рельеф, асфальт дорог, редкие деревья, автомобили и пешеходы. Софья вытаращила глаза, невероятно, истерично захлопала в ладоши, возбуждаясь. Анастасия взбудоражено записала.

Автомашины на мосту стали останавливаться, из них высовывались и выпрыгивали люди, глазели вверх, показывали пальцами.

Софья крутанула руль, и автомобиль развернуло в воздухе на девяносто градусов. Ударил ногой по педали газа, автомобиль сорвался с места и, пролетев над мостом, устремился вниз. Софья испугалась, нажала на тормоз, но машина врезалась в воду и стала тонуть.

– Почему? – с диким ужасом закричала девушка. – Я не просила падать в воду! – Через все щели салон наполнялся водой. – Я не хочу утонуть! – Она кулаками била в дверцу, крутилась на сиденье, намеревалась рукой вцепиться в пиджак Прондопула. Но пальцы не могли ухватить ткань пиджака, натыкались на твердь, скользили, как по металлу.

Жутко завизжала Анастасия.

И только голос Прондопула был мертвенно-спокойным, заглушившим вопли:

– Ты перед выбором, Сафо.

Вода в салоне не была теплой, как на острове Лесбос. Чувство близкого конца судорожно сжимало сердце. Мозг Софьи расплавился от метаний, и она, захлебываясь, отчаянно взмолилась:

– Боже, спаси, помоги!

Сзади, как будто плетью, хлестнул холодный голос:

– Это жалкий выбор!

Софья с ужасом оглянулась, но Прондопула уже не было, а во рту – вода, и глаза Анастасии вылезали из орбит.

В это время у перил моста сгруппировались любопытные, беспомощно вопили бесполезные слова. На их глазах автомобиль ушел под воду, выбрасывая наружу пузыри воздуха.

Архидем стоял поодаль и тоже смотрел вниз. Из остановившейся за спиной Прондопула машины выметнулся водитель, вцепился в перила, вопросительно раскрывая рот и выпучивая глаза. Прондопул равнодушно пожал плечами:

– Нельзя изменять прошлому. Изменяя прошлому, губишь будущее. Но это ее выбор, а я умываю руки, – и двинулся вдоль перил.

Человек ничего не понял.

Прондопул шел быстро и уверенно, пока вдруг за спиной не раздались радостные голоса толпы. Покосился вниз, над водой показалась голова Софьи, девушка плыла к берегу. Прондопул приостановился:

– Все-таки Он помог ей, – и безразлично шагнул дальше. Девушка, обессиленная, выползла на берег. Подбежали люди, перевернули на спину. Она вонзилась остановившимся взглядом в небо, не замечая лиц, потерянно выронила:

– Там Анастасия, – и вдруг четко увидела прямо над собой безучастное лицо Прондопула, ее глаза округлились, она взметнулась и ошалело закричала. – Это он, это он убил ее! – Потянулась дрожащей рукой к архидему.

Люди переглянулись, никого не обнаружив на том месте, куда устремлялась рука девушки.

А Софья ела взглядом Прондопула, видя, как тот безразлично отвернулся и начал быстро удаляться. Заголосила:

– Остановитесь, Прондопул! – лихорадочно вскочила на ноги. – Верните ее! – кинулась следом и уже почти дотянулась рукой, но Прондопул вдруг пропал.

Софья еще бежала некоторое время, путая мысли и слова. А люди тарасились ей вслед и не понимали, к кому она обращалась. Кто-то осторожно обронил:

– Это горячка. Пройдет, – но другой дополнил: – Она сошла с ума.

Через четыре часа в темном углу какого-то грязного подвала на тело Софьи случайно наткнулся сантехник: оно было мертвым. На нем не нашли следов насилия, и никто не мог сообразить, каким образом тело очутилось в подвале, ведь на дверях снаружи болтался огромный амбарный замок.

Прондопул стоял и смотрел, как из подвала вынесли тело наружу и положили на корявый бетон крыльца:

– Прошлое не прощает измен, – произнесли его губы. – Оно никуда не уходит и никого не отпускает. Я видел многое из того, что хотел бы забыть, но не могу этого сделать, потому что прошлое всегда в настоящем. Память времени безгранична, она впитывает все и, как воды Иорданские, несет сквозь круговорот тысячелетий.

Глава третья На берегу Иордана

Иудейская земля, как плодородная пашня, возвращала пророков и лжепророков, царей и нищих, святых и блудливых, грабителей и сеятелей.

Среди людей ползли пересуды о появлении в Иерее отшельника Иоханана со странными проповедями. Растекались по закоулкам городов и селений.

Любопытство тянуло иудеев поглазеть на необычные крещения с омовением в водах Иордана, из-за коих Иоханану прилепили прозвище – Креститель.

Языки торговцев, ремесленников, мытарей, раввинов донесли молву до Ерушалаима. Иудеи слизывали ее друг у друга, мусолили между собой, растаскивали по домам и забивали щели храма, заставляя священников ломать головы над этой морокой. В глазах фарисеев, саддукеев и ессеев плавали одни и те же вопросы.

Вскоре слухи начали действовать на нервы, раздражать и беспокоить. И наконец вынудили первосвященников собрать Совет. На Совете стоял возмущенный топот ног, крики, брызганье слюной, пока не решили направить к Иоханану Крестителю священников и левитов из фарисеев, чтобы воочию увидеть его дела.

Под палящим солнцем трескалась земля. Колеса повозок, громыхая, нудили скрипом. Копыта лошадей выбивали из дорог пыль, она прилипла к потным лицам и одеждам, противно лезла в нос, мешала дышать. Фарисеев в повозках растрясло, расплавило на жаре, вымотало. Мирская одежда священников, которую вне служения в храме носить позволялось, взмокла на спинах и груди.

По пути часто останавливались в селениях на отдых, прятались в тень. Набивали брюхо едой и валились с ног. Между тем в конце концов добрались до Вифавары. Здесь расположились на ночлег.

А поутру священники, облеченные доверием первосвященников Ерушалаима, нарядились в торжественные одеяния из чистого белого полотна. Нижнее платье, менохозен, из виссона. Собрано у пояса на шнурок. Поверх него хитон. На воротах спереди и сзади глубокие разрезы, на плечах – шнуровка. Одежда плотно облегла тела, доходила до ступней. Без поясов для нижнего наряда, ибо пояса надевались в храм на служение.

Снова взгромоздились на повозки и двинулись к Иордану. Вблизи реки, путаясь в длинных полах, сползли с повозок в траву. Спокойная волна отражала лучи солнца. Покатый берег травяным ковром опускался к переправе. В стороне от переправы увидели скопление людей. Остановились на вытоптанном возвышении, всматриваясь в толпу. Спросили у проходившего мимо человека, есть ли там Иоханан. И получили утвердительный ответ.

Иоханан был долговязым хиляком в одежде из верблюжьего волоса с кожаным поясом на чреслах. Что-то говорил. Гурьба вокруг тарщилась на него с любопытством.

Дурной народ, дикий, думали священнослужители, всякому доходяге-проходимцу, у коего подвешен язык, в рот заглядывает. Ждали. И когда Иоханан начал купание людей, оживились насмешками.

Фарисеи тыкали пальцами и надрывали животы. Смеялись над новоявленным мошенником. Омование выдумал, дурит народ, проходимец. Придумка новая, в хитрости не откажешь прощельге. Приспособился собирать вокруг себя людей для смуты.

Дождались, когда Креститель остановил купания и с учениками присел отдохнуть. А толпа отхлынула от него и устроилась вокруг на траве.

Тогда священнослужители, подметая полами одежд землю, спустились по косогору. Люди притихли настороженно. Креститель вскинул голову. Священники нахохлились, глядя сверху вниз. Вперед качнулся глава делегации, брюхан с суровыми недоверчивыми глазками:

– Эй, послушай, стало быть, ты и есть – Иоханан Креститель? – С брезгливой гримасой брюхан громко икнул и сморщил лоб. – Что это за одурь ты творишь, безумец? В воду людей загоняешь, головой макаешь, руками крест машешь. Языком мелешь. Людскую молву множишь. Смуту сеешь? К чему народ призываешь? К мятежу? Шайку разбойничью сколачиваешь или новую секту затеял? Какому богу поклоны бьешь? Что за купания выдумал, бродяга? Все это дьявольщина, признайся людям, что речи твои – паскудное вранье. – Брюхан помолчал, ожидая ответ Иоханана, не дождался, снова недовольно пыхнул. – В пророки метишь, баламут? Много таких лжепророков по дорогам шляется, пока не находят их в какой-нибудь канаве с перерезанными глотками. Разбойничьи ножи не отличают лжепророков от баламутов. Ты, подзаборник, отступник, поберегись, твоя тощая шея не очень крепка, чтобы долго носить пустую башку. Впрочем, она ничего не стоит, ты и так слишком долго таскаешь ее на плечах. – Брюхан снова умолк, подхватив руками живот, и заиграл желваками.

– Тебе бы тоже стоило послушать, священник, о душе своей попечься, – нахмурившись, негромко усмехнулся Иоханан. – А то все о пузе заботишься, вон как разбухло, того гляди лопнет. Но не в пузе истина.

– Разбойник! – вспылел священник. – Безумец! Уж не в твоей ли болтовне истина? Язык тебе вырвать – мало! Собрал возле себя сброд, таких же бунтовщиков, как сам. Пускай поберегут головы! Твой язык их не защитит! – Суровые глазки священника побежали по людям, заставляя тех сжиматься и прятать лица. – Забыли Закон, разбойники! – прикрикнул он. – А тебе, Иоханан, лучше убраться из земель иудейских, пока жив! Знаешь, чем кончаются смуты и что бывает с бунтарями? Конечно, знаешь. Не копай там, где уже вырос крепкий колос!

В ответ Креститель оперся на посох и поднялся на ноги. Голос задрожал, набирая силу, жилы на шее вздулись:

– Крепкий колос, говоришь? Присмотрись, так ли он крепок, как кажется. Они все, – Креститель показал на притихших иудеев, – ходили в храм, слушали тебя и били поклоны, но почему это не сделало их такими же пузанами, как тебя? Почему у них не каждый день бывает ломоть лепешки? А ты отождрался и думаешь, правда – в утробе твоей! Лижешь зад тетрарху и римлянам! А за что? Римляне не сделали богаче твой народ. Зачем они здесь? Разве народ иудейский звал их? Пускай убираются в свой Рим! А тетрарх? Царство на бабу променял. Паскудник. Настоящий царь нужен иудеям, защитник, а не римский лизоблюд! Вы забыли, что говорил пророк Исаия. Я пришел, чтобы напомнить. Он предупреждал, что я приду.

Такая самонадеянность Крестителя вывернула священника наизнанку. Он не ожидал подобного отпора, привык к почитанию и почестям. Отступил, злобно раскраснелся, задохнулся от ярости. Было очевидно, что его речь прозвучала напрасно, не произвела впечатления и не воздействовала на Иоханана.

Тут же вся делегация взорвалась криком. Священники и левиты, перебывая друг друга, орали в лицо Крестителю, что много возомнил о себе, стервец. В чужие одежды рядиться начал. Чего придумал, будто о нем говорил пророк Исаия. Только сумасшедшему такое могло взбрести в голову. Очередной мошенник, ушлый плут, жулик. Дождется, что слетит его голова с плеч. Недолго ждать баламутному смутьяну!

Священнослужители ощутили себя в дурацком положении. Им уже казалось, что втуне проколесили путь от Ерушалаима. Окинули проходимца презрительными взглядами и отошли в сторонку, посовещаться.

Быстро убедили себя, что уличили невежду и болтуна, назвали проповеди его вредными и опасными для иудеев. Ничего нового, очередной подстрекатель к бунту, могли бы и не ехать сюда, достаточно было направить царских стражей.

Вернулись к Иоханану с требованием, чтобы больше не мутил и не дурачил людей, прекратил свою болтовню подобру-поздорову, пока не заключили его в узы.

И с надменным видом пошли прочь, шурша подошвами сандалий и полами одежд.

Люди, наблюдавшие все это, жались друг к другу и растерянно глядели то на священнослужителей, то на Иоханана Крестителя. И только одна фигура Прондопула в середине толпы, укрытая иудейской одеждой, была неподвижной. Из-под густых черных волос с синеватым отливом торжествующе холодел тяжелый взгляд.

Иоханан хмуро посмотрел в спины священникам и произнес громко, чтобы слышали в толпе:

– Все когда-нибудь кончается. Фарисеям следует помнить, их конец тоже неминуем.

Еще одну ночь священники провели в том же местечке, ворочаясь и храпя. А спозаранку, когда солнце едва вылупилось из-за горизонта и не было жары, устремились назад в Ерушалаим. Они выспались и пребывали в хорошем расположении духа. Зубоскалили над Крестителем. Потешались над его крещениями и бесились одновременно, ибо зловерные проповеди безумца отрывали людей от храма иудейского. Фарисеи надумали просить первосвященников Ерушалаима изгнать вшаей Иоханана из иудейских царств или заключить в узы. Придется подсуетиться, пошептать в уши, не впервой, насобачились в таких делах.

Креститель тоже проснулся рано. Он всегда опережал лучи солнца. Поднимался, когда оно только подкрадывалось к линии горизонта, намечаясь краснеющей полоской. Ученики подхватились следом. Сбились, как щенки, в кучку, второпях сонно вразнобой пробубнили короткую молитву.

Иоханан отряхнул одежду, плеснул водой в лицо и пошел по берегу между разметавшимися во сне людьми. Некоторые добрались сюда поздним вечером, а то и ночью. Свалились от усталости прямо там, куда в темноте вывела тропа. Придавленные к земле сном, лежали беспорядочно, раскидавшись. Урчали, сопели, храпели, присвистывали и причмокивали, не слышали шагов проповедника.

Солнце только начинало выходить из-за горизонта, отбрасывая длинные тени, еще мало было света, чтобы рассмотреть лица.

Проповедник рассеянно остановил взгляд на шуплом длинноволосом человеке в просторной одежде из толстой льняной ткани. Тот безмятежно дрых на боку, подсунув руку под щеку. В блеклом свете лицо чернело бородой и усами. Креститель приостановился: он узнал его, но будить не стал. Задумчиво постоял и двинулся дальше. Ученики за спиной зашущукали. А шуплый продолжал спокойно спать, прижимаясь впалой щекой к ладони.

Иоханан неторопливо вернулся к реке, сел на валун, опустил ноги в воду. Рядом неслышно сбились ученики, ближе всех присоседился Андрей. Солнце и дорожные ветры потрудились над лицом Иоханана, иссушив кожу. Андрей был также сухопар, но моложе, и кожа имела больше соков.

В утренней тишине звучал легкий бодрящий плеск волны. Река Иордан медленно и спокойно несла свои воды мимо.

Люди на берегу стали просыпаться, разлеплять веки, встряхиваться и тянуться к воде. Накоротке перебрасывались словами и тормозили вопросами Иоханана.

Когда рассвело, проповедник вошел в реку, утопив полы одежды. Принялся крестить желающих. Вода была по обыкновению теплой, подобно парному молоку. Он крестил людей, окуная в нее с головой. Вскоре среди ожидающих купания показался шуплый. Их взгляды встретились. Креститель шагнул на берег, приблизился. Щуплый уважительно наклонил голову:

– Здравствуй, брат.

– Что привело тебя ко мне, Йешуа? – спросил Иоханан, взглядываясь в него. Приподнял брови, заложив морщинку на переносице, скрепил скулы, дожидаясь ответа.

Йешуа был чуть ниже ростом. Худощавое лицо с прямым красивым носом, усы и борода на рельефном крепком подбородке. Глаза с крупными густо-карими зрачками смотрели спокойно:

– Хочу понять, почему к тебе идут люди.

– Ко мне идут те, кому больше некуда пойти, – вздохнул Креститель.

– Идти всегда есть куда. Было бы за кем, – возразил Йешуа. – Ты думаешь, знаешь, куда их вести?

Иоханан секунду подумал:

– Всегда должен кто-то указать начало пути. А поведет тот, кому предназначено. Но все – едино. И мы с тобой едины.

– Нет, – отринул Йешуа. – Твой путь, только твой! – сказал, не раздумывая. – У нас разные дороги!

– Однако сейчас они сошлись, – усмехнулся в бороду Иоханан.

– Нет, – опять отверг Йешуа. – Нет. Ты – бунтарь. Хочешь сломать то, что сложилось между людьми. Твои речи призывают к возмущению. А я не приемлю бунт. Ты руководишься ненавистью и злостью, а я – любовью.

– Я тоже был таким наивным, – заметил Креститель, – но это прошло. И у тебя пройдет. Даже в любви есть место бунту.

– Всякому – своя дорога, – отозвался Йешуа.

– Да, – согласился Иоханан, – но не всякому дано быть первым. Участь первых незавидна.

Йешуа помедлил:

– Ты должен знать свою судьбу.

– Я знаю. – Лицо Крестителя напряглось. – У бунтарей один конец. И не в моих силах поменять его. Я могу заглянуть в судьбы многих людей, я вижу над собою тебя и вижу, что конца у твоей дороги нет, – его брови дрогнули. – Ты не можешь противостоять злу, ибо ты веришь в добро и не веришь в зло. Трудно тебе будет. Мне жаль тебя.

– Не жалей о том, что будет, жалей о том, чего уже не будет. – Йешуа перевел взгляд на воду. – Зачем ты крестишь?

– Крещением я объединяю людей.

– Разве не достаточно Слова, чтобы объединить? – удивился Йешуа.

– Слово ложится на ум, а крещение на душу. Я пробуждаю бунтарский дух души.

– Ты веришь в это?

– Попробуй. И ты почувствуешь, что у нас с тобой много общего, – вымолвил Креститель.

– У нас мало общего, – не принял Йешуа.

– Ты ведь пришел понять меня. Что же тебя останавливает? Не раздумывая, иди до конца! – повысил голос Иоханан.

– Хорошо, – согласился Йешуа.

Креститель поймал узкую худую руку. Люди расступились. В толпе пробежало недовольство, с чего бы им пропускать вне очереди этого щуплого. Но Иоханан не обратил внимания на ропот. Вошел с Йешуа в воду, произнес привычные слова, перекрестил и окунул целиком. А когда Йешуа, фыркая и отплеываясь, вынырнул, подтолкнул в плечо, отправляя на берег:

– Что ты теперь чувствуешь?

– Что я насквозь мокрый, – буркнул Йешуа, мотая головой и ладонями вытирая лицо.

– Тело неспособно передать состояния души, – твердо проговорил ему в затылок Креститель. – Пора наступит, и ты узнаешь, что не я должен был тебя крестить, а ты меня. Иди. Твой выбор за тобой. Не ошибись.

Йешуа неторопливо убрал мокрые волосы за уши:

– Твоя дорога коротка и предсказуема, а мое предназначение еще не открылось мне. – Мокрая одежда на нем обвисла, влага с подола падала на ноги и в траву. – Ты прав, всему свое

время. – Он медленно отвернулся, чуть постоял и быстро двинулся вверх по крутой осыпающейся тропе. По сторонам тропы за землю жадно цеплялась трава, тянулась к реке, задыхаясь от наступающей жары.

В спину Йешуа разнесся негромкий выдох Иоханана:

– Надейся. Надежда – единственный поводырь для всех. И не оглядывайся назад. Не возвращайся к тому, что пройдено. Но помни: зло всегда рядом, одной любви мало, чтобы справиться с ним.

И никто не обратил внимания, как от толпы отделилась черноволосая фигура архидемона Прондопула в неяркой однотонной длинной одежде. Он тихо, чуть отстав, побрел следом за Йешуа, накинув на голову капюшон.

В полдень устроили отдых. Разложили на траве простую еду с акридами и диким медом. Креститель присел на колени и потянулся за хлебом. Андрей крякнул, почесал под мышками, причмокнул губами и напористо спросил:

– Кто это был, Иоханан? Ты выделил его из всех.

Ученики полукругом расположились напротив. Приклеились взглядами к еде. Ждали, когда Креститель коснется пищи, чтобы следом похватать куски. Иоханан занес над едой руку. Но после вопроса Андрея оторвал от еды взгляд, сделал паузу, заставив учеников глотать пустую слюну. Проговорил:

– Он еще сам не знает, кто он. – Чуть помедлил, поймал непонимающие взгляды учеников. – Он верит, что любовь сильнее ненависти.

Ученики потупились. Их в эту минуту больше интересовала еда, они смиренно ждали, и только Андрей не успокоился:

– Знаешь, Иоханан, а я бы пошел с ним, – выпалил он. – Любовь все-таки лучше ненависти.

Креститель недовольно качнулся, хмыкая в бороду:

– Я давно заметил, Андрей, что ты не учишься у меня. Но я не уверен, что научишься у Йешуа. С ним будет труднее. Однако удерживать тебя не стану.

Ученики озадаченно оглянулись на тропу, по какой ушел щуплый человек. Захотелось снова посмотреть на него, не разглядели во время крещения, занимались каждый своим делом. Однако по ней уже двигались другие люди.

Иоханан положил щепоть пищи в рот. Все оживились, засуетились, набрасываясь на еду. День был в разгаре. Солнце плавилось высоко в небе. Стояла духота.

Люди разбрелись по берегу, усаживались, где придется, ворошили свои припасы и тоже приступали к еде.

Фарисеи, возвращаясь в Ерушалаим, молились, чтобы удача покинула бродягу, чтобы загнулся он в первой грязной канаве. Теперь, чем короче становился путь, тем больше сожалели, что не было с ними конной стражи, что унизились до словоблудия с невеждой. Следовало бы сразу посадить проходимца на цепь и в узах доставить на суд первосвященников.

Жаль, не предусмотрели заранее, упустили возможность. Но ничего, все равно не сносить головы отступнику, перестанет гавкать на священнослужителей и царей.

Почесывали затылки, кряхтели. Буйная фантазия вгоняла в пот. Быстрее, быстрее в Ерушалаим.

На другое утро Креститель долго вглядывался в водную гладь. На душе противно скребли кошки. Рядом топтались ученики, Андрей и Симон. Их присутствие раздражало Иоханана. Особенно злил Андрей. Его следовало изгнать за предательство. Ущербным родился, так и пойдет по жизни. А ему ущербные не нужны, ему нужны зубастые и с кулаками. Хоть и невелика потеря, но все же потеря, не находка.

Креститель поморщился, сжимая губы. Вон другие прибившиеся к нему рты раскрывают, глотая его поучения, не прочь сколотить крепкую ватагу и схватиться за ножи, а этот слизняк, недоносок так и не внял его науке.

Иоханан вдохнул и оглянулся. Увидел, как вниз к реке по кривой узкой тропинке спускался Йешуа. Ноги в сандалиях словно скользили по сухой земле. Длинные полы одежды, потрепанные снизу, цепляли камни и невысокую траву вдоль кромки дорожки.

Взоры сплелись. Йешуа остановился. Креститель медленно развернулся навстречу, разлепил сухие губы:

– Ты вернулся, брат, чтобы проститься?

Волосы Йешуа чуть сползли на глаза, худой в запястье рукой он отвел их от лица. Узкая ладонь с длинными пальцами вылезла из широкого рукава. Другая ладонь сжала конец волосяного пояса. Голос прозвучал тихо:

– Да, – проговорил и глубоко вздохнул. – Мы больше не увидимся.

– Не увидимся, – согласился Иоханан, прищуривая глаза от солнца. – Не все в нашей власти.

– Не все, – подтвердил Йешуа. – Не все. Потому и не увидимся.

– Но ты не сожалеешь об этом, – сказал Креститель.

– Нет, – кивнул Йешуа. – Не стоит жалеть о том, чего не изменить.

– И начало, и конец предрешены, – помедлив, грустно сказал Иоханан.

– Я не думаю об этом, – отозвался Йешуа, ощущая песок в сандалии и переступая с ноги на ногу, – но ты мог бы продлить свою жизнь, если изменишь ее.

– Чтобы изменить жизнь, надо измениться самому, – невесело напомнил Креститель. – Я не собираюсь делать этого. И не требую этого от людей. Каждый выбирает сам.

– Но ненависть укорачивает жизнь, – выговорил Йешуа.

– Любовь тоже не продляет ее, – усмехнулся Иоханан. – Когда-нибудь ты убедишься в этом. Любовь часто безответна и равнодушна, а в ненависти столько ярости, огня и страсти! – Его зрачки расширились и сверкнули. – Она дает силы.

– Прощай, Иоханан.

– Прощай, Йешуа. Но помни, человек слаб и беззащитен. Ему всегда надо на кого-то опереться. – Его взгляд упал на учеников. – Эти двое братьев близки тебе по духу. Возьми их с собой, дорога будет легче.

Йешуа перевел глаза на Андрея и Симона, поймал их зрачки и притянул к себе: по спинам тех пробежала испарина. Коротко спросил:

– Пойдете со мной?

Ошеломленно и торопливо они посмотрели друг на друга и на Иоханана. Головы закивали, ладони запотели, языки оторвались от нёба, и с губ сорвалось:

– Да.

Креститель хмыкнул, махнул рукой, молча перекрестил всех и отвернулся. Андрей и Симон почесали бока и шагнули к Йешуа.

А на пригорке маячила фигура архидемона Прондопула.

Глава четвертая

Девушка

Прошло несколько дней. Пантарчук накрепко забыл о Магдалине. Но вдруг дернул звонок из больницы. Ему сообщили, что пациента выписывают и просят приехать за подопечным, ибо у того полная амнезия: не помнит ни себя, ни родных, ни знакомых, ни своего прошлого.

Петр возмутился, какой, к черту, подопечный, знать его не знает! Посоветовал обратиться в полицию. Но женский голос в трубке прицепился, как клещ, нудил и нудил. В конце концов Петру осточертело пререкаться, решил отодвинуть дела и самостоятельно сопроводить бедолагу в ближайшее отделение.

День явно сбивался с ритма.

В небольшом кабинете со стеклянной потолочной люстрой, широкой серой дверью и двумя спаренными столами врач сунул в большую ладонь Пантарчука медицинское заключение. На словах сообщил, что на теле пациента травм не обнаружено. Так, две-три легкие царапины, не связанные с автомобильной аварией. Ушибов головы тоже нет. Определить причину потери памяти невозможно. Пантарчук поморщился, тоже мне светила медицинский, такой диагноз Петр и сам нацарапать мог бы. Он уже начинал жалеть время, которое сейчас терял.

В длинной палате с двумя рядами деревянных кроватей Магдалина в мятой одежде сидел неподвижно и безучастно. Одной рукой опирался на спинку койки, другой разглаживал складки на рубашке. На остальных кроватях больные громко болтали между собой.

Все повернулись на писк открывшейся двери, уставились на врача и Пантарчука. Парень поднялся. Еще раз разгладил пальцами мятую ткань, смущенно пояснил вошедшим, что другой одежды не имеет. Потом посмотрел на Петра:

– Я вас помню. Вы кто?

Пантарчук хмыкнул, лучше бы не помнил. Но безобидный тон парня несколько смягчил ресторатора. Он назвал себя.

Магдалина сконфуженно протянул ему руку, сунул пальцы в крупную ладонь Петра. Виновато улыбнулся. Он заметно напрягся, мучился, не зная, как представиться. Казалось, вот еще немного и все всплывет в памяти, но ничего не всплывало, отрезало, как ножом.

Петр машинально спросил:

– Не вспомнил свое имя?

В голове у Магдалины возникло имя врача, и он хотел произнести его, но язык, вдруг сам по себе выдал другое: Василий. Почему Василий, объяснить себе не мог. А Петру было все равно: Василий, так Василий.

– Стало быть, Василий Магдалина, – заключил он, шумно развернулся к двери и добавил уже на ходу: – Одежду неплохо бы поменять.

Парень двинулся следом. Врач молча посторонился. Больные на кроватях не проронили ни слова.

За дверями больницы для Василия все было незнакомо. Он глазел по сторонам, жадно впитывал дома, деревья, прохожих, улицу.

Пантарчук тяжело придавил заднее сиденье в машине, усадил рядом Магдалину и распорядился водителю тормознуть у магазина одежды.

В бутике парень перебрал ворох брюк и отвернулся, заметив Петру, что не видит ничего приличного. Продавец крутился вокруг него, но навязать ничего не сумел. Продавцу ничего не оставалось, как состроить недовольную гримасу и отступить. Прошлись еще по нескольким бутикам, но все попусту. Привередливость Магдалины начинала напрягать. Однако скоро покупки состоялись: брюки и рубашка были безупречны. Пантарчук отметил про себя, что у

парня неплохой вкус. Василий тут же переоделся, а Петр сунул его старые вещи в руки продавщице для мусорного контейнера и рассчитался за покупку.

Магдалина ждал Пантарчука у двери, когда услышал сбоку женский голос. Невысокая японка показывала спутнику на новые брюки Василия и предлагала примерить такие же. Хвалила цвет, фасон и говорила, что сидят очень прилично. Японец кивал в ответ, поддакивал, соглашался.

Василий неожиданно для себя поблагодарил их за хороший отзыв. Увидел, как у японцев удивленно вытянулись лица и остановились взгляды. Сообразил, что произнес благодарность на японском языке. Стушевался и замешкался. Вспомнил, как врач в больнице хвалил за перевод с английского, а теперь, оказывается, японский с языка слетает.

Пантарчук наблюдал за происходящим с любопытством. Занятный экземпляр этот Магдалина. Занятный. Интересно, что еще можно ожидать от него?

Покинули бутик. Подумав, Петр решил поехать в один из своих ресторанов.

Роскошное заведение с дорогим интерьером оживило Василия, по лицу пробежало волнение, потом удивление, затем растерянность. Память будто бы за что-то зацепилась, но тут же потеряла нить.

Парень разочарованно вздохнул и открыл меню. Попытался углубиться в текст, но буквы долго скакали перед глазами, не собираясь выстраиваться в слова. Наконец сделал заказ. Жевал задумчиво и неторопливо. По окончании еды без энтузиазма, но хорошо отозвался о кухне, польстив Пантарчуку, и медленно вышел наружу.

Петра задержал директор ресторана с какими-то бумагами. Буквально на пять минут. Но когда он освободился и закрыл за собою дверь заведения, на крыльце Василия не обнаружил. Тяжелой поступью сытого человека спустился по ступеням, надеясь увидеть Магдалину в салоне авто. Но увя.

Водитель буркнул, что Василий, видать, тот еще ходок: с пол-оборота увязался за какой-то кружившей здесь девицей, только его и видели. Петр подумал, что ж, увязался и увязался: обстоятельства разрешились сами собой, ненужная проблема свалилась с плеч. Он махнул рукой, сел в машину и скомандовать водителю возвращаться в офис.

– Шустер Вася, – хохотнул водитель. – Хлыщ что надо. Отоспался в больничке, приделся без бабла, брюхо набил на дармовщину и кинул всех, как лохов. Тот еще Вася, не дурак чухать в полицию. Там его образина, видать, кнопкой к доске припишена, мигом расшифруют. Вот он и дал деру.

Пантарчук кашлянул, и кожа сиденья под ним зашуршала. Черт его знает, может, водитель прав. Обвел парень вокруг пальца, даже медиков поставил в угол: заглотили крючок, как глупые караси. Ай, да Вася. Ничего не скажешь, обстригал все по высшему разряду, глазом не моргнул. Петр поморщился, не привык от проходимцев получать под дых. Будто окунулся с головой в болотную жижу, аж в горле запершило.

Достал мобильник, набрал Грушнина, чувствуя себя полным идиотом.

Тот в ответ прокатился негромким смешком:

– Не мучайся, и на старуху бывает проруха.

– Вот гусь, – зло сплюнул Пантарчук. – В дураках оставил. Разыграл как по нотам. Профи, явно – профи. Наизнанку выверну, гаденьша, попадись он только мне на глаза. Ты бы копнул по своим каналам. Словесный портрет нарисую.

– Не забивай голову, время покажет, кто есть кто. Главное, не украл ничего и никого не убил. Понадобись, разыщу.

Вечером, приехав домой, Петр недовольно сообщил Екатерине:

– Губошлепом я оказался, Катюша, причем полнейшим. Противно на себя в зеркало смотреть. – Собственное отражение показалось ему идиотским, и он раздраженно отвернулся.

С Магдалиной же после ресторана произошло вовсе не то, что предположил Пантарчук.

Выйдя на крыльцо, рассеял взгляд по прохожим и вздрогнул, как от удара током. Глаза выхватили девушку. Спина, светлые волосы, плечи, длинные ноги, высокий каблук, бедра, походка притянули как магнитом и не отпускали. В памяти что-то колыхнулось, изнутри обдало жаром. На миг почудилась нечто знакомое в девушке, как будто он готов был узнать ее. Ноги сами понесли по следу. По чужому городу. По шумным улицам и дворам. Мимо неприветливых построек и незнакомых людей. Он спешил за девушкой, захлебываясь безвкусным воздухом.

В памяти зияла дыра, парень хотел быстрее заполнить ее, чтоб не тянуло холодом и безысходностью, как из пропасти. Мозг не находил главного ответа. Но если собственный мозг отказывал, думал Василий, то наверняка должны найтись люди, которые знают, кто он такой. А вдруг эта девушка обернется и увидит знакомое лицо? И станет для него спасительной соломинкой.

Но девушка стремительно прыгнула в такси. Парень заметался. Припустил по тротуару вдогонку, сбивая прохожих. Отстал, потерял из виду. Дикое опустошение сдавило сердце. Надежда рухнула. Он отдышался, уныло опустил плечи и голову, поплелся невесть куда.

Долго блуждал по улицам.

Наступил вечер. Тело нагрузилось усталостью. А мысли вернулись к Пантарчуку. Больше в этом городе Магдалина никого не знал.

А раньше этого, за пять минут до того, как Пантарчук с парнем подъехал к ресторану, свое авто неподалеку припарковала девушка. Отодвинула назад сиденье, переобула туфли и осмотрелась сквозь тонированные стекла. Увидала, как подкатил автомобиль Петра и как двое вылезли из салона. Сразу замерла и притаилась, покамест Пантарчук и Василий не вошли в ресторан. Лишь после слегка расслабилась и сжала губы. Она узнала Василия. И что-то начала прокручивать в голове.

Потом выпорхнула в толпу пешеходов и стала прохаживаться по тротуару. Короткая юбка, топ до пупка, вьющиеся волосы, небольшие уши. Внешность броская, привлекала взгляды мужчин.

Не обрадовалась, когда Магдалина кинулся следом за нею, сделала все, чтобы оторваться и скрыться.

Такси привезло ее в какой-то двор, куда она машинально ткнула пальцем. Огляделась: слева несколько подъездов с облезлыми металлическими дверями, справа палисадник, заросший деревьями и травой. Не считая, сунула таксисту деньги. Выскочила из такси и метнулась к ближайшему подъезду. Забежала, выхватила из сумочки телефон:

– Блохин? Это Зовалевская. – Голос был нервным. – Дуй с Саранчаевым ко мне. Улица Революции, дом номер, да черт его знает, какой номер, он рядом с церквушкой, в нем магазин «Магнит». Найдешь. – Поднялась на площадку между первым и вторым этажами и сощурилась, глядя в окно. Выхватила из пачки сигарету, закурила. Потом бросила окурочок на подоконник.

Выскользнула из подъезда, когда во двор въехал знакомый автомобиль. Прыгнула на заднее сиденье. Блохин – за рулем, рядом – Саранчаев. Он вывернул голову назад, облизнулся, заглядывая под короткую юбку девушки.

– Тринадцатый номер появился в городе, – объявила она резко и раздраженно дернула за ухо Саранчаева. – Не туда тарачишься! – крикнула и продолжила. – Я наткнулась на него у ресторана. Нарочно пробежалась по тротуару, крутнулась перед ним. Решила проверить, помнит ли меня. И он, кажется, узнал, увязался следом. Не могу прийти в себя. – Задержала дамскую сумочку в поисках пачки с сигаретами. Блохин расторопно протянул ей свои и чиркнул зажигалкой. Она затаилась, выдохнула дым и нервно произнесла: – Бред какой-то. Этого никак не должно было произойти. Он не должен никого узнавать. Его мозг чист от прошлого,

как белый лист. Не понимаю. Неужели с Тринадцатым облом? Вы, бараны, ничего не напортачили во время перевозки? – спросила, повышая голос.

Блохин вытянул вперед толстые губы:

– Обижаешь, мать. На чем портачить? – шелкнул пальцами по рулю. Наше дело телячье: погрузили, вывезли за город, выгрузили. Как приказано. По правде, думали, концы отдал, а он живучий оказался. – Блохин говорил неохотно, перед глазами до сих пор стоял ночной призрак, а по телу пробежал жутковатый мороз.

Саранчаев потер ухо, опять украдкой заглянул Зовалевской под юбку. Хрюкнул и дернулся, вспомнив о происшествии на темной дороге. Отвернулся, засопел:

– Может, стоило притюкнуть его? И все было бы шито-крыто.

Зовалевская вжалась в спинку сиденья, посмотрела недобро:

– Если б он при транспортировке отдал концы, от вас теперь только пшик остался бы! – Она с негодованием раздула ноздри. – Еще раз подгребем его и повторим сеанс. Он у ресторатора Пантарчука. Дуйте в ресторан на Красноармейском проспекте. Рядом припаркована моя машина, вот ключи, пригоните. – Бросила ключи в раскрытую ладонь Блохина. – Не теряйте время! – Распахнула дверцу и выпрыгнула вон.

Позже подъехала на такси к высокому зданию на проспекте Ленина, над центральным входом красовалась вывеска: «Центр бизнеса и торговли». На лифте поднялась на этаж. По длинному коридору прошла к нужной двери, привычно толкнула. Помещение не ахти какое, уставлено стеллажами, на которых сплошь натканы коробки с товаром. Против окна два стола, молоденькие девушки за компьютерами, покупатели топчутся в узком пространстве между стеллажами.

Зовалевская протиснулась к внутренней двери в стене. Вошла в небольшой зашторенный полутемный кабинет с черным письменным столом, черным креслом, черным шкафом, черной вешалкой и черными стульями. На серой стене напротив входной двери – картина в черной раме, выполненная в красно-красных тонах. На первый взгляд – абстракция. Но всякий раз, когда Зовалевская пыталась рассмотреть ее, по телу пробежала дрожь и трепетала душа.

На столе – стопки бумаг, большой письменный прибор, вычурные настольные часы со статуэткой пляшущего чертика, плоский ноутбук.

Навстречу девушке из-за стола поднялся мужчина средних лет. В черной тонкой рубашке со стоячим воротом и подвернутыми рукавами, в черных брюках. Густая седина на висках придавала его облику некоторый шарм. Он взял Зовалевскую за плечи и слегка чмокнул в губы. Ростом он был чуть выше нее. Спортивного сложения, с плоским животом, сильными плечами, прямым носом, рельефными губами и цепким быстрым взглядом.

Она опустила на стул с резным изображением пляшущего чертика на спинке. Короткая юбка поднялась до бедер, обнажив красивые ноги. Достала из дамской сумочки пачку с сигаретами, но вытащить сигарету не успела. Хозяин кабинета, не церемонясь, выдернул из ее ладони пачку и бросил на столешницу. Затем придвинул стул для себя, присел, всмотрелся в лицо девушки, молча погладил ухоженными пальцами ее красивые колени.

Зовалевская подалась вперед, вздохнула с сожалением, что не удалось закурить, и принялась рассказывать о случившемся. Рассказывала подробно до мельчайших деталей, зная, что краткое изложение вызовет дополнительные вопросы и неминуемое недовольство собеседника. Закончив, развела руками:

– Вот такие новости, Вениамин. Паршивые.

Вениамин Вяземский продолжительное время не отрывал взгляда от Зовалевской, как бы заглядывал в ее нутро и заново изучал, хотя давно уже знал наизусть каждую клеточку ее тела. Потом откатнулся к резной спинке, чуть вытянул шею и отрицательно покрутил головой:

– Нет, не мог он тебя узнать. Исключено. Просто обжегся взглядом о красивую куколку, красота всегда приковывает. – Вяземский снова слегка погладил ее ноги, словно подтверждал

сказанное. – Любой человек привержен существующему в подсознании образу. Могут быть разные модификации, но идеал остается постоянным. Ты нравилась Тринадцатому номеру, вот и вся разгадка. Встретилась бы ему похожая на тебя, он увязался б за нею. Человек притирается к условиям, но не может условия подогнать под себя. Лишь тешится иллюзиями, что способен переделать природу. Глупость, ерунда. Человеку это не по силам. Мы ведь тоже не изобретаем ничего, мы просто используем природу, как шпаргалку.

Зовалевская зашевелилась на мягком сиденье, оторвала от него зад, приподнялась и потянулась за пачкой с сигаретами. Но Вяземский отодвинул пачку в сторону. Рука девушки очертила в воздухе полукруг, и тело вновь провалилось в мякоть стула.

– С Блохиным и Саранчаевым ты на сей раз поторопилась, – сказал неодобрительно, встал, поглядел с высоты своего роста. – Не тебе и не мне решать такие вопросы. Надо было не пороть горячку, а сначала связаться со мной. – Взял сигареты, повертел в руке и протянул ей. – Но отменять твоё решение не стану. Может быть, перепроверить не мешает.

Зовалевская схватила пачку, поспешно выдернула сигарету и прикурила. Втянула табачный дым и зашлась от удовольствия.

– Впредь будь умнее! – жестко потребовал Вяземский, морщась от дыма. – Занимайся своим делом и не смей вылезать за рамки! Любое выплескивание через край приближает человека к животному. А животное должно содержаться в клетке или стойле!

Его слова заставили девушку вздрогнуть. Она выдохнула дым, неловко скомкала в кулаке сигарету, обожгла ладонь, заерзала на стуле, как будто под нею разожгли костер:

– Прости, Вениамин, – попросила сдавленно. – Я просто переполошилась сдуру.

– Никотин, как и алкоголь, разрушает мозг, – усмехнулся Вяземский. – Со стороны особенно заметно. Подумай над этим на досуге, – резко убрал придвинутый стул и вернулся за стол.

Глава пятая

Нападение

Потеряв Зовалевскую, Магдалина изрядно устал от бессмысленного блуждания по улицам и переулкам. И на ночь устроился на деревянном диване в небольшом дворике. Спал отвратительно, было жестко и неудобно. В мозгах даже во сне заваривалась какая-то каша, и ее невозможно было расхлебать. Голова гудела. Странными вспышками изредка возникала фигура девушки и выплывало лицо Пантарчука. Василий часто просыпался, вскакивал и топтался вокруг дивана.

Тусклый фонарь у подъезда рассеивал блеклый свет. Темные окна пятиэтажного дома спали, как и жители в квартирах. Магдалина смотрел на окна, на фонарь, зевал, снова ложился и забывался.

А утром, проснувшись, отправился искать Пантарчука. Известно, что язык до Киева доведет. Так и случилось. К середине дня Магдалина притопал к ресторану.

На парковке увидел автомобиль Петра с водителем внутри. И совсем не обратил внимания на машину, в которой поджидали его лениво дремавшие Блохин и Саранчаев. Они чуть не прозевали, всполошились, когда тот начал подниматься по ступеням. Кубарем выкатились из салона, метнулись за ним. Вцепились, выкрутили ему руки.

Водитель Пантарчука оторопел от неожиданности: происходящее привело в крайнее недоумение. Он машинально выпрыгнул на выручку Магдалине, занес кулак над Блохиным.

Но вдруг животом наткнулся на ствол пистолета. Растерялся и застыл.

– Тихо, – процедил с угрозой Блохин, бесцветное лицо с бесцветным взглядом вызверилось. – Свинцом набью брюхо!

Водитель попятился, глазами ловил черный костюм и красную рубаху охранника ресторана, возникшего в дверях.

Блохин рукояткой саданул водителя в лоб, вырубил. Взял на мушку охранника, прорычал угрожающе.

Саранчаев в это время стволом своего пистолета втолкнул в машину Магдалину и втиснулся сам. Блохин бросил охранника и нырнул за руль. Мотор взревел.

Охранник с опозданием выхватил оружие и пальнул по колесам. Засвистел воздух. Автомобиль, сорвавшись с места, просел набок, прокатился на дисках, остановился. Саранчаев навалился на Магдалину, тыкал стволом в лицо и картаво захлебывался матом.

Магдалина сжался. Его память не воспроизводила голоса и лица Саранчаева, но монотонный грубый рык Блохина оживлял мозг. В какую-то секунду померещилось, что он уже слышал этот топорный звук. Из густого тумана памяти вылепилась свирепая физиономия с вытянутыми вперед губами. И схлынула, как сон.

К машине бежала охрана ресторана.

Блохин и Саранчаев затравленно переглянулись. Бросили Магдалину и кинулись *наутек*, в гущу прохожих. Оба были в бешенстве, что дали маху. Хрипели и рычали, уходя прыжками от преследователей. Прохожие шарахались. Блохин неся впереди, Саранчаев едва поспевал за ним. С центральной улицы метнулись во дворы. Задыхаясь, юркнули за мусорные ящики между домами, затаились. Преследователи проскочили мимо. Саранчаев и Блохин понеслись в другую сторону.

Магдалина выкарабкался из автомобиля, и тут его оглушил возмущенный крик оклемавшегося водителя:

– Кто ты такой, черт побери?! Бандюган какой-то! – Желтая рубаха водителя на животе была в пятнах тротуарной грязи. – Твои приятели – уголовники отпетые! Чего глаза вытара-

щил? Лучше б дружки тебя завалили и – никаких проблем, а так – одна морока с тобой! – Он хватался за вспухший рассеченный лоб, ощущая ноющую резь.

Чуть позже Пантарчук всматривался в лицо Магдалины с непонятным чувством: вчерашние события приводили в замешательство, но сегодняшние вообще выбивали из равновесия. Тут уже без полиции не обойтись. Чуть прохожих не перебили. Охранник, дурило пустоголовое, стрельбу в гуще людей учинил. Хотя, может, и прав был, тут как посмотреть на это. Василия все-таки выдернули из лап невесть кого.

Магдалину покормили, и Пантарчук снова позвонил Константину Грушину. Тот выслушал и пообещал подъехать.

Через час в кабинете директора ресторана Грушинин и Василий пытливо всматривались друг в друга. Один – на стуле за столом, другой – на стуле возле стола. Перед Грушининым лежала записная книжка и авторучка. Памятуя о вчерашнем разговоре с Пантарчуком, он сразу же задал вопрос о девушке. И поставил Магдалину в тупик. Тот заволновался, растерянность и досада расширили зрачки. Пропала девушка, и больше нечего сказать. Видел только голову, спину и ноги. Пожал плечами, поджался и вдруг неожиданно вскочил, напрягся и не очень уверенно произнес, что попытался бы нарисовать ее портрет. Да, лица не видел, но ему почему-то кажется, он знает его, оно словно маячит перед глазами.

Все было странно. Грушинин недоверчиво улыбнулся: на идиота этот Василий вроде бы не похож, а языком метет полную чушь. Нарисовать портрет, не видя лица. Явно изворачивается, по всему что-то скрывает. Константин попробовал поймать Магдалину на обмане, вразнобой засыпал разными вопросами. Ан ничего из этого не получилось.

Василий так и не ответил на вопрос, кто на него напал. Лишь не переставая тер пальцами лоб, как бы желал стереть из памяти туманный налет. Но только вызывал ломоту в висках.

Все потуги ни к чему не приводили, и он снова сел и обессиленно обмяк на стуле. Было стыдно за себя. Голова пухла от жуткой пустоты в мозгах.

Из всей путаницы ответов Василия у Грушинина проступала пока только одна версия. Он интуитивно связал нападение на Магдалину с девушкой. Придвинул к Магдалине лист бумаги и усмешливо протянул авторучку:

– Рисуйте.

Но Василий перебрался за компьютер, его пальцы забегали по клавишам. Однако очень быстро их бег остановился, взгляд Магдалины потух, ибо в компьютере не оказалось нужной программы.

Тогда Грушинин решил отвезти Василия в полицию. Там очень быстро сделали фоторобот. Магдалина обрадовался, именно это женское лицо блуждало в памяти. Но больше объяснить ничего не смог, сколько бы не морщил лоб и не сжимал виски. Константин пролистал архив собственной памяти, но подобного лица из криминальных дел прошлого в сознании не всплыло. Уточнил у Василия:

– Уверен, что лицо именно той девушки?

– Нет, – ответил Василий. – Но мне так кажется. Почему-то оно тревожит меня.

Грушинин внутренне поежился. Столько времени – коту под хвост. Вот загадка из пяти неизвестных. Вечно попадаешь в цейтнот как в вакуум. Мало ли чье лицо может тревожить, не факт, что оно станет ниточкой, за которую можно потянуть и распутать клубок. Все вилами на воде писано. Это лицо на фотороботе вообще может не иметь никакого отношения к предмету поиска.

Константин сомневался, что не буксует на месте. Попросил у Магдалины приметы напавших на него. И получил фотороботы на Блохина и Саранчаева. Вдобавок Василий вспомнил интонации голоса Блохина и картавость Саранчаева. Грушинин был доволен: мелочи нередко имели определяющее значение.

Через пару часов водитель Пантарчука и охранник подтвердили идентичность фотороботов. И тогда же выяснилось, что автомобиль был в угоне.

Вечером после работы Грушинин подошел к автобусной остановке. Неопределенность с Магдалиной мотала душу. Информации было мало. Вся история не обещала быстрых результатов. Скорее маячила новым всяком. Константин задумался и не заметил очередной автолайн, лишь встрепенулся, когда с шумом на остановку выплеснулась толпа пассажиров.

Глава шестая

Мозги и души

Из толпы вывалились два расхристанных пьяных парня. Одежда мятая, волосы торчком, рубахи нараспашку, обувь грязная, лица небритые.

Тощий что-то по-петушиному кукарекнул своему приятелю с красноносом лицом. И пьяные ноги непроизвольно понесли парней на Константина, с трудом удерживая в вертикальном положении. Наткнувшись на Грушинуна, застопорились, обнялись, невнятно бубня и икая. Константину в нос ударило перегаром, он поморщился, обошел их и шагнул в автолайн.

И дальше не видел, как пьяные сомкнулись лбами, держась друг за друга, как долго топтались на месте, как стали шарить по карманам изжеванных штанов, выскребая мелочь и сыпая на ладонь красноносому. На последний пузырек. Тупо считали, сбиваясь и споря. И снова рылись в карманах. Тощий вытянул последнюю скомканную купюру. И все равно не хватало десяти рублей.

Он цапнул за руку прохожего, хрипло прокукарекал просьбу: одолжить. Но человек брезгливо оттолкнул тощего и шарахнулся вон. Пьяные вяло обнялись, постояли, оторвались друг от друга и, шатаясь, поплелись по тротуару. Потом уткнулись в крашеную стену многоэтажного здания, матерясь и досадуя на нехватку денег.

– Сколько нужно? – вдруг раздалось сзади них.

– Десять! – машинально буркнул красноносый, оттолкнулся от стены и косо повел глазами.

Увидел Прондопула. У того в раскрытой ладони лежала купюра в пятьдесят рублей. У красноносого потекла слюна. Он жадно схватил купюру и почувствовал, как хмель мгновенно стал улетучиваться из головы, а по спине побежал мороз. Скрючился от пронизывающего взгляда, выпучил белки глаз, но деньги из пальцев не выпустил. Тощий тоже начал трезветь.

– Ты артист, что ли? Фокусник? – Красноносый сжал купюру. – В бабочке.

– Спецодежда, – коротко бросил Прондопул.

Тощего на минуту пробил зависть: хорошая работенка, коль такой спецовкой разжился. Отрезвление действовало угнетающе, хотелось вернуться в пьяную очумелость, чтобы в мозгах продолжала бродить хмельная дурь. Ткнул в бок приятелю, дескать, проси еще на одну бутылку. Но у красноносого в голове заелозила трезвая мысль не попрошайничать, а продать Прондопулу часы. Он выпятил грудь и протянул архидему запястье с часами, предлагая купить. Но Прондопул даже не глянул на них. Тогда красноносый принялся навязываться, уверяя, что часы точны до секунды. Однако Прондопул оборвал, заметив, что часы на две с половиной секунды отстают. Слюнявый рот красноносого раскрылся, тупой грязный палец поскреб по циферблату, и парень начал предлагать архидему все подряд, что возникало в мозгах. Отчаявшись, пыхнул:

– Да купи ты хоть что-нибудь. Недорого возьму.

– Твои мозги, – сказал Прондопул.

– Мозги что надо! – Красноносый стукнул себя по лбу. – Любую работу сварганю за бабки! Говори, что смастерить? – Он явно не понял, чего хотел от него Прондопул.

Взгляд архидема сковал тело красноносого и он ощутил, как в голове полушария перевернулись с боку на бок, потом набухли, точно тесто на дрожжах, затем сжались до голубиного яйца.

– Твой мозг атрофирован, – изрек архидем, как отрубил, словно перед этим покопался в черепе парня.

– Не балаболёшь чушь, – противился красноносый. – Я не дурак. У меня высшее образование, – похвастал. – Я запросто мог стать профессором. – Глянул на тощего. – А чем черт не шутит? – Красноносый осклабился.

Тощий закивал и тоже прокукарекал:

– Да, да, чем черт не шутит.

Взгляд Прондопула вогнал приятелей в дрожь:

– Черт никогда ничем не шутит, – сказал недовольно. – Черт не клоун в цирке.

Тощий поджался, хихикнул и вопросительно снова кукарекнул:

– Ты с ним знаком, что ли? – И тут внезапно его язык прилип к верхнему нёбу, а из раскрытого рта вместо слов разнесся петушиный хрип.

– Я с ними со всеми знаком, – спокойно подтвердил архидем. – Ты тоже скоро познакомишься.

А красноносый вдруг обнаружил, что не в силах оторвать ноги от асфальта. Бросил взгляд книзу и ошалел: ног не было, торчало только туловище. Висело в воздухе. Красноносый покоился на тощего и ополоумел окончательно. На месте приятеля в воздухе маячил белый скелет, щелкая скулами черепа. Красноносого пробило жаром, кажется, до ручки. Зажмурился и забарабанил зубами:

– Никаких чертей нет! Не бывает! Никого не бывает! Как говорится: ни богу – свечка, ни черту – кочерга! И ты мозги не пудри, фокусник!

Сбоку скелет тощего задвигал костями.

Красноносый по-прежнему не видел своих ног. Не мог взять в толк, как теперь передвигаться, не висеть же всю жизнь в воздухе на одном месте. Видел только, как шарахались в стороны прохожие и качались, будто корабли на волнах, автомобили на дороге. Попытался развернуть туловище, и к великой радости это получилось. Ноги под ним ожили и затоптались по асфальту. А скелет приятеля проявился в виде глупейшей физиономии и худосочного туловища собутыльника. Красноносый вздохнул с облегчением. Нет, точно, с питьем надо завязывать, иначе крыша уже поехала.

Прондопул взглядом потянул красноносого влево, тот переместился на три шага. И в следующий миг на то место, где он только что топтался, жажнул с кровли кирпич. А чей-то голос сверху запоздало пискляво предупредил, чтобы внизу побереглись. Опоздал на две с половиной секунды. Архидем заметил:

– Две с половиной секунды. Достаточно, чтобы оборвать человеческую жизнь. Но кому она нужна без свечки и кочерги?

– Ну, ты даешь, – буркнул красноносый. – Человеку, конечно.

– А зачем она человеку? – спросил Прондопул.

– Ну, ты даешь, – повторил парень, не найдясь, что ответить.

– А кому тогда нужна человеческая смерть? – спросил Прондопул.

– Ты что, самый умный? – сморщился красноносый. – Думаешь, не кумекаю, куда клонишь? Думаешь, ты толковее Дарвина, да? – широко раскрыл рот парень. – Никого нет: от обезьяны мы с тобой! Забыл, что ли, Дарвина, фокусник?

– Помню. – По лицу архидема пробежала тень насмешки. – Но встречаться не довелось. Неинтересная личность. Мои подручные подбросили ему обезьянью идею, чтобы насолить Творцу. А его понесло и зашкалило. Договорился до ручки, вообще всех отмел. И ты повторяешь за ним. Свечке и кочерге ты предпочитаешь обезьяну. Но обезьяна-то есть? Ты же веришь в нее?

Парень глядел очумело. Получалось, что вместо Творца и черта он верил в обезьяну. Мозги медленно перемешивали это варево. Голова шумела, как паровой котел. Перед глазами проплыла большая обезьянья морда. Его скукожило. Он поперхнулся. К горлу подступила рвота.

Архидем снова взглядом потянул красноносого влево, и еще раз на асфальт грохнулся с крыши кирпич, разметав красные брызги осколков. И вновь писклявый голос сверху предупредил с опозданием на две с половиной секунды.

Приятели посмотрели вверх. С крыши тарачились растерянные физиономии рабочих. Красноносый яростно погрозил кулаком. Умирать он не собирался, хотя и жизнь такую клял беспощадно. Перевел взгляд на Прондопула, просипел:

– Обезьянья жизнь, это точно. А ведь я мог бы стать ученым. Но бес попутал, схлестнулся с зеленым змием. И вот что я тебе скажу, фокусник, этот зеленый змий хуже обезьяны.

Архидему не понравилось сравнение. Только ущербный ум человека мог придумать такое. Прондопул захлопнул ему рот и напомнил:

– От сотворения мира Змий занимал важнейшее место среди людей. Адам и Ева дружили с ним, на Рай плюнули ради этой дружбы.

Но красноносый отмахнулся, он не верил и в Адама с Евой. Осточертело, опостылело все, забыться бы, выпотрошить из мозга всяческие думы, и – никаких проблем. Архидем поддержал его мысли:

– Так и есть, – подтвердил он, – без мозга человеку жить легче. Зачем мучиться? Сбыть его с рук, да и делу конец. Я куплю. Для моей коллекции подойдет.

– Для фокусов, что ли? – Расширил веки красноносый. – Это как же? После моей смерти?

– Нет. Прямо сейчас. Оплачиваю сразу, – взгляд Прондопула вобрал в себя глаза парня. – Не бойся. Я не желаю тебе смерти. Ты не умрешь. Будешь и дальше жить, только без мозга.

Красноносый с трудом переваривал, но что-то подталкивало поверить архидему. И это что-то было сильнее его. Он не мог барахтаться против течения, боялся захлебнуться. Тем не менее набрал силенок, чтобы пробормотать:

– Это невозможно. Жить без мозга нельзя.

– Все возможно, – заверил Прондопул. – Червь живет без мозга.

По телу парня пробежало волнение, как по червяку:

– Я не червь, – пролепетал он.

– Ты не знаешь, кем ты был в прошлых жизнях и кем ты будешь потом, – твердо отсек архидем.

– Ничего не было и не будет, – попытался настаивать парень.

– Но зачем же тогда Рай и Ад? – усмешливо спросил Прондопул и красноносый ощутил его взгляд в глубине собственного мозга.

– Выдумки, – парень чувствовал себя отвратительно, к нему вернулась полная трезвость, и это было плохо, теперь приходилось напрягать мозги, разговаривая с Прондопулом.

– И душа – выдумки?

– Конечно. Ничто! – отрезал красноносый и глянул на увядшего от трезвости тощего, тот заметно скис.

– Тогда продай душу, – тотчас предложил архидем, – ты можешь хорошо разжиться ни на чем.

Парню до чертиков хотелось пропустить стаканчик спиртного. Аж ломило в суставах от жуткого нетерпения. Какое мерзкое состояние трезвости. Протрезвевшая голова, оказалось, не способна нормально мыслить. Ей не хватает хмеля. Готов орать, как тот король: полцарства за коня, вернее, за стакан любой сивухи. Вот только царства у него не было, чтобы отстегнуть половину. И какая, к дьяволу, тут душа, когда внутри все кипит, глаза вылезают из глазниц, только одно и хотят увидеть.

– Сколько дашь? – вытолкнул он из себя.

– Душа штука дорогая, – неожиданно включился тощий. – Проси ящик водяры, а лучше два. Гульнем.

Но красноносый попятился. Продать мозги вместе с душой это уже слишком. Он хоть и не верил ни во что, но с чем-то надо же остаться. Если без мозга, то хотя бы с душой.

– Душу не продам, – выпалил несогласно. – А мозги забирай, проку от них никакого. Обезьяной жил, теперь червяком покопчу небо. Понимаешь, вокруг все равно одни обезьяны и черви.

– Да, напортачили мои подручные с Дарвином. Недоглядели, не одернули вовремя. Отвергая Творца, нельзя отвергать Игалуса, – с металлом в голосе произнес Прондопул. – За это на триста лет Властелин определил их в Пекло подушными кочегарами. А душа Дарвина мотается между двумя воротами, клянчит, чтобы приняли в Рай или в Ад. Еще пятьсот лет ей канючить, а потом тысячу лет будет мытариться в шкурах обезьян. Многие люди отказываются от мозгов, чтобы подняться над остальными. Многие заблуждаются, когда считают, что все великое совершается от большого ума. Нет, все великое у людей случается от большого безумия. Дарвин не понял этого, слишком высоко возносил свой мозг. Думал, его мысль способна создавать мир по его представлению. Но он был всего лишь жалким червяком в этом мире. От него ничего не зависело, потому что мир давно создан. Создан бездарно. И только Игалус способен изменить его.

Красноносый и тощий бездумно уставили глаза на архидема. Липкая дрожь лихорадочно сновала по их телам.

Красноносый тыркнулся почесать затылок и обнаружил, что нет руки. Окинул взглядом себя и обомлел: туловища не было. Ничего не было: ни ног, ни рук, ни живота, ни груди. Крутанул головой, и она завертелась в воздухе, как резиновый мяч. Висела совсем одна, как будто в безвоздушном пространстве.

Он поймал глазами тощего. И у того тоже не было туловища. Так же вращалась одна лохматая голова с ужасом в зрачках.

Красноносый раскрыл рот и услышал собственный голос, и это ошеломило его. Не ожидал, что голова без туловища способна заговорить.

А рядом прокукарекала голова тощего, она не хотела болтаться в воздухе, ей было страшно.

И вдруг все разом вернулось на круги своя. Появились туловища с шеями, руками и ногами. И головы больше не поворачивались на триста шестьдесят градусов.

Тощий завозился, беспокоясь, что может профукать очередь и остаться в дураках:

– Слышь, фокусник, – прокукарекал он Прондопулу. Ему, как и его собутыльнику, было муторно от протрезвления, на душе тоже скребли кошки. – Я, между прочим, также готов сбить свои мозги.

Архидем не глянул на него, но тощему показалось, что тот ошпарил взглядом с головы до ног. Губы Прондопула не пошевелились, но тощий ясно уловил разочарованный голос:

– У тебя такой же негодящий мозг, но уступлю просьбе, выкуплю для коллекции и его.

– Оплата вперед – водкой, – торопливо предупредил тощий. – Два ящика водки! – И еще уточнил: – Каждому.

Архидем молча вскинул руку, и красноносый с тощим ощутили, как их волосы встали дыбом, а черепа сдавили железные обручи. Затем черепа раскрылись, как крышки унитазов. Мозги обдало ветром, донеслось чваканье, и крышки захлопнулись. А собутыльникам стало легко: никаких обручей, полный вакуум под темечками.

Сбоку что-то звякнуло. Приятели на звук повернули лица: на тротуаре – четыре картонные коробки с бутылками водки.

Тощий и красноносый посмотрели на архидема, но того след простыл. Глянули друг на друга, увидели пустые бездумные глаза.

Красноносый хлопнул руками по затылку, в ушах раздался звон пустого ведра. Он стукнул по затылку кулаком, звон повторился сильнее. Тощий проделал то же самое. Пустота.

Однако никто из них не огорчился: эмоции покинули собутыльников, лишь осталось удовлетворение собой.

Парни вытянули из ящичков по бутылке. Прямо из горлышка осушили до дна, закурили, ожидая хмельной туманной дури в головах, не дождалось. Выпили по второй и снова затянулись дымком сигарет. Время шло, но дурмана в головах по-прежнему не было. Только ноги перестали держать.

Цепляясь за коробки, собутыльники рухнули на асфальт у стены здания. Опьяневшие тела были неуправляемыми. Языки заплетались. А в головах между тем свежо и ясно, как будто они жили отдельно от туловищ. Водка не могла замутить того, чего не было в черепках. Жизнь для приятелей одновременно потеряла смысл.

Красноносый стал крыть себя за то, что оказался придурком, отказавшись от мозгов. Утверждал теперь, что надо было продать душу, совсем другое было бы дело.

А прохожие в это время живо прибирали к рукам водку. Впрочем, собутыльников это уже не заботило.

Под утро следующего дня приятели оклемались, подняли свои тела на дрожащие ноги.

– Что делать будем? – спросил тощий. – Надул фокусник. Такой фокус мне ни к чему. От водки никакого проку. На душе противно.

– Да к черту эту душу, – плюнул красноносый. – Без нее вполне можно обойтись. Сбагрил бы за милое дело. На кой ляд оставил, пожадничал. Живем без мозгов, проживем без душ.

– Так в чем же дело? – раздалось за спинами. – Покупаю!

Обернулись, тупо наткнулись взглядами на Прондопула. Тот стоял метрах в десяти, но голос раздавался рядом. Раскрыл ладонь с толстой пачкой новеньких купюр. Будь у парней на месте мозги, один вид денег заставил бы их опешить и переводить в количество бутылок, но сейчас глядели безучастно. Потом тощий скривился и ткнул грязным пальцем в костюм Прондопула:

– Меняю на такую спецовку.

– Такую спецодежду заслужить надо! – холодно отказал Прондопул. – Она в единственном экземпляре.

– Мне нравится бабочка, – показал пальцем красноносый.

– Мне тоже, – подтвердил тощий.

– Ну что ж, сделка состоялась! – объявил архидем. – Я забираю души!

Когда чуть позже на улице появились первые утренние пешеходы, они обнаружили на тротуаре возле стены здания два мертвых тела. Трупы были голыми, но на шее у каждого красовался галстук-бабочка кроваво-вишневого цвета.

Собралась толпа, позвонили в полицию. За спинами любопытных возник Прондопул. Кто-то из людей обратил внимание, что у того на шее такой же галстук-бабочка, и показал рукой:

– Бабочка.

– Они получили, что захотели, – обыкновенно пояснил Прондопул. – Это их выбор. Нынче очень просто купить мозги и души. А вот в пятнадцатый год правления Тиверия кесаря Ирод Антипа не сумел. Не следовало на него полагаться. Надо было все самому сделать. Повернуть бы вспять, да не стоит сейчас, все равно конец всему наступит. – И медленно стал удаляться.

Прохожий раскрыл рот от изумления и замахал руками:

– Остановите его! Он что-то знает! – прокричал в спину Прондопулу.

Другие оглянулись, но никого не увидели, недоуменно посмотрели на кричавшего. А тот притих, думая, что все ему померещилось.

Глава седьмая

Ирод Антипа

Тетрарх Галилеи и Перей Ирод Антипа беспокойно топтался в притворе своего дворца в Ципори.

Дворец был построен из дорогих камней, обрезанных пилой и обтесанных по размеру. В основании дворца также заложены дорогие камни в десять и восемь локтей. Внутри дворца радовало глаз дерево ливанское, а столбы, полы и перекладины сделаны из кедра. Большой двор огорожен рядами тесаных камней.

Это был один из старых дворцов прежних царей. Он давно напрашивался на переустройство, но Ирод Антипа не спешил с этим. Тетрарх млел от него, испытывал от старины особый трепет, чувствовал здесь присутствие духов прежних властителей, их величие и славу.

Величие прошлого не давало Антипе покоя. А еще не давал покоя тетрарху римский прокуратор Иудеи, Понтий Пилат. И сильно раздражал своими проповедями бунтарь – Иоханан Креститель, отхватить бы ему язык по самую глотку.

Все слилось воедино.

Понтий Пилат обитал не близко, в Кесарии, в своей ставке, либо наезжал в Ерушалаимский дворец, помнивший славу Ирода Великого. Ирод Антипа предполагал, что Рим поручил прокуратору не только править Иудеей, но и совать нос в его дела и дела его брата Филиппа, изрядно зажавшегося в Итурее и Трахонитской области. Хотя над всеми ними распустил крылья римский наместник Сирии, но уж очень беспардонно и подозрительно часто Пилат интересовался событиями за пределами Иудеи. У самого под носом, в Ерушалаиме, подчас творилось невесть что, а он из кожи лез, других мордой в дерьмо тыкал. И облизывался от удовлетворения, как шакал над падалью.

Тетрарх понимал, что, по доносам Пилата, Рим в одночасье может выпотрошить его с братом из царских одежд. В лучшем случае плюнуть в душу и выбросить вон, а в худшем – раскорячить на перекладинах и отдать воронью на пожирание. Поэтому Антипе приходилось постоянно быть начеку, дабы ладить и с римским наместником Сирии, и с римским прокуратором Иудеи, чтобы не потерять власть в своих пределах. Удовольствие от таких потуг, надо заметить, как от деревянного кола в заднем проходе. Но что делать, если страх утратить власть нешуточно изводил тетрарха. Немало этот страх подогревался еще Иохананом Крестителем.

Последнее время доконали Ирода Антипу доносы сыщиков о бунтарских речах новоявленного проповедника, слонявшегося по разным землям прежней империи Ирода Великого. Крестителя явно заносило, он открыто лез на рожон. Нес чистейший бред. Призывал людей покончить с властью Рима, говорил, что ее следует скovyрнуть иудеям и галилеянам, как нарыв на ягодице. Иоханан не крестил римлян, гнал от себя, обещая спалить их огнем. Его мятежный дух захватывал людей, увеличивая ропот среди них. Ирод Антипа всегда умело разделялся со своими недругами и хулителями, пикнуть не успевали, как оказывались в руках стражи. Однако с Крестителем был не тот случай, чтобы выпячивать крутой нрав. Уж очень он стал известен в народе. Его бред не сходил с языков.

Ныне Иоханан пребывал в пределах тетрархии Ирода Антипы. И тетрарх не на шутку опасался, что римский правитель Иудеи проявит недовольство его бездействием.

И Антипа не ошибся. От Пилата явился вестник к нему и к Филиппу. С малозначимыми вопросами о налогах в первую очередь и с вопросом о Крестителе в последнюю очередь.

Но Антипа понял, что последний вопрос на самом деле является главным. А когда вестник сказал, что прокуратор весело улыбался, слушая сообщение об Иоханане, это только укрепило мысли тетрарха. Он хорошо чувствовал Пилата, знал, что улыбка прокуратора могла в

мгновение ока превратиться в звериный оскал. Он и сам был таким, поэтому лучше многих осознавал настроение римского правителя Иудеи.

Определенно Пилат не считал речи неумного Крестителя бредом сивой кобылы. Он видел в них попытку Иоханана, разрушить повинование темного люда римскому могуществу.

Ирод Антипа удерживался на своем троне лишь потому, что умел предугадывать желания Рима, связывать с ними свои желания и действовать моментально, не откладывая в долгий ящик.

Теперь же тетрарх медлил, хотя его корбило оттого, что бродяга из «ниоткуда» сумел за короткий период приобрести завидную известность на пространстве некогда единой и огромной, а ныне разделенной на части империи Ирода Великого. Нахрапист смутьян, незнамо на что надеется. Впрочем, во все времена так бывало. Пророки тоже начинали с этого. Разносили вслух то, о чем многие думать боялись, а уж говорить тем более, языки прикусывали. Вот и сейчас уже кто-то где-то несет, что Креститель праведник, и толпятся округ гурьбою. По доносам сыщиков, в землях Галилеи, подвластной тетрарху, он не сидел на месте. Действовать с ним надо осмотрительно. Ушло время, когда можно было бесхлопотно свернуть ему шею. Поздно спохватились.

Тетрарх прикидывал, сделай он сейчас без хорошего повода опрометчивый шаг в отношении Иоханана, и запросто может прокатиться никчемушная смута среди галилеян. А в теперешнюю пору Антипе она была совсем не на руку. Лучше выждать, несмотря на то что Пилату это не нравится. Повод обязательно найдется, конец неминуемо наступит.

Ирод Антипа по-царски драл кверху подбородок, мягкой походкой в легких удобных сандалиях топтался из стороны в сторону в притворе дворца. На нем была пурпурная одежда, увешанная драгоценными камнями, пропитанная тонкими благоуханиями, и диадема.

Перед Антипой раболепно сжимался домоправитель Хуза. Лицо Хузы было не выпавшимся, кислым, да и весь он выглядел пришибленным, непохожим на себя. Впрочем, тетрарх терпеть не мог, когда лица придворных расплывались от радости, особенно если у тетрарха в тот момент на душе скребли кошки.

Плохое настроение Антипы усугублялось неопределенным предчувствием, возникшим после увиденного под утро сна. Не знал и даже не догадывался, какими событиями наяву обернутся сновидения. Не уверен был, что сон предвещал удачу, что покой, коего последнее время лишился, непременно вернется.

Скисшее лицо Хузы давало повод царю предположить, что главный смотритель дворца сообщит о каком-нибудь ночном происшествии в стенах. Всегда во дворце что-нибудь происходило, и чаще всего по ночам. Ирод Антипа уже привык выслушивать от Хузы подобные доклады.

Однако в уши царя вошла новость неожиданная, она привела тетрарха в оживание и вызвала усмешку на лице: Хуза сконфуженно пожаловался, что от него сбежала жена Иоанна.

Имя жены Хузы напомнило Антипе о Крестителе, и он досадливо покривил губы. Но тут же язвительно подумал, что женщина крепко поддала мужу тем же манером, что Иродиада мужу Бозту. Тетрарх не жалел таких бедолаг и не сочувствовал им. Сами виноваты, если позволили женам стать чужими любовницами.

Тетрарх ждал, что вот сейчас Хуза пожалуется на распутство Иоанны и попросит о справедливом суде над нею. Наивный, где и когда он видел у правителей эту справедливость? Разве, находясь много лет возле властителя, он еще не понял, что тетрарх справедлив не потому, что он справедлив, а потому, что он повелитель?

Однако Хуза не произнес больше ни единого слова. Выходит, он не обвинял жену в измене. Хотя бы в этом оказался перед тетрархом сообразительным. Ведь, как домоправитель, он хорошо знал, что в недавнее время Антипа сам таскал в свою постель многих жен придвор-

ной знати. И если бы каждый муж стал жаловаться на измену своей жены и просить справедливого суда тетрарха, тогда весь дворец гудел бы, как растревоженное осиное гнездо.

Тетрарх усмехнулся еще раз, ему все-таки было любопытно, почему и куда сбежала Иоанна. И Хуза ответил, что потащилась за баламутами, которые во множестве слоняются по землям иорданским, как будто те медом намазаны.

Тетрарх рассмеялся, он представил жену Хузы, как она неприкаянно шаталась вместе с грязными оборванцами и выпрашивала кусок хлеба на пропитание. Голодала и радовалась всякому брошенному куску. Иоанна была изнеженной, привыкла к расшитым мягким одеждам и таким же сандалиям. Сменить все это на грубую одежду из посконного холста или из овечьей, козьей и верблюжьей шерсти и шастать босыми ногами по камням это невероятная глупость со стороны женщины, дикое насилие над собой. Антипа не думал, что это продлится долго, а потому, не колеблясь, заверил Хузу, что скоро его жена на четвереньках приползет назад. Станет на коленях умолять мужа, дабы тот простил и принял ее снова. И тогда все будет зависеть от слова Хузы.

После этого домоправитель приободрился и приступил к отчету о делах во дворце. Он делал это один раз в три дня, старался докладывать так, чтобы тетрарха не очень беспокоили внутренние дворцовые проблемы и не отзывались недовольством на домоправителе. Иногда, правда, бывали случаи воровства, скандалов и стычек между придворными. Тогда Хуза очень умело переваливал все на плохую дворцовую стражу, и тетрарх неистовствовал, распекая начальника стражи. Многие начальники стражи после докладов Хузы поплатились своим местом, а иные головой. Лишь последний удерживался долго, потому что был хитер не менее Хузы.

Придворные боялись Хузу, втайне люто ненавидели и жаждали, чтобы он окочурился. И он, конечно, знал об этом.

Сейчас Хуза понимал, что все вокруг, проведая, что от него сбежала жена, будут тайком заходиться от насмешек. Фарисеи и книжники обязательно напомнят о законе Моисея, хоть он никак его не нарушил своим отказом обвинить жену в неверности. Конечно, он мог бы совсем иначе поступить с нею, но она была молодая и привлекательная, вторая, после смерти первой. Хуза хотел бы вернуть ее домой.

Он знал, что Иоанна всегда любила слушать бродячих болтунов, и не запрещал этого. Ему было на руку. Она всякий раз приносила новости о тех, кто растаскивал по тетрархии вредную болтовню, и о тех, кто растопыривал уши для этого суесловия. Хуза был в курсе многого, это нередко помогало в делах. От жены наслушался об Иоханане Крестителе. Тот в своих речах неустанно долбил Ирода Антипу за нарушение закона. Тетрарх при живой жене сожительствовавал с неразведенной женою сводного брата Бозта, Иродиадой.

Галилеяне глухо роптали, передавая друг другу речи Иоханана. Будоражились, забывали страх, возмущенно плевались в сторону тетрарха.

Хуза содрогался, слушая жену, сердце колотило, ибо он отчетливо понимал, что тетрарх никому не простит и не упустит своего момента.

Сейчас Хуза видел, что царь был в курсе речей Иоханана в адрес римлян, но не ведал о нападках на себя. Ему боялись принести эту весть. Каждый разумел, кто первым придет с такой новостью, может вмиг лишиться головы. Но также может остаться без головы любой, кто вовремя не принес весть. А слухи ползли, как змеи.

Между тем доносительство не являлось обязанностью Хузы, для этого у тетрарха были доносчики. Они, как крысы, шныряли повсюду, их почти всех знали в лицо, а потому при них всегда несли хвалебный бред.

Хуза был поднаторевшим верченым лисом и псом-царедворцем в одном лице. Умел без мыла втираться в доверие и рвать ошейник после команды «фас!». Он выжидал, когда отважатся доносчики, но те тоже ждали, кто первым бросится головой в пасть тигру. Хуза за мно-

гие годы изучил характер тетрарха, собачьим чутьем чуял, когда какое слово можно вставить, а когда какое слово стоит напрочь забыть. На сей раз учуял, что тетрарх готов проглотить любую кашу, тем более от него, униженного собственной женой. И Хуза отважился.

Осторожно и вкрадчиво облизнулся, преданно завихлял в три погибели и заскользил языком по нёбу, сообщая о плохой новости об Иоханане Крестителе.

Тетрарха удивило, что Хуза после отчета по обыкновению не улизнул с глаз долой, а заговорил на тему, никак не связанную с его придворными обязанностями. Остановился перед домоправителем и, недоумевая, посмотрел сверху вниз. Ирод Антипа был выше Хузы, вдобавок тот согнулся и не поднимал головы. Упоминание о Крестителе отдало противной резью в кишечнике тетрарха.

Хуза не зрел в этот момент выпученных глаз властителя, но чувствовал, как они прищурились и остановились, точно у зверя, парализующего взглядом свою жертву.

– Говори, коль есть что сказать, – крикнул Ирод Антипа. – Что за новость?

Хуза заерзал издалека. Не мог так сразу напрямую, его лисья порода заюлила, чтобы обелиться, подняться в глазах тетрарха на прежний уровень, а может, еще выше.

– Великий царь, – по капле выжимал из себя Хуза, – жена слыхала гнусные речи Крестителя. Просила передать, что он не только поносит римлян, но и оговаривает тебя. Его бред опасен. Ни один смертный в царстве не смеет произнести таких речей, не поплатившись зряшной головой. Креститель судит тебя. А народ Галилеи возбуждается и разносит эту галиматью по всем застрехам. У меня не поворачивается язык повторить то, что во всю глотку несет безумец.

Ирод Антипа нахмурился, где-то под печенкой колко заежилось. Он еще не услышал от Хузы никакой конкретики, но толчки изнутри подсказывали тетрарху, что Иоханан костерит его не меньше, чем римлян. Жар ударил в голову. Царь занервничал. Неотрывно смотрел на царедворца.

– Прости, Великий царь, у меня не хватает духу, – еще ниже пригнул себя Хуза, и от этого выверта позвоночник закрипел, как ржавый механизм. Но ухо Хузы цепко уловило над собой натужное сопение Антипы. – Его язык, как жало змеи, – прожужжал Хуза, а по животу, пережатому перегибом, ударила боль. Дыхание сперло, голос захрипел. На последнем выдохе домоправитель прошамкал, как беззубый: – Сумасброд Иоханан мажет грязью тебя за Иродиаду.

По телу Ирода Антипы пробежала сильная дрожь. Наверно, такое же состояние должен был испытать Понтий Пилат, когда первый раз услышал о шельмовании римлян. И такое состояние прокуратор наверняка испытывает до сих пор, ведь безрассудный глупец не останавливается. Напротив, грозит вратами ада и тем, кто служит римлянам, как будто он знает все дотопле и заведует всеми вратами. А теперь выясняется, что разбойник кроет и его, Ирода Антипу: лезет в чужую постель, обвиняет в неисполнении закона Моисея, вколачивает в головы иудеям ненависть к своему царю. Это небезопасно для тетрарха.

В первое мгновение Ирода Антипу новость тревожно взбеленила. Однако Хуза не увидел появившейся тревоги в глазах тетрарха, ибо продолжал стоять с низко опущенной головой. Знал, что голова, не вовремя поднятая, отсекалась вмиг и безжалостно.

Тетрарх раздул ноздри, задышал глубоко и шумно. Смутьян был прав, он, Ирод Антипа, преступил закон, отобрал жену у брата Филиппа Боэта, прозябавшего с нею в Риме на подачки от властителя.

Боэт был слабым и никчемным по представлениям Антипы. Он даже не сопротивлялся, попросту спекся прямо на глазах. А она была красивой и ядреной. Из-за нее стоило поддаться брату в солнечное сплетение.

Иногда Ироду Антипе казалось, что это не он выбрал ее, а она сделала выбор. Она сама легла к нему в постель, и пиявкой вошла в сердце. Он задохнулся от дурмана и не захотел вырвать его из души. Был без ума от этой женщины. Ее нечеловеческая сила магнитом притягивала к себе, не отпускала. И теперь уже не имело значения, кто кого выбрал. Какая разница.

В результате Иродиада стала его любовницей. Он этого хотел. Иродиаде нужен был сильный мужчина, повелитель. Таким был Ирод Антипа. Но временами он все-таки чувствовал, что больше повелевала она. Особенно, когда постель под ними вздымалась, как дикая лошадь.

Конечно, и он и она нарушили Закон, но Бог за это простит, надеялся Антипа.

Все вокруг помалкивали, пока не выискался сумасшедший Иоханан. Теперь тетрарх видел, что слонявшийся по иудейским землям Креститель опасен не только для римлян, но и для него.

Тревога, возникшая в глазах Ирода Антипы, медленно превратилась в злорадство: у него появился повод и причина прибрать к рукам необузданного безумца. Чтобы предотвратить смуту среди людей и чтобы ладить с Понтием Пилатом.

Тетрарх глянул на Хузу со свирепой царской благосклонностью. Ведь, в конечном итоге, домоправитель своевременно сообщил нужную весть, как бы она ни была отвратительна. Настроение тетрарха от неприятной новости не стало хуже настолько, чтобы голова царедворца была снесена с плеч. И покатила по полу, слепнувшими глазами напоследок разглядывая надраенные кедровые половицы и оставляя кровавый след на них.

Хуза услышал хриплый вздох Ирода Антипы и сообразил, что можно поднять глаза. Однако не поднял, сглотнул слюну:

– Великий царь, прости, но я не стал удерживать жену и не запретил ей шататься с голодранцами. От нее могу знать, какими речами они выпрашивают у людей кусок лепешки, и приносить тебе всю червоточину их вредной болтовни.

Ирод Антипа был человеком понятливым. Немедленно оценил предложение Хузы и его преданность. Оторвал ноги от пола, качнулся из стороны в сторону. Долго стоять на одном месте не умел, любил постоянно двигаться, когда не восседал на престоле, ином сиденье, либо не возлежал на мягких подушках.

Хуза, конечно, говорил сейчас царю неправду, поднимал в его глазах свою значимость. Поскольку на самом деле Иоанна сбежала от мужа, не испросив его согласия. Однако Ирод Антипа этого не знал, потому подумал о Хузе как о хитромудром жуке. Тетрарху понравилось предложение домоправителя. Иметь своего человека возле этих вредных болтунов, наперебой дурачивших народ, примазываясь к Богу, было очень кстати. Тем паче что перед этими ловкачами, к сожалению, легковерные иудеи охотно развешивали уши. Знать все изнутри – хорошо.

А домоправитель между тем осознавал, что наступит момент, когда Ирод Антипа потребует свежих новостей, и тогда что-то придется отвечать тетрарху, морочить голову. Но Хуза надеялся выпутаться из затруднительного положения и не оказаться голым задом на жарком огне. Он был дошлым мастаком-интриганом, способным задурить мозги даже тетрарху. Может быть, к тому времени притащится назад жена. А может быть, она совсем потеряется где-нибудь в пустыне, сгинет, да и все. Поживем – увидим, загадывать не станем.

Удовлетворенный рвением Хузы, тетрарх отпустил царедворца, обещая наградить. Хуза был доволен собой, но вместе с тем после обещания награды ощутил ужас. Такое обещание из уст Ирода Антипы всегда имело двойкий смысл.

Отсеченные головы врагов тетрарх также называл наградой для обезглавленных. Но одно Хуза учуял, что Ирод Антипа не разгневался после такой весты. Значит, царь что-то задумал.

Тетрарх действительно задумал немедленно созвать к себе священнослужителей и старейшин – высокопоставленных вельмож тетрархии, чтобы получить поддержку своим возникшим намерениям. Направил посольных к самым влиятельным из них. Не судьи нужны были ему, ибо пока он не собирался устраивать суд над Крестителем. Но хотел почувствовать поддержку и показать, что без совета с облеченными властью подданными не принимает важных решений.

На пятый день влиятельные вельможи Галилеи и Переи начали стекаться во дворец и собираться во внутреннем дворе. Никто не знал причину этих сборов, но все хорошо помнили, что Ирод Антипа никогда не призывал в свои чертоги по делам пустяжным. А последнее время во всех тетрархиях было беспокойно.

На вельможах в основном были белые одежды из тонких шерстяных и хлопковых тканей. На некоторых были одежды из разноцветного египетского полотна.

Собравшись во внутреннем дворе перед высоким крыльцом, сановники разбились на малочисленные кучки, пыжились друг перед другом и перешептывались. Задавали друг другу один и тот же вопрос, пожимали плечами, смотрели озадаченно на избыточную стражу вокруг.

Ирод Антипа вышел к ним в пурпурной мантии и с золотым венцом на голове. Вслед за ним два здоровенных стражника-сирийца вытащили тяжеленный стул. Он не был тронем, тетрарх на стуле показывал, что он равен всем собравшимся. Ему надо было сейчас расположить к себе влиятельных людей тетрархии, заставить откровенничать без опасений угодить в крепость. Разговор, на его взгляд, требовал такого подхода. Царь желал услышать истинные настроения.

Тетрарх остановился на верхней ступени крыльца, ожидая, когда закончится церемония поклонов. После того как все поскрипели поясами, прошуршали одеждами и приблизились к крыльцу, Ирод Антипа сел на стул и начал туманную речь:

– У нас один закон – закон Моисея. Он привел наших предков на эту землю, и теперь мы живем на ней и должны помнить, что соединены общими узами. Я, Ирод Антипа, тетрарх Галилеи и Иереи, связан этими узами с вами. Без них бессилён и немощен. – Зная его вельможам трудно было представить, что он когда-либо был озабочен этим, но сейчас он хотел, чтобы они поверили и впряглись в одну с ним упряжку. – Обращаюсь к вам, самым мудрым людям моей тетрархии, за советом. До меня дошли скверные вести о том, что творится в наших пределах. Некий ловкач Иоханан мотается по Иерее и Галилее, вытворяет нелепые омовения в водах Иордана и называет это крещением. Мутит людям головы, клеветает, будоражит бездумными речами. Сеет в народе Иереи и Галилеи смуту. Призывает против римлян, фарисеев и книжников. – Ирод Антипа намеренно сделал ударение на фарисеях и книжниках, знал, многие стоящие перед ним были ими. Тетрарх догадывался, что они все в курсе проповедей Иоханана Крестителя по поводу него и Иродиады. Потому упирал внимание на то, что проповедник опасен не только для тетрарха, но и для них. – Нужна ли нам эта смута? – Тетрарх точно знал, что любая смута им всем, как кость поперек глотки. Его монолог был выстроен так, чтобы никто не смог возражать. – Слухи и сплетни пауками ползут между ротозеями. Слабовольные доверчивы, их легко одурачить. Они своими языками уже разносят, что Иоханан – праведник. Но мы-то знаем, что он обыкновенный мошенник. Тогда можем ли мы и дальше терпеть этого безродного смутьяна в наших пределах?

Вельможам было понятно, что прежде всего беспокоило Ирода Антипу. В душе они соглашались с нападками безродного Иоханана на царя, потому что хорошо ведали о пренебрежении Закона Иродом Антипой. Однако тетрарх ни единым словом не обмолвился о том, как Креститель костит его, и сообразили, что для них эта тема – табу.

Когда Антипа умолк и стал вглядываться в сосредоточенные лица сановников, наступила топкая тишина. Все увязало в ней по уши. Тетрарх ждал ответы на вопросы, и они разумели, каких ответов ждал. Потупились, опасаясь решать судьбу проповедника. Не хотели смуты, боялись смуты. Не знали, откуда ее ждать. Потому осторожно и *глухо* забубнили между собой. До тетрарха доносились их слова:

- Обнаглел колобродник бездомный.
- Лает бродячий пес непотребное.
- Людей в Иордан макает.
- Смуту наводит, веру нашу поганит.

- Того гляди, грабить честных людей начнет.
- Пресечь пора. От него смуты больше, чем без него.
- Изгнать в пустыню на издыхание.
- Да ведь попрутся за ним полоумные, пророком назовут.
- Этого еще не хватало.
- Стало быть, отправить его туда, где никто не найдет, откуда нет возврата.

И снова установилось липкое молчание.

Всем было ясно, откуда нет возврата, но напрямую советовать тетрарху не осмеливались, опасались не попасть в унисон с намерениями властителя. Между тем царь чутко улавливал дух их желания, и этот *дух* тешил ему душу.

В конце концов один из сановников прекратил бурчание на ухо соседу, выпрямился в полный рост, выпятился, привлекая внимание, широко раскрыл рот и услужливо прошелестел тетрарху:

– Не мне давать тебе советы, царь, ты сам наделен умом. Но я скажу: этот бездомный пес не только околпачивает людей своим гавканьем, но и сбивает в разбойные шайки. Придумал купания, которых нет в Законе Моисея. Объяви его нарушителем Закона. Прикажи страже приволочь к тебе. И прими любое царское решение, пока он не поднял бунт. Ты – царь. Мы полагаемся на тебя.

Ироду Антипе понравился совет: объявить Крестителя нарушителем Закона Моисея в ответ на его такие же обвинения. Тетрарх глядел в лица присутствующим и по скованности сановников улавливал, что других предложений ему сейчас не выскажут. А потому удовлетворенно поднялся со стула и громко спросил:

– Все согласны?

Вельможи закивали макушками, зашуршали одеждой, отозвались:

– Избавь, царь, Галилею от безрассудного проходимца. Верни покой в наши дома.

Тетрарх испытывал двоякое чувство, слушая приглушенный гул голосов. С одной стороны, влиятельные люди тетрархии соглашались с любым его решением, даже подталкивали действовать решительно. Надеялись, что решение тетрарха не будет противоречить их тайным желаниям. Но, с другой стороны, вся ответственность за это решение ложилась на него одного.

Тетрарх не страшился крови. Только жестокостью и хитростью можно было удерживать власть. В случае с Крестителем впереди должна идти хитрость. Чтобы не вызвать волнения в тетрархии и не раскатать под собой трон. Риму бунт не нужен, а стало быть, и ему – тоже.

Взгляд Ирода Антипы полз по склоненным головам сановников, позади которых качнулась фигура, показавшаяся тетрарху незнакомой. Одежда из цветного полотна с преобладанием сине-черных тонов. Рисунок египетский, но цвета выбивались из привычной гаммы. Тетрарх насупился, пытаясь разглядеть, кто из вельмож вырядился в такую одежду. Понятно, что чужой попасть сюда никак не мог. Между тем Антипа не находил в особе ничего знакомого, и это начинало удивлять.

А особа качнулась снова и лицо поднялось. Тетрарх, хоть было не близко, отчетливо увидел цепкий расплывчатый взгляд. Он приковал к себе, затмил лицо, ставшее мутным пятном вокруг горящих глаз. Сквозь сжатые зубы разнесся вкрадчивый голос:

– Ты купи его, тетрарх, купи, у тебя хватит денег. Не жалея их.

Ирод Антипа часто заморгал, оторопел. Потянулся рукой, намереваясь дать знак особе, чтобы та приблизилась. Но она внезапно пропала, как будто сквозь землю провалилась. А вкрадчивый голос неожиданно разнесся за спиной:

– Непусти случай, Ирод Антипа.

Тетрарх нервно оглянулся – никого. Только здоровенный стражник-сириец с каменным лицом таращился на толпу. Позвоночник Антипы пробило иглами – фу ты, кажется, привиделось и послышалось.

Но, невидимый тетрарху и вельможам, архидемон Прондопул стоял рядом и ждал.

Тетрарх отдышался. Долго молчал. Потом махнул рукой, отпуская людей, и удалился во дворец.

После этого он сутки не показывался и никого не подпускал к себе. Продумывал ход дальнейших действий. Утверждался в мысли, что избрал единственный верный путь. Через сутки десять лучших стражников отправились на поиски Иоханана Крестителя со строгими указаниями царя, как действовать.

А еще через день стража тетрарха Ирода Антипы замаячила на пологом берегу реки Иордан, найдя пристанище Иоханана.

Появление стражников царя вызвало колыхание, настороженность и гуд толпы, окружавшей Крестителя. Некоторые в гурьбе сдавили рукояти ножей. Иоханан проявил внешнее спокойствие, сделал вид, что не обратил на стражу внимания.

Стражники, пытаясь, сползали с коней. Корячились, оттопыривали отбитые зады и приседали на дрожащих ногах. Старший, передав повод, вперевадку заковылял к воде. Гуд среди людей усилился, когда он, потев и тяжело ступая по траве, приблизился. Обувь коснулась воды. Он остановился, глянул в мокрое лицо Крестителю, сообщил:

– Иоханан, царь Ирод Антипа прислал за тобой. Вылезай из воды, поедешь со мной во дворец Ципори.

Креститель напряжился, не дал дрогнуть ни одному мускулу на лице. Мокрые волосы слиплись, свисли вдоль впалых щек, губы сжались. Не отвечая, отвернулся.

Старшему стражнику не понравилось это, но пришлось подавить раздражение. Был приказ царя: не вызывать своими действиями смуты в толпе. Уговорами добиваться от Крестителя добровольного согласия явиться во дворец. К силе прибегнуть в самом крайнем случае.

– Иоханан, царь Ирод Антипа благорасположен, никто не посмеет тронуть тебя, верь его обещанию. Слух идет, ты – смелый человек, царь хочет послушать тебя. Или все это враки? И ты попросту околпачиваешь людей. А всей твоей смелости хватает лишь на то, чтобы макать их головами в воду?

После этих слов Иоханан резко обернулся, злая усмешка неприятно кольнула стражника:

– Обещание тетрарха – ветер в поле, пойдешь – поймай. Об Ироде Антипе плохая слава, Закон ему не писан.

– Скажи ему об этом, – не сдавался старший стражник. – Ишь ты не чуешь в своих словах силу? Чего же тогда ошиваешься тут, шипишь исподтишка, как змея из-под камня, изводишься враньем, надуваешь иудеев? – Кивнул на застывшую от любопытства толпу.

В ней побежал говорок, и в этом говоре прозвучал призыв к Иоханану сказать все царю в глаза, доказать силу своего слова. В такой ситуации у Иоханана не было выбора. Стражник оказался стреляным зверем, умело зацепил людей, швырнул на чашу весов авторитет проповедника. Тот нахмурил широкие брови и раздраженно метнул:

– Тогда наберись терпения, не дергайся, жди, слуга безумца, когда я завершу дела.

– Я могу подождать, – прогудел старший стражник. – Но не стоит заставлять царя ждать.

– Стоит, – зло отбил Креститель. – Я ждал дольше, когда он захочет увидеть меня. – И повел глазами по речной глади.

Стражники рассупонили лошадей, и началась толчея ожидания. Толкаться у реки пришлось несколько дней. Истоптали всю траву под ногами. Потели на жаре, прятались в тени редких деревьев, дурели от безделья, злились. Тупо наблюдали за тем, как на берегу обретались все новые люди. Иоханан переключался на них, будто забыл об ожидавшей страже, и не поспешал выполнить просьбу тетрарха.

Но наконец людской ручей иссох, возле Иоханана остались одни ученики. Стражники взбодрились, мгновенно воспользовались затишьем, подвели коня, приготовленного для Крестителя.

Но тот отказался от лошади, отправился к тетрарху на своих двоих, сопровождаемый всадниками.

Тетрарху переслали весть, что Иоханан добровольно движется к нему пешим ходом.

Благая весть обескуражила Ирода Антипу. Глубоко в душе он не надеялся на быстрый положительный исход миссии стражников, думал, придется прибегнуть к силе. Не пришлось. Тогда тетрарх поразмыслил и решил, что пеший поход это ловкий трюк смутьяна. Обыкновенно ловкач таким поведением примазывается к древним пророкам, показывает себя ровней им. По слухам, Креститель был не без царя в голове: предусмотрительным и даже способным проникать в тайные помыслы людей.

С другой стороны, получалось, не настолько бродяга здравомыслящ и дальновиден, как разносит молва. Не раскусил тайных помыслов тетрарха. Простоватым оказался. Не догадывается, как переменчив посул властителя. Следовательно, он, царь Ирод Антипа, умнее и хитрее. Впрочем, так оно и есть, иначе не быть бы ему царем. Уж он-то знал себя и в своем уме никогда не сомневался. Хитрость и ум в его жизни имели определяющее значение. А вот у проповедника, похоже, нет ни того ни другого.

Тетрарх задумчиво и мягко передвигался по покоям дворца. Пройдя через скрипучие двери, оказался в половине красавицы Иродиады. Большие глаза, сочные губы, густые длинные волосы, длинная шея и голые плечи.

Женщина раскидалась на мягких цветных подушках, а вокруг копошились слуги, прихорашивая ее. Увидав Антипу, шарахнулись из покоев фаворитки. Та выгнула гибкое тело с тонкой талией и красивыми бедрами, приподнялась на локте и спросила:

– Почему у моего царя такой озабоченный вид? Какие заботы мучают тебя?

Тетрарх усмехнулся, проще было бы ответить, каких забот у него не было последнее время. Сейчас он не мог прийти к окончательному решению, как поступить со смутьяном. Предопределено лишь начало: схватить Иоханана и законопатить в темницу в крепости Махерон. А по Галилее разнести весть, что Креститель лжец, нарушитель Закона Моисея. Что не сумел убедить тетрарха в своей праведности, намеревался убить Ирода Антипу. Конечно, это полный бред, но люди быстрее верят невероятному бреду, чем правде. Бывало уже прежде, когда Ирод Антипа сносил головы неугодным царедворцам и мятежникам. А иудеям вдалбливалось, что враги пытались пустить кровь тетрарху. Проглотили раньше, не подавились. Проглотят и теперь.

Тетрарх опять усмехнулся. Всякий народ неизменно приветствует деяния правителей, если убедить его, что эти деяния угодны Богу. Кстати, этот ловкач Креститель пользуется теми же методами. Ирод Антипа поморщился от этой мысли. Впрочем, сам он хотел, чтобы его деяния были угодны Богу, но, к великому сожалению, не всегда Богом позволялось то, чего хотелось Антипе, и не всегда Антипа делал то, что угодно Богу.

Конечно, уверен был он, крепость Махерон для Иоханана Крестителя – достойное место, но не станет же он держать проходимца в узах всю жизнь. А сразу смахнуть с его плеч голову было бы сейчас опрометчиво. Проблема. Потому и крутил головой, напрягал мозги. Обычно тетрарх обдумывал дела далеко вперед, но на сей раз много зависело оттого, как пройдет предстоящая встреча с Иохананом. Хотя, даже при благоприятном раскладе для Крестителя, властитель не собирался спускать ему за крамольные речи против него с Иродиадой.

Тетрарх смотрел на фаворитку. Та дьявольски нравилась ему. Любое злословие Иоханана, как бы оно не задевало Антипу, не в силах было оторвать от этой яркой красавицы. Царь вдохнул в себя возбуждающие запахи Иродиады. Опустился рядом на ложе, подмял под себя

подушку и прошелся губами по шее и плечу женщины. Она была не только красивой, но и умной, не спешила с новыми вопросами, пока он сам не высказал причину озабоченности.

Женщина слышала о Крестителе, но то, что доходило до ее ушей, воспринимала как экзотическое чудачество. И тетрарх не спешил разочаровывать ее. Новость, что Иоханан приближается к дворцу, Иродиада приняла почти равнодушно. Да, любопытно было, и всего-то, поглядеть на того, о ком толпа гудела, как осиный рой, кто придумал смешное макание людей в воду Иордана, называя это крещением. Оригинал. Окунал в воду и этим избавлял от грехов. Смешно. В таком случае не нужен храм и священники. Окунайся чаще в воду и будешь всегда безгрешен, как ребенок.

Не единожды ей приходилось наблюдать подобных малахольных баламутов. Посмотрит еще на одного, удовлетворит любопытство. Ну, купает слабоумных в Иордане, да и пусть купает. Между тем, чувствовала, что Антипа что-то недоговаривал, но не опережала событий. Продолжала изящно выгибаться на подушках, отбрасывала полы платья, показывала красоту своего тела.

Тетрарх положил руку на ее бедро, она схватила руку и властно потянула Ирода Антипу к себе. Иродиада хорошо изучила слабые стороны любовника. Такие же слабые стороны имела она сама. Знала, как магически действовали на тетрарха ее прикосновения. И точно так же его прикосновения действовали на нее. В этом они одинаковы.

Ирод Антипа был волевым человеком, полным мужских сил, охочим до женщин, не в пример сводному брату Боэту, мужу Иродиады, брошенному ею в Риме. Отличались они разительно.

Боэт, лишенный наследства, подавленный, копил небо свободным гражданином Рима. Его постоянно мучила ностальгия о прошлом, и иногда он вырывался из Вечного города и ненадолго возвращался в Ерушалаим, чтобы подышать его воздухом. Боэт быстро старел и чах, поражая Иродиаду безразличием к ней, чем злил ее до истерики. Потому что она знала, каким яростным и неумным тот бывал прежде, когда она была юной и неопытной. Теперь ее темперамент не вызывал ответной реакции, и она недоумевала, почему должна и дальше влачить свое существование рядом с ним. Обидно и досадно до слез. Иногда подставляла ему служанок, втайне наблюдала, надеясь увидеть, как фонтанирует огонь из мужа. Но – ничего нового. Боэта перестали интересовать женщины. И так несколько лет подряд.

Между тем у Про диады родилась дочь Саломия. Да и та наверняка была не от Боэта. Ибо Иродиада, вопреки закону Моисея, хищницей кружила по Риму, вынюхивала самцов и при всяком удобном случае ложилась под любого, кого не подводило мужское достоинство. Боэт не верил в свое отцовство. Он мог бы поступить с женой, как с потаскухой, но махнул рукой, пустил все на самотек, часто отрешенно погружался в болезненное состояние. А Иродиада продолжала свое дело.

Сводный брат Боэта, Ирод Антипа, произвел на нее сильное впечатление. Она выделила его сразу, когда увидела впервые на празднике Пурим, куда Боэт с женой был приглашен Иродом Антипой.

За столом тетрарх лил в себя вино, как в бездонную бочку. Урча, рвал зубами мясо. А она ловила на себе его пожирающие взгляды. Тоже стреляла глазами в его сторону. И была не очень осмотрительна, потому что много раз слышала сбоку хмурое покашливание Боэта.

После празднования они вернулись в Рим, и жизнь Иродиады потекла в прежнем скучном римском блюде. В нем не было времени вспоминать об Ироде Антипе. День за днем возле опротивевшего Боэта ее не покидало желание встретить сильного и ненасытного самца, чтоб не рыскать в голодном поиске. Лишь спустя годы Бог откликнулся на ее мольбы. Но может быть, даже не Бог. Однако Иродиаде хотелось верить, что это сделал именно Бог. В Рим приехал Ирод Антипа.

Надо вернуться назад и вспомнить, что после смерти царя Ирода Великого римский император Август утвердил его завещание. По нему Великое царство делилось на три части между сыновьями Иродом Архелаем, Иродом Антипой и Иродом Филиппом. Архелай стал этнархом, а Антип и Филипп тетрархами. В ту пору Иродиада еще не родилась.

По прошествии ряда лет удача изменила Архелаю, этнарху Иудеи, Идумеи и Самарии. За беспредельную жестокость император Август сместил его и отправил в изгнание в город Виенну в нарбаннской Галлии. Владения Архелая отошли в состав римской провинции Сирии. А впоследствии император назначил прокуратором Иудеи римлянина.

Потом прокураторы Иудеи менялись, и наступило время, когда Рим направил Понтия Пилата. В этот период Иродиада уже была женой Боэта и имела дочь.

Новый прокуратор Иудеи прибыл из Кесарии в Ерушалаим. По случаю его назначения были намечены торжества во дворце Ирода Великого. Туда по приглашению приехал из Тиверии Ирод Антипа. В то же время в Ерушалаиме оказался Боэт с женой. Произошла встреча братьев, и Антипа добился разрешения для Боэта с женой принять участие в торжествах.

Иродиада снова близко увидела Ирода Антипу. И ощутила свербящее влечение к нему. Через короткое время бабьим нюхом учуяла, что для нее не составит особенного труда захомутать сводного брата Боэта. Несмотря на то что в силе была жена Ирода Антипы, дочь набатейского царя Ареты-IV, и царица пользовалась у мужа большим уважением. Впрочем, это не мешало тетрарху таскать в свою постель всякую задницу, на которой останавливался его взгляд. В таких делах тетрарх был мало разборчив, он не делал различий между женами придворных и рабынями, брал всех подряд.

Жена Антипы из-за беременности не смогла приехать с мужем на торжества, что весьма радовало Иродиаду. Она из кожи лезла, чтобы приковать к себе внимание тетрарха. И ей удалось. Очень скоро Ирод Антипа дал понять, что заглотнул наживку. Боэт со стороны наблюдал за всем и только усмехался. Желчно рекомендовал Иродиаде поумерить пыл. Но она остановиться не могла.

После торжеств Ирод Антипа привез их к себе в Тиверию. И там, во дворце, они уединились. Целую ночь Иродиада бушевала огнем в руках Антипы. А утром поняла, что об этом знала не только царица, но и вся дворцовая камарилья. Взгляды придворных пожирала Иродиаду с алчным любопытством.

А Ирод Антипа убрался с Боэтом в дальние покои, и между ними произошла непродолжительная беседа. Иродиада не ведала о содержании разговора, но в первое мгновение после него по глазам тетрарха догадалась, что причиной была она.

Антипа потребовал от сводного брата Боэта дать Иродиаде разводное письмо, на что тот ответил отказом. Однако не возражал против их связи.

Это возмутило Ирода Антипу, и пока Боэт был у него в гостях, Антипа продолжал давить. Такая сумасшедшая настойчивость испугала Иродиаду. Никто не спрашивал ее согласия. Впрочем, никто, никогда и нигде не спрашивал согласия женщин, хотя бы они были господами.

И все-таки одно дело покувыркаться ночь с тетрархом Галилеи, а другое – при живой царице осесть во дворце обыкновенной фавориткой. Это не устраивало ее. Ведь сейчас она – римская гражданка, жена Боэта, свободного гражданина Рима. А кем будет потом, когда оставит мужа? Потеряет Рим и не приобретет ничего другого. Перспектива незавидная. И она отшатнулась от Ирода Антипы.

Но, вернувшись в Рим, погрузилась в мучительные раздумья. Антипа при всяком удобном случае напоминал о себе и звал ее. Прошло время, прежде чем она решилась обрубить все концы. На очередной призыв тетрарха Галилеи ответила согласием.

Когда путь из Рима остался позади, въехала во дворец Ирода Антипы с высоко поднятой головой, как единственная безусловная госпожа. Ей оказали почести, каких, быть может, не оказывали царице.

Дочь набатейского царя мрачно выглядывала из своих покоев и молчала. Иродиада пришла к ней, чтобы примириться, но царица и с нею молчала.

Жить в положении фаворитки Иродиаде было нелегко. Она знала, что каждый день отнимал у нее молодость и красоту. И ее единственным желанием была жажда жить назло всем вокруг. А ее единственным спасением была незатухающая страсть Ирода Антипы. И женщина всячески распалила ее, бросая в огонь свою злость и неуемную ненасытность.

Антипа не решался изгнать набатейскую принцессу, опасаясь военного конфликта с царем Аретой-IV. Но в одно из утр, после испепеляющей ночи с Иродиадой, он узнал, что царица исчезла. Выяснилось, что с вечера она тайно отбыла в свою резиденцию в крепости Махерон с намерением оттуда перебраться в набатейское царство к отцу. Тетрарх взорвался, готовый отправить погоню. Однако Иродиада охладила его пыл. Ведь все разрешилось само собой. Больше на пути никто не стоял. Между тем душу тетрарха долго не покидало беспокойство.

Сейчас Ирод Антипа, рядом с Иродиадой, забыл все это и забыл об Иоханане Крестителе. Тетрарх тискал женщину сильными ручищами, разметав по постели. Погружался в нее снова и снова. Шалел и понимал, что за эту женщину готов в одночасье сгноить, разорвать, выпотрошить, уничтожить кого угодно.

Иоханана Крестителя ввели во внутренний двор дворца.

В дороге он был неразговорчивым. Двигался без спешки в окружении конников. С ног до головы в седой пыли из-под копыт лошадей.

Лишь на привалах, когда к нему подходили люди, заводил разговор. Крепко доставалось тетрарху, у стражи аж шкуры топорщились от ужаса. Стражники ежились и, недовольные, отходили прочь. А потом в седлах молча клевали носами, пока наконец не подъехали к воротам дворца.

Тем временем к Ироду Антипе побежали с докладом о прибытии Иоханана.

Креститель расположился на небольшом возвышении и попросил кувшин с водой, чтобы умыться. Попил, смыл с лица и рук дорожную пыль, отдышался.

Не стоило Ироду Антипе думать, что он одурачил Иоханана. Креститель почувствовал подвох в приглашении тетрарха, увидел хищный блеск в глазах старшего стражника. Знал, рано или поздно тетрарх нанесет ответный удар.

Иоханан Креститель шел по краю пропасти, но сворачивать не собирался. Сильный характер всегда проходит свой путь до конца.

Но и тетрарх умел закусывать удила и быть непредсказуемым, а может быть, напротив, очень предсказуемым. Галилеянам известно, как он был скуп на милости. Впрочем, весь царский род от Ирода Великого не отличался щедростью.

Ирод Великий привел иудейское государство к процветанию. Расширил пределы до размеров Давидовой державы. Украсил великолепными постройками Ерушалаим и другие города. Но вместе с этим был деспотом, погубившим немалое количество иудеев, многих близких людей и собственных детей.

За ним Архелай, наследник части империи отца, свирепостью поразил даже воинственных римлян.

После изгнания Архелая Ирод Антипа и Филипп поумерили пыл. Но алчная наследственная жажда крови время от времени давала о себе знать. Правда, Филипп был сдержаннее и покладистее Ирода Антипы, но не лучше.

Иоханан обоим им был костью в горле, когда утверждал, что перед Законом любой царь равен простому смертному.

Креститель парился под солнцем в длинных пыльных одеждах посередине двора. И вот на крыльце появился начальник стражи и резко прорычал, чтобы смутьян следовал за ним. В ответ на рык Иоханан не пошевелился. К нему бросился один из стражников и острием копья толкнул в плечо. Это не помогло, несмотря на жгучую боль. Креститель глянул на стражника осуждающе. Увидал, что у того лицо стало, как маска.

Обращение с Иохананом круто переменялось, стоило всем очутиться в пределах дворца. Слуги всегда своим поведением выражают отношение к тебе хозяина.

– Ты оглох, Иоханан? Пылью законопатило уши? – низким голосом выкрикнул начальник стражи. – Царь повелел тебе явиться к нему!

Креститель повернулся к начальнику стражи, застыл взглядом на его лице и побелел губами:

– Повелевает он тобой, ты у него на службе. А меня пускай пригласит.

Начальник стражи перекосясь и визгливо хрюкнул стражникам команду. Те с рвением, выпрыгивая из собственной кожи, кинулись к смутьяну. В мгновение сграбастали под руки и потащили к крыльцу. Поставили перед ступенями. И начальник стражи сверху зловеще повысил голос:

– Ты, оборванец тшедушный, захотел быть ровней царю?!

– Он отличается только другими одеждами, – со злым упрямством отчеканил Креститель. Начальник стражи с захлебом захохотал, отступил в сторону и сделал отмашку рукой.

Стражники снова подхватили Иоханана и рьяно поволокли по ступеням вверх. Втокнули в покои дворца.

Весть о том, что во дворец привели Иоханана Крестителя, застала тетрарха в постели с Иродиадой.

Когда за дверью робко поскреб постельничий и нерешительным мышинным писком сообщил новость, разгоряченный тетрарх еще некоторое время остывал от жара Иродиады. Потом поднялся и потребовал надеть на себя царские одежды со всеми браслетами, кольцами и ожерельями.

С одной стороны, ему было противно пыжиться перед явным прощельгой. Но, с другой стороны, коль унизились и позвал к себе, не унижать же себя и далее, встречая не в царском одеянии. Следовало произвести на проходимца шокирующее впечатление, поразить царским облачением. Принудить склонить голову в покорности, заставить исполнять свою волю. Чтобы с таким же рвением, как паскудил и облаивал, начал прилюдно петь повелителю дифирамбы.

В царском одеянии Ирод Антипа воссел на трон. В руках – длинный золотой скипетр, на голове – золотой венец. Тетрарху казалось, что перед таким его видом Иоханан не сможет не склониться.

Креститель возник в дверях. Антипа увидел его и набычился, пожирая глазами. Долговязый, худой, в длинных истрепанных одеждах. Опаленное солнцем, иссушенное ветрами волевое щедровитое лицо, избыточно изрезанное морщинами. Непреклонный взгляд. Это не понравилось Антипе. Он супился, сжимал губы и неподвижно ждал, когда Иоханан согнется в поклоне. Не дождался. Креститель смотрел сквозь него, будто отрешился от происходящего. Терпение у тетрарха лопнуло, он резко разлепил губы:

– Я не принуждал тебя, – сказал жестко. – Ты пришел сам. Надеюсь, в пути не обижен стражей?

– Стражники рвутся из кожи, выполняя твои повеления, – сдержанно отозвался Креститель, сделал пару шагов, не опуская глаз. – Ты им царь.

– А разве тебе не царь? – поперхнулся Антипа. – Почему не кланяешься? – Подался вперед, въедаясь в глаза Иоханану, но будто наткнулся на стену, словно ощутил физическую боль от крепкого удара, зло поморщился.

– Я не в храме. Только там перед Богом следует преклонять голову, – сохранял спокойствие Иоханан. Сделал паузу, сбрасывая внутреннее напряжение, расправил узкие плечи.

Ирод Антипа хмуро подавлял вскипающее бешенство. Поймал себя на мысли, что усмирял собственный характер, как перед Пилатом, и от этого его начинало мутить.

– Ты мнишь себя царем, – будто кинулся в омут головой Иоханан. – Но ты – римский прислужник, всего только тетрарх, а не царь галилеянам, – выдохнул, обрубая все концы. – Ты не исполняешь Закон. И поклоняешься потаскухе Иродиаде.

Антипа откинулся к спинке трона и дико оскалился, наливая глазницы густой кровью. Жизнь Иоханана повисла на волоске. Правители не прощают излишней смелости. Слова Крестителя стегнули тетрарха, как кнут по крупу лошади. Словно разверзли пол под тронем, тетрарху почудилась под ним черная пустота.

Он вжался в спинку, руки задержались, лицо застыло, в глазах помутилось. Его прорвало. Напыщенность слетела, как шелуха с семечек. Он смотрел на Крестителя, как на глупого наглеца. Был бы умным, знал бы, что дозволено правителю – не дозволено проходимцу. Сумасброд. На что надеется, мошенник? Рушит все пути к отступлению и толкает себя туда, откуда возврата не бывает. Такого не купишь, нет, не купишь. А ведь хотел подмазать золотом. А теперь, если только расплавить это золото и залить ему в глотку.

Тетрарх глубоко дышал. Нагнул голову, смотрел жуткими глазницами из-под бровей, вздрагивал крупными ноздрями:

– Ты осмеливаешься поносить меня, глупец! – Антипа всей шкурой ощутил, как трон под ним словно пошатнулся.

Жар прошел по телу Крестителя. Обреченность и ненависть смешались, обжигая изнутри. Но Иоханан остался недвижимым. Только желваки на обострившихся скулах шевельнулись и зрачки оцепенели. Голос стал тише, но жестче, донесся до ушей тетрарха, как звон мечей:

– Ты ждал от меня других слов? – сквозь хрипотцу выдавил Иоханан. – Вышвырни прочь потаскуху, верни мужу, чтобы тот предал ее закону Моисея. Шлюха должна быть побита камнями. – Иоханан на секунду умолк, пригнул голову и резко показал рукой на занавеси за спиной Ирода Антипы. – Пускай выйдет из-за занавесей. Я знаю, она здесь, она слышит меня. Ты не царь, а она дважды не царица, и не быть ей царицей никогда!

Тетрарх еще не успел принять решение, как из-за занавесей тигрицей выметнулась Иродиада, готовая выпотрошить Иоханана Крестителя, аки зверя. Лицо разъяренное, глаза стеклянные.

– Убей его, царь Ирод Антипа! – разнесся ее крик. – Убей, иначе он убьет тебя! – Она скривила губы, накалилась докрасна, порская возле тетрарха.

Поняла, как Креститель опасен для царя, но еще больше ужасен для нее. Вместе с тем знала, что обвинения Иоханана – не суд для тетрарха, потому что не властен сумасброд над повелителями: непосильную ношу взвалил на свои плечи.

Антипа поднял руку, требуя, чтобы Иродиада замолчала. А про себя отметил, как страшно и как красиво ее лицо в моменты ярости. Ее гнев был точно извержение вулкана. Царь ожесточенно сжал в руке скипетр. Призыв Иродиады был сладок для него. Но удивил Креститель. Как он догадался, что Иродиада за занавесями? Ведь увидеть сквозь них невозможно. Что это? На вопрос ответа не было. Не провидец же. Хочет убедить, безумец, что видит насквозь. Не получится. Тетрарх глянул на застывшую сбоку Иродиаду: пожелала посмотреть на диво, полюбопытствовала, вот и получила этого дива по самое горло.

Утешало одно: даже пророки никогда не славили царей. Лишь больше других повезло Давиду. Да и то с избытком повалила слава после смерти. А послушать бы, что судачили всякие оборванцы при его жизни, наверняка вдосталь было гадости. Пределы для безумцев не заказаны. И знать бы наперед, что случится с тобой.

Мысли тетрарха прервал голос Крестителя. Его вопрос заставил вздрогнуть Антипу и привел в замешательство.

– Ты хочешь знать, что с тобой будет? – спросил Креститель, смотря прямо в растерянное лицо тетрарха, и сам ответил. – Твои злодеяния погубят тебя. Ты будешь изгнан.

На короткое время Ирод Антипа остановил дыхание. Слова Иоханана дрожью прошли по всему телу. Руки дрогнули и потянулись к горлу новоявленного прорицателя. Тетрарх больше не хотел, чтобы этот сумасшедший продолжал говорить, испугался, что сказанное им может свершиться. Он резко вскочил на ноги и закричал, призывая стражу.

Начальник стражи вихрем влетел в дверь, леденев от такого крика. За ним, обнажив мечи, внеслись другие. Ирод Антипа, дергаясь всем телом, показывал на Иоханана и хрипел:

– В крепость! В крепость! В крепость его!

Стража подхватила Иоханана и потащила вон из покоев. Выволокли. Дверь хлопнула, и тетрарх содрогнулся от этого стука.

Из-за двери донеслись удаляющиеся возгласы стражников, глухие удары и стоны Иоханана.

Начальник стражи заранее знал, как ему действовать дальше. Четыре дня назад по повелению тетрарха он сам отправил в крепость Махерон его распоряжение приготовить темницу.

Глава восьмая Что происходит?

Пантарчук напряженно пытался придумать, куда бы пристроить Магдалину. Ресторанный бизнес специфический. Для работы в ресторане Василий явно не годился. Петр надеялся на Грушину, полиция все-таки, но тот вместо помощи основательно навязал:

– Он нормальный человек, Петя. Ты сам прожужжал уши, что он знает иностранные языки. В памяти у него дыра, так и нас теперь потряси, в каждом из нас найдется уйма дыр. Придумай сам ему работу, вон как он с компьютером лихо управлялся, используй. Не мне твою голову проветривать. Сам понимаешь, податься ему пока что некуда и не к кому. Вот такая история, Петр.

Пантарчук недовольно запыхтел: он надеялся с помощью Грушину сбросить с себя ненужную проблему, а получилось, что Константин окончательно взваливал ее на его плечи. Так все у него просто: пристрой туда, не знаю куда, сделай так, не знаю как. Петр задумчиво смотрел на Магдалину:

– В компьютерах соображаешь?

– Не знаю, – ответил тот.

– Опять двадцать пять, – пыхнул Пантарчук, – а я и тем более не знаю. Но видел, как ты с компьютером общался. Определенно для тебя он не новость. Иди-ка в бухгалтерию, что-то у них там с программами не ладится. Жалуются бухгалтера. Может, сообразишь. А то приходят доморощенные умельцы, деньги отстегиваем, а толку мало. Я позвоню главному *бухгалтеру*.

Пролетела неделя. Пантарчук с головой увяз в работе. И если бы главный бухгалтер не появилась у него в кабинете, он бы не вспомнил о Магдалине. Но она предстала с кучей бумаг и заговорила с быстротой пулемета, расхваливая на все лады Василия. Петр понял, что Магдалина пришелся ко двору. У него отлегло от сердца, проблема свалилась с плеч.

Но прошла еще пара-тройка недель, и главный бухгалтер прибежала к Петру с вытаращенными от изумления глазами, похожая на взъерошенного воробья, и затараторила, как наскипидаренная:

– Черт знает что, черт знает что, черт знает что, Петр Петрович. Чехарда какая-то, полная неразбериха, не найти концов. Может, вы в курсе?

Вот женщина, кровь с молоком, прыгает, как мячик, и мозги варят, из топора кашу сварить может, а тут за помощью прибежала. Прически нет, кофточка наперекосяк, будто с кем-то обжималась в темном углу. Петр сморщился, отрываясь от дел. Она опять зачастила.

Из всего потока слов Пантарчук ухватил главное: на расчетный счет его фирмы поступила большая денежная сумма, равная трехгодичному обороту. Непонятно, откуда и от кого. На платежных поручениях точные реквизиты получателя буква в букву и цифра в цифру. Зато отсутствуют необходимые реквизиты плательщика. Вместо них какой-то бессмысленный набор букв и цифр. Банк определить плательщика не способен и вообще ничего объяснить не может.

– Я подумала, а вдруг вы что-то знаете? – спросила бухгалтер, заглядывая в глаза. – Мало ли. Может, с кем договаривались?

Но Петр отрицательно покрутил головой. Почесал затылок, грузно затоптался по кабинету. Ковровая дорожка под ногами мягко вбирала в себя его поступь, глушила шаги.

Главный бухгалтер вцепилась пальцами в спинку кожаного кресла у стола, думая, что в таких обстоятельствах оставалось только одно: подождать. Возможно, это ошибочный перевод и хозяин денег скоро сам объявится. Постояла еще, глубоко вздохнула и пулей вылетела вон.

Пантарчук решил, что это обыкновенные сбои в банковской системе, что наверняка скоро все прояснится, и вернулся на рабочее место. Однако проясняться ситуация, кажется, не

собиралась. Уже на следующий день главный бухгалтер снова возникла перед Петром с широко раскрытыми глазами. Выпала с таким жаром, что Пантарчука будто обожгло:

– Меня скоро кондрашка хватит, Петр Петрович! Сегодня поступила новая сумма, вдвое больше вчерашней. И опять с платежными документами та же история.

Теперь Пантарчук не чесал затылка. От новой суммы впору было окунуться в ледяную воду. Почувствовал дискомфорт. События приобретали странный характер. А еще через день главный бухгалтер поразила третьей суммой, заикаясь и заплетая языком. Петр выпроводил ее, остановился посреди кабинета, обставленного дорогой мебелью, подумал и набрал номер Грушинина. Обменялся с Константином несколькими фразами и вышел на улицу.

Над головой плавало хорошее солнце. Но было не до него.

Они встретились на Первомайской улице, при входе в Центральный парк имени Белоусова. Под палящими лучами прошли возле памятника Вересаеву. Пантарчук рассказал о непонятных крупных поступлениях средств на счет фирмы. Грушинин выслушал и согласился, что все довольно странно, но пока не криминально. Надо подождать, как будут развиваться события. И спросил о Магдалине:

– А чего молчишь о подопечном? Работенку подыскал ему?

Петр безразлично дернул плечом:

– Подыскал как будто. Пристроил при бухгалтерии. Кажется, пришелся ко двору. Вроде и впрямь разбирается в компьютерных программах.

– Как его память? Ничего не вспомнил больше?

– Не до Магдалины мне сейчас. И потом я не полиция, чтобы выпытывать, – недовольно отмахнулся Пантарчук. – У меня своих дел выше крыши. Спрашивай у него сам.

– Ну что ж, поехали, – проговорил Константин.

Подкатили к офису фирмы. Петр проводил Грушинина до комнаты Магдалины, показал на дверь:

– И дался тебе сейчас Магдалина. Ты бы лучше с главбухом переговорил, а не с Магдалиной, – и направился в свой кабинет.

– Переговорю, со всеми переговорю, – отозвался Константин и надавил рукой на большую хромированную ручку. Дверь открылась.

Василий в свежей рубахе сидел за компьютером спиной к гостю. Увлёкся, что даже не услышал дверного скрипа. Обернулся, когда Грушинин подал голос. Вскочил, замешкался, подвинул Константину свободный стул.

Грушинин окинул взглядом помещение. Стены крашенные, местами понизу слегка загрязнены. Стол, тумбочка, шкафчик, два стула, компьютер, бумага, диски, детали. Рабочая обстановка. Хаоса не было, все аккуратно сложено. Константин сел:

– Нравится работа?

– Не знаю. Просто умею, – ответил Магдалина.

– Раньше этим же занимался?

– Не знаю, – Василий тоже опустился на стул. – Когда думаю об этом, как будто стою перед закрытой дверью. Наверно, занимался, потому что все само собой получается. Компьютер как часть меня. В голове какие-то формулы, цифры, обозначения. Не могу взять в толк, откуда что берется. Иногда мне кажется, будто компьютер управляет мной. Записываю формулы и не соображаю, над чем мучаюсь, – протянул лист Грушинину. – Вот, ересь какая-то.

Константин провел взглядом по исписанному листу, предложил:

– Я могу показать специалистам.

– Да чего показывать? – сморщил лицо Василий. – Эти каракули без начала и конца бессмысленны, как бред сивой кобылы. Голова разламывается. Компьютер спасает. Окунись в него и обо всем забываю. Но иногда опомнюсь и не могу сообразить, что я только что делал. Как будто мозг был отключен. Стыдно признаться.

Грушинин был спокоен. Компьютерная зависимость никого не удивляет. Быть может, прошлое Василия так дает знать о себе. Все, что Магдалина говорил сейчас, было любопытно. Он старался отвечать на вопросы Константина, хотя не на все находил ответы. Конечно, не назвал никаких имен или фамилий из прошлого, но было понятно, что прошлое неотступно следовало за ним.

От Василия Грушинин пошел к Петру. Секретарь в приемной мигом спрятала в ящик стола пилочку для ногтей, покраснела, сконфуженно кивнула на приветствие и молча проследовала, как Константин проследовал мимо нее в кабинет Пантарчука.

Тот оторвался от бумаг, поднял лицо над столешницей, откинулся к спинке кресла, показал Грушинину рукой на стул напротив и вопросительно выдохнул:

– Ну? С главбухом встречался?

Константин подошел к столу, неспешно сел, отозвался загадочно:

– Пускай пока деньги считает. Это ее работа. А моя профессия – кроссворды разгадывать. Живем среди ребусов. Короче, у Магдалины проблема с памятью, у тебя чехарда с деньгами, а я ищу буквы и слова, чтобы в строчки вставлять. – Помедлил и закончил серьезным тоном: – Странно, но деньги стали сыпаться к тебе, когда твоими компьютерами занялся Василий.

Пантарчук вскинул брови, запыхтел, отодвинул бумаги, грузно навалился грудью на крышку стола:

– Прослеживаешь связь? Думаешь, что он хакер?

– Думать можно, что угодно. Я предпочитаю работать с фактами, – шевельнулся Грушинин и погрузился в паузу.

Весь следующий день Петр по делам, как заведенный, мотался по городу на машине, топал по тротуарам, по лестничным маршам, по коридорам, по кабинетам, договаривался, ворчал, хлопал дверями. Лишь в конце дня появился в своем офисе. И не успел еще расположиться за рабочим столом, как в дверь нетерпеливо влетела главбух. Глаза с тарелку, как будто уносила ноги от привидения. Толком ничего не могла произнести, но подхватила Пантарчука под руку и потащила в свой кабинет. Его пронзила мысль, что снова на счет фирмы поступили деньги. Если так, то это уже не ошибка банковской системы.

– Сколько на этот раз? – глухо пробасил, не сомневаясь, что догадка подтвердится.

Но главный бухгалтер усадила его на стул и только после этого заговорщически зашептала:

– Чудеса, чудеса, Петр Петрович, сплошные чудеса. Дело совсем не в деньгах. У меня голова идет кругом, – и начала частить, жестикулируя руками.

С утра у нее разламывалась спина, ни сесть, ни встать, ни повернуться. Несла свое тело на работу, как хрустальную вазу, в гадком настроении. Работницы дали какую-то таблетку, выпила, но ничего не изменилось, от боли в позвоночнике скулы сводило. Все раздражало, глядеть ни на кого не хотелось.

Подчиненные боялись заходить к ней в кабинет. Отыгрывалась на них во всю Ивановскую. Щипала, как куриц. Хотя они были ни при чем. Однако спине не становилось легче. Наоборот, как будто гвозди забивали в позвоночник, хоть «скорую» вызывай.

И в этот миг в кабинет вошел Василий. Не вовремя. Его еще не хватало. Не до него теперь, совсем не до него. Убирался бы подальше, чтобы пятки сверкали. Смотрит сочувственно. Только больше злит своей жалостью. Ведь сочувствие это не укол, боль не снимет. Хотела выставить его за дверь, как он неожиданно произнес:

– Я знаю об этом.

Она не сообразила, о чем он.

– Знаю, что вы хотите турнуть меня за дверь, – добавил Василий.

Откуда он мог знать ее мысли, что за маразм?

– Я могу вам помочь, – сказал он.

И чем же он мог помочь, укол сделать или таблетку сунуть?

– Нет, вы не хотите таблеток, – проговорил он.

Конечно, она не хотела больше таблеток, толку никакого. Но откуда он-то знал об этом, ведь не читал же мысли?

– У вас была отвратительная ночь, – произнес он.

Что за черт, не ослышалась ли она? Вроде бы в голове у нее были другие мысли, к тому же ночь давно прошла. Чего о ней помнить, с чего бы он вдруг?

А между тем у нее действительно ночь была ужасная, и причин много, если разбирать по косточкам, пальцев не хватит. Но Магдалина об этом знать не мог.

– Знаю, – вставил Василий. – Из-за этого вас часто мучают нервные срывы, и теперь – тоже.

Она вытаращила глаза. Странно все. Между ними как будто происходил диалог, хотя она еще ни одного слова вслух не произнесла. Язык набух и стал неповоротливым. Чертовски захотелось знать, что Магдалина имел в виду. А тот помялся смущенно и продолжил:

– Вы не достигли оргазма с мужем, не могли заснуть, хотели продолжить, но он захрапел. Вы три раза поднимались с кровати, ходили в кухню, пили воду, хотя пить совсем не хотели. Заснуть удалось под утро с тяжелой головой и в нервном напряжении. А проснулись от боли в спине.

Да, все было именно так. Магдалина как будто присутствовал при этом.

Главный бухгалтер на мгновение забыла о боли в позвоночнике. Поразительно. Откуда Василий все знал? Но он в ответ пожал плечами. У нее запотели ладони. Что еще ему известно о ней? Василий наморщил лоб, напряг память:

– Двадцать четвертого числа у вашего сына был день рождения, вы произносили тост, и в этот миг один из гостей опрокинул рюмку, вино разлилось по столу. Вы засмеялись, но смеяться вам совсем не хотелось.

Так и было. Тост пришлось скомкать.

Главный бухгалтер смотрела на Василия, и ей становилось страшно: попала в переделку, из какой трудно выбраться. Но любопытство брало верх. И Магдалина снова натужил мозг:

– Год назад, на южном отдыхе, вы познакомились с Антоном. Надеялись, что связь продлится. Антон понравился вам в постели. Но он обокрал вас и скрылся. Чтобы вернуться домой, вы занимали деньги на билет. Все это до сих пор крутится у вас в голове, вы не можете простить себе доверчивость.

Главный бухгалтер, заикаясь, выпихнула кое-как:

– Ты знаешь Антона? Нет? Но тогда кто тебе рассказал?

– Вы.

– Я? – У нее вытянулось лицо.

– Ваш мозг. Я читаю его.

– Это гипноз? Нет? Но тогда как? – В ее глазах распластался испуг, она забыла о боли, какая к черту боль, когда ее сокровенное полощется на ветру, того гляди, этот ветер подхватит и разнесет по всем углам. Многие начнут сплетничать о ее сексуальной озабоченности. Не хватало еще этого. Дойдет до мужа. Тогда – кошмар.

Но Магдалина успокоил: от него никто ничего не узнает. От напряжения он почувствовал слабость, опустился на стул.

На лице у женщины застыл вопрос, она не могла понять, как он проникал в ее мысли.

Однако это было загадкой и для Василия. Он просто напрягал мозг и заглядывал внутрь женщины, как в книгу, и перелистывал страницы. А память воспроизводила ее прошлое. Это получилось само собой, когда он, войдя в кабинет, взгляделся в измученное ее лицо.

Василий достал носовой платок и вытер крупные капли пота со лба:

– Вам сейчас станет легче, – сказал он. – Свяжитесь с мужем, используйте время обеда для оргазма, это вам необходимо, уберется нервная озабоченность, и боль пройдет. – Магдалина поднялся и вышел из кабинета.

Главный бухгалтер схватила трубку телефона, и муж примчался на обед. Совет Магдалины помог, она почувствовала себя другим человеком. После обеда была в прекрасном расположении духа. Но в результате изумление перед Магдалиной невероятно возросло.

Конечно, сейчас она не проговорила Пантарчуку всех подробностей, но этого и не требовалось. Он и без того вышел от нее в замешательстве. Странные дела происходили. Любопытно, какие сюрпризы еще приготовил Магдалина?

Главный бухгалтер еще долго молча смотрела на дверь, закрытую Пантарчуком.

Выйдя от главного бухгалтера, Петр направился к Василию. Но, пройдя несколько шагов по длинному коридору, услышал шум за спиной. Это из приемной выскочила секретарь и вдогонку ему почему-то шепотом сообщила, что в приемной Пантарчука ожидает важный господин. Петр обернулся:

– Почему шепчешь? Как зовут его?

Секретарь изобразила на лице нелепую улыбку, провела руками по бедрам, будто вытерла вспотевшие ладони:

– Господин архидем Прондопул.

– Это что, церковный служитель, что ли? – Пантарчуку было незнакомо это имя. Но он развернулся и пошел на зов секретаря.

В приемной навстречу поднялся посетитель с волевыми чертами лица и протянул руку. Больше никого в секретарской не было. И это странно, обычно, когда он был в офисе, здесь всегда кто-нибудь толпился.

Посетитель протягивал руку и въедливо смотрел Петру в глаза. Тому этот взгляд не пришелся по душе: холодный и размытый, по нему нельзя было определить настроения и эмоций гостя. А посетитель произнес:

– Я – архидем Прондопул.

– Мне доложили, – буркнул Петр. Его рука потянулась к ладони архидема, как намагниченная, как будто она существовала независимой от Пантарчука жизнью. Сознание еще не созрело, а рука уже сама пожимала холодную ладонь. И он также представился гостю.

– Людям нравятся ваши рестораны, – восхищенным тоном сказал Прондопул, не выпуская ладони Пантарчука. – И мне – тоже.

– Вы были в моих ресторанах?

– Нет. Мне некогда ходить по ресторанам. У меня много дел. И дела прибавляются с каждым днем, – неопределенно ответил Прондопул.

– Как же вы можете судить о том, чего не знаете?

– Я всегда знаю то, о чем говорю.

– С чужих слов?

– Мне не нужны чужие мнения. Я знаю без этого.

Петр с усилием высвободил ладонь из руки Прондопула. Пригласил в кабинет. Изысканный сине-черный костюм на архидеме был с иголки, сидел безупречно, оттенял лицо.

В кабинете Петр предложил ему стул у стола, сам грузно направился к своему рабочему креслу. Усаживаясь, увидел, что Прондопул не сел на стул, а расположился в удобном кресле у стены. Пантарчука покорило от недовольства, пробежала мысль, что посетитель, как видно, прибыл к нему со своим уставом. Однако архидем немедля ответил, что ему в кресле удобнее. Петр поморщился и спросил о роде его занятий.

– Не заблуждайтесь. Я не служитель церкви. Для меня неприемлемо это ни в каких проявлениях, – ответил Прондопул. – Я изучаю мир. Исправляю ошибки мироздания, – пояснил весомо.

– Люди только и занимаются этим всю свою историю, но лучше мир не становится, – усмехнулся Петр.

– Люди живут вслепую, – взгляд архидема поглощал и втягивал Пантарчука, как засасывает болото.

Тот с трудом оторвал глаза, ощутил твердь под собой и отозвался:

– Спорить не буду, я не занимаюсь изучением мира и не пытаюсь его исправлять.

Прондопул пропустил мимо ушей иронию Петра:

– Вам это не под силу. Вы обыкновенный маленький червяк, такой же, как у вас на столе.

Пантарчук неожиданно поймал взглядом на столе червяка, оторопел на мгновение, что за чертовщина, откуда взялся, только что лежала авторучка, а теперь елозил червь. Отпрянул, не может быть, с головой не все в порядке, мерещится. Закрыв глаза и тряхнул подбородком, а когда распахнул веки, авторучка лежала на прежнем месте, и – никаких червей. Точно, в голове какие-то сдвиги.

Но въедливый голос архидема убеждал в обратном:

– Нет, вам не показалось. Вам не хочется ощущать себя червем, но против этого ничего не поделаешь. Один из вас, которого вы считаете выдающимся, Заратустра, утверждал, что вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Однако он заблуждался. Никакого пути вы не совершили. Вас изначально создали жалкими и слепыми червями, далекими от истины. У вас нет достойных героев, вы создаете мифы, верите в вымыслы, подражаете тем, кого не существовало. Глупо, но вы почитаете сказочников и утопистов, какими были Гомер и Платон. А истина в том, что все ваши истины – обыкновенные вымыслы.

Петр дернул плечом:

– Это бездоказательно.

– Очевидное не требует доказательств.

– Сколько людей, столько и мнений.

– Мнения плодят те, кто ничего не знает. А я знаю.

Петр хмыкнул: у этого посетителя явно не все дома, черт-те что городит, и не поймешь, что ему, собственно, здесь надо, откуда он выплыл и где работает.

– В этом городе у меня Лаборатория по исследованию аномальных явлений, – в ответ на мысли Петра неторопливо выговорил архидем.

Пантарчук ощутил дискомфорт, что-то сковывало, оплетало, сжимало изнутри, заставляло подчиняться Прондопулу. Он резко встряхнулся, вырываясь из липкой паутины. Покопался в мозгах, нет, никогда не слышивал о такой Лаборатории.

– Вы много чего не слышали, но это не означает, что этого нет, – опять на мысли Петра невозмутимо произнес гость. – Например, рядом с вами наблюдаются аномальные явления.

В ответ Петр подковырнул:

– Единственное ненормальное явление тут это вы.

– Вам повезло. Многие хотели бы увидеть меня, – без тени иронии, но с жутким холодком высказал архидем.

Ну и тип, подумал Пантарчук, какого мнения о себе, как заморская невидаль. И топал бы туда, где его хотят видеть, а тут не дождется восторгов. Точить с ним лясы нет времени и желания.

– Вы не знаете своих настоящих желаний, – прервал его мысли Прондопул, – они хранятся в подсознании. Там, где ваша многовековая память.

Непонятная сила архидема все мощнее тянула Петра в мутное незнакомое пространство без стен и пола. Мысли начинали плавать в воздухе, как сигаретный дым, теряли упругость и

стройность. И весь он погружался с головой в туманное рыхлое облако. Новым усилием воли Петр отбросил от себя наваждение:

– Я не работаю в вашей Лаборатории, и меня ваши теории не интересуют! Давайте ближе к делу!

Прондопул вонзил размытый взгляд в Пантарчука, и глазах мрачно замерцали:

– У нас появилась информация, Петр Петрович, что в вашей фирме есть работа для нашей Лаборатории.

– Вы не могли бы подтвердить свои полномочия? – насупился Пантарчук.

– Разумеется. Мне следовало сразу это сделать, – архидем едва пошевелил пальцами руки, которая неподвижно лежала на колене, а Петр с удивлением увидал, как в руке появился паспорт.

Вот так, вдруг. Нет, этого не может быть, подумал Петр. Сегодня явно голова не дружит с мозгами, перетрудился последнее время, опять все плывет и мерещится. Он вновь глянул на руки Прондопула, но в них ничего не было. Вот чертовщина, точно мозги поехали. Стоп, стоп, стоп, надо выбросить все из головы, и этого архидема с его Лабораторией.

Петр выпрямился в кресле, провел взглядом по столешнице и ошалел от неожиданности: паспорт Прондопула увидал в собственной руке. Тот застрял между пальцами, листавшими страницы. На какое-то мгновение Петр расплавился, как сырок на солнце, размяк, теряя мысли. Ничего не мог произнести. Не хотел верить собственным глазам и не мог не верить, потому что ясно видел и читал отчетливо отпечатанное: Прондопул. Да, в его руках был паспорт архидема. Петр поежился и захлопнул документ.

И тут по обложке запрыгала бегущая строка с именем Магдалины. Пантарчук ладонью прижал паспорт к столешнице. Что за ерунда, опять в глазах все рябит. Кошмар полнейший, заработался окончательно, дальше некуда. Чудится то одно, то другое. Явно нужен отдых.

Но голос Прондопула вывел его из раздумий:

– Нет, вам не мерещится, это и есть аномальное явление.

У Петра на душе заскребли кошки, по спине пробежали неприятные мурашки. Он отшвырнул паспорт от себя. Этот документ не был удостоверением с места работы и не мог служить подтверждением полномочий Прондопула. А тем более тому, что Василий – аномальное явление. У него на глазах паспорт пропал со стола и возникло раскрытое удостоверение с места работы. В нем значилось, что архидем Прондопул являлся руководителем Лаборатории по исследованию аномальных явлений.

Невозмутимый вид Прондопула будто стыдил, дескать, чего вы шарахаетесь так пугливо, ничего сверхъестественного перед вами не происходит. Все, как положено, как должно быть.

А ведь действительно, чего он растерялся, подумаешь, какая невидаль. Мало ли странных имен и фамилий приходится слышать, и профессии бывают самые разные. Иллюзионисты, например. Ничего особенного, все нормально, все нормально, просто галлюцинации, успокаивал Петр себя.

– Адрес у вашей Лаборатории есть? – просипел наконец.

– Безусловно, – тотчас успокоил Прондопул. – Не находимся же мы в воздухе. Улица Шестипалого, дом и офис в удостоверении указаны. Посмотрите внимательно. И номер телефона запишите, – архидем произнес номер телефона.

Петр схватил негнуцимся пальцами авторучку. Вот ненормальный, недавно за червяка принял ее, оплошал. Ну, куда дальше ехать? Коряво нацарапал на листе календаря цифры, спросил:

– Откуда вы узнали об этом человеке?

– Это моя работа.

В голове у Пантарчука опять все поплыло, может, в чем-то прав Прондопул, странность в поведении Магдалины имеется. Вероятно, это аномалия, но, с другой стороны, как посмотреть на это. И решительно встрепенулся:

– Вы заблуждаетесь, Прондопул, это не аномальное явление. Обыкновенный человек, потерявший память. Прошлое отрезало, как пилой.

– Покажите мне его, – категорично потребовал архидем.

Ну, это уже никуда не годилось. Разговаривать с собой таким тоном Петр никому не позволял.

– Что значит – покажите? – прогудел недовольно. – Это у него надо спросить, захочет ли он.

– Тогда спросите! – настаивал Прондопул.

Пантарчука его тон покорибил. Петр еще больше насупился, покрываясь багровыми пятнами:

– Я вынужден вам отказать. Не считаю необходимым отрывать человека от работы, чтобы заниматься вашими пустыми гипотезами. Для этого в бизнесе нет времени. Время, сами понимаете, это деньги.

Прондопул немедля поднялся из кресла. Его удостоверение мгновенно исчезло со стола. Взгляд архидема будто железным скребком прошелся по Пантарчуку.

– Я рад, что мы нашли с вами общий язык, – сказал он.

– Что вы имеете в виду?

– Всегда лучше договариваться.

– Вы о чем?

– Вы не правы, время – не деньги. Ничто так бездарно не расходуется человеком, как время. Однако деньги он считает тщательно, не желая упустить даже копейку. Если бы тетрарх Ирод Антипа не оказался так жаден и глуп во время своего дня рождения в пятнадцатый год правления Тиверия кесаря, все могло бы пойти по-иному. И не пришлось бы теперь мне исправлять его ошибку.

Глава девятая

Пир во дворце

В пятнадцатый год правления Тиверия кесаря наступило время празднования по случаю дня рождения тетрарха Ирода Антипы. За десять дней до начала глашатаи в пределах Галилеи и Переи вбивали в уши людям повеление тетрарха, обязывающее всех отмечать торжество. Повелевалось рядиться в праздничные одежды, веселиться и желать царю здравствовать.

Во дворце столы ломились от яств, гостей набилось до предела. Пир устроили на славу. Но среди приглашенных не было сводного брата Боэта, Антипа не хотел видеть его, просто выбросил из головы. Да и тому было некомфортно находиться среди гостей, когда у всех на виду его жена Иродиада была с виновником торжества.

В глазах окружающих Боэт был никчемным рогоносцем, ведь они не знали, что он просто сбыл Иродиаду с рук, охотно уступил сводному брату. Даже Ирод Антипа с Иродиадой не догадывались об этом. Он умело подложил Иродиаду под Антипу, зная наперед, что откажет тому в разводном письме. Боэт не был фетюком. Это была его расплата за всегдашнюю беспомощность перед сводным братом, за частые унижения и за то, что из-за него лишился наследства.

И добился, чего хотел. Столкнул того с пророком Моисеем.

Теперь Ирода Антипу склоняли на каждом углу, костерили, обливали словесными помоями, имя его полоскали, как грязную тряпку.

Боэт втихую злорадствовал над сводным братом, давился икотой от смеха.

С детства Ирод Антипа довлел над Боэтом, подчинял себе. Тот уступал ему, покорялся, накапливая в душе злость и ненависть.

В молодости, при жизни Ирода Великого, Боэт любил окружать себя красивыми фуриями, стервами. Приближал их. Ему нравилось наблюдать, как они пускались в интриги и рвали глотки друг другу, пытаясь вызвать его расположение. Опречь этого он воспринимал стерв, как бродящее вино, дурман для окружающих.

Иродиада выигрышно выделялась. Она еще не была фурией, когда Боэт женился на ней. Но он знал, что именно из таких получаются стервы. Он хорошо изучил эту породу. И не ошибся. Он не любил ее, он готовил ее для мести, делал шлюхой и с интересом следил за перерождением. И наконец преподнес Ироду Антипе. Тонко подвел. Угодил в точку. После этого минута триумфа стала стремительно приближаться.

Антипа всегда смотрел на брата покровительственно, как умник на идиота. Но на этот раз схватил наживку и медленно погрузил себя в дерьмо.

Итак, Боэта на торжестве не было. Но из Кесарии Филипповой прибыл брат Филипп, тетрарх Итуреи, Бетанеи и Трахонитиды. Среди множества гостей он полусидел в свободной позе на подушках. Рядом с ним пьяно паялился по сторонам тетрарх Авилинеи Лисаний. А на почетном месте возле Ирода Антипы воинственно развалился прокуратор Иудеи и Самарии Понтий Пилат. На нем было надето военное кожаное облачение, сухо скрипевшее при всяком движении римлянина, короткий меч на боку, будто Понтий Пилат приехал не на празднование, а на битву. Он был не улыбочив и глядел на всех из-под бровей.

Гости настороженно приняли появление Понтия Пилата. Но строили гримасы, похожие на улыбки, и заглядывали в глаза.

Однако Понтий Пилат не принимал их улыбки за чистую монету, он чувствовал, что это напускное, потому сидел с независимым и властным видом, словно был хозяином торжества. Грубый и жестокий солдафон, он за свою жизнь крепко уяснил одно правило: римлянин должен внушать страх, весь облик римлянина обязан говорить о силе и мощи Рима. Посему своим видом Пилат как бы вдавливал в головы гостям, что они могут его ненавидеть, могут желать

смерти, но всегда должны помнить, что за его спиной стоит непобедимый Рим. Стало быть, у них есть только одно право: быть покорными Риму.

Ирод Антипа в подражание римлянам, а отчасти в угоду Понтию Пилату устроил во дворе игрища с боями. Зрелище уступало тем, которые устраивал в свое время Ирод Великий, но впечатляло воинским умением участников. Гладиаторов не было, участники боев бились не до смерти, но показывали свое искусство с отменной ловкостью. Подчас в такой раж входили, что невольно дубасили друг друга мечами до кровавых отметин. Зрителей это особенно возбуждало, веселило до визга и воплей.

В палатах дворца развлекали вспотевшие музыканты, бесконечные пляски не меньше забавляли гостей.

Антипа, облаченный в царские одежды, с золотым венцом на голове, испытывал удовольствие от празднования, с радостью исторгал громкие возгласы.

Вино лилось рекой.

Во славу тетрарха поднимали золотые кубки, рога и чашки финикийского стекла в золотых оправах. Горланили хвалебные речи.

Ирод Антипа пил, облокотившись на подушки. А сбоку от него на подушках выгибалась игривая красавица Иродиада.

Тетрарх Лисаний, подогнув под себя ноги, потел одутловатым лицом и складками шеи. Вот он выкарабкался из-за стола, приблизился сзади к Ироду Антипе. Покачиваясь от хмельного дурмана, наклонился к его уху, пробубнил похвалу виновнику торжества и отметил, что оно затмило многое прежде виденное им.

Антипа выслушал, задрал голову, полуобернулся и хищно улыбнулся, показывая зубы.

Тетрарх Лисаний топтался на месте, вытирая ладони об одежду.

– Вижу, у тебя еще что-то приготовлено, – он икнул и разгладил ладонью бороду. – Ты любишь удивлять.

– Сегодня для всех будет особенное веселье, – посулил загадочно Антипа и кольнул взглядом начальника стражи, стоявшего у дверей.

Лисаний откачнулся на пружинистых ногах, а начальник стражи кинулся на призыв Ирода Антипы. Матерый был служака, накалился от напряжения, вылезал из кожи, боясь вызвать недовольство царя. Ничто не выпадало из поля его зрения. Всякий, кто приближался к тетрарху, оказывался под перекрестной паутиной взглядов телохранителей, отъявленных головорезов. Они заполонили покои, переодетые в гостей. Вблизи Антипы их было несколько, готовых в любой момент вырвать глотку любому безумцу-злоумышленнику.

Начальник стражи вытянулся перед Антипой, и тетрарх негромко уточнил, все ли у него готово. А у того со вчерашнего дня было готово все.

Иродиада удивленно обратила лицо к тетрарху. Как так, она не знала, о чем шла речь. А ведь она уже умела раскручивать Ирода Антипу с завидной сноровкой. И вот тебе, осечка. Иродиаду раздирало, недоумение пробежало по лицу, появилась нервозность.

Тетрарх загадочно осклабился: для всех был приготовлен подарок. Уверен, удивит гостей.

– Потерпи, – погладил ее руку.

Женщина вытянула вперед губы для поцелуя, надеясь, что он проговорится. Но не повезло. Ирод Антипа облизнул ее губы и повторил:

– Потерпи, потерпи, недолго осталось, – и чмокнул в шею.

Среди столов сновали полуголые красавицы, увеселяя гостей. Подносили кубки и чаши, наполняли вином, подставляли лица, плечи и грудь для поцелуев. Гости жадно мусолили их, мурлыча и пыхтя от удовольствия. Бубнили хмельными голосами, оглаживали потными ладонями гибкие выи женщин.

Пир продолжался. Гости пьянели на глазах. Хозяин тоже помутнел взглядом.

Лицо Иродиады стало пунцовым от излишнего хмеля. Она вцепилась пальцами в руку тетрарха и дынула ему в подбородок, провещав, что ее дочь Саломия приготовила для Ирода Антипы новый танец и желает своей пляской угодить ему. Тетрарх охотно согласился посмотреть танец и, перекрывая осиный гуд гостей, громко объявил об этом. Иродиада сделала кивок музыкантам, и те заиграли новую мелодию.

Перед гостями появилась невысокая девочка и закружилась в танце. У нее уже сложились формы, она была похожа на мать, и все видели, что очень недолго осталось ждать, когда она станет красавицей, созревшей для замужества.

Мать смотрела на дочь с тайной завистью. Она желала бы остановить бег времени, чтобы оставаться вечно красивой. Танец ей нравился, но Иродиада хотела, чтобы танец понравился Антипе.

Тетрарх расплылся на подушках в веселом угаре, в таком состоянии сейчас ему нравилось все. И этот танец тоже пришелся по душе. Но больше ему приглянулось отражение Иродиады, оно сверкало молодостью и обещало скоро быть ярче матери.

Странно, как он не замечал раньше. Вызрел цветок, и вскоре его можно будет сорвать. Девочка закончила танец, подошла ближе, низко поклонилась царю.

Он, не сдерживая себя, вскочил с подушек, сгреб ее в охапку и стал ненасытно целовать, распаяясь больше от нее, нежели от танца. Придворные, вельможи, тысяченачальники и старейшины галилейские вслед за Антипой начали заплетать языками, повторяя слова, коими брызгал он. А тот прижимал к себе девочку и пьяно горланил, что в день своего рождения согласен дать ей все, что та попросит.

Девочка растерялась, кинулась к матери. Но и мать не нашлась сразу, какой награды попросить. Однако она была опытной тигрицей, тотчас отметила, с каким жадным упоением Антипа тискал и целовал девочку, и попросила ответ отложить на «потом». Девочка якобы смущена и не может сразу сообразить.

Антипа согласился, пошатнулся и свалился в объятия своих подушек.

В поведении гостей стала заметна пьяная усталость. Тетрарх облизнул губы, отбросил кубок с недопитым вином.

Музыканты затихли, танцоры остановились, подались к стенам. Все вперили взгляды в царя. Тот нетрезво, протяжно и громко заговорил:

– Теперь настало время всех вас удивить, – повел рукой перед собою по опустевшему пространству, где только что кружили танцоры.

Гости загалдели, перекрикивая друг друга, начали привставать с мест и озирались. Ирод Антипа переждал, когда уляжется гуд, и спросил:

– Вы хотите знать, что ждет каждого из вас?

– Уж не ты ли берешься предсказать, Ирод Антипа? – насмешливо заерепенился тетрарх Лисаний.

– Не я, – недовольно глянул в сторону Лисания виновник празднования. – Но мир полон безумцами, и я позвал одного, который не мог отказать мне, – ответил Антипа.

– Не хватало нам безумцев, мы и так без ума от вина! – снова квакнул, как из-под болотной кочки, Лисаний. – Зачем нам еще один?

– Чтобы почувствовать себя умнее, – съязвил Ирод Антипа.

– Мы сами знаем себя, – вякнул Лисаний, и по одутловатому лицу проползла кривизна. – Или кто-то себя не знает? – Лисаний пьяно уставился на гостей.

Налакавшиеся гости вразнобой, как плохие музыканты на расстроенных инструментах, забренчали разноголосицей невесть что.

Хозяин дождался, когда голоса захлебнулись от собственного надрыва, и дал отмашку музыкантам. Те подхватились и нестройно запиликали. Танцоры оставались неподвижными, ожидая такой же отмашки от царя. Но тетрарх перевел взгляд на начальника стражи.

Тот сделал торопливый поклон и выскользнул за дверь. Миновал двух стражников, прошел по узкому проходу к другой двери, толкнул ее. Она зашипела, как змея, оголяя проем.

За дверью открылись узкие покои с внутренней стражей. В них Иоханан Креститель тихо и сосредоточенно прохаживался вдоль длинной голой стены. После первой встречи с тетрархом прошло несколько месяцев, Креститель уже не надеялся, что снова окажется в этом дворце.

Прошлый раз его выволокли от тетрарха, избили и до темной ночи продержали под запором. Ночью с завязанными глазами вывезли. Он не догадывался, куда, молился, чтобы смерть не была мучительной и долгой. Дорога могла быть в один конец. Но в темнице понял, конец пути еще не наступил. Значит, не все сделал в этой жизни, что начертано Богом.

Темница была каменной и глухой. Сквозь щели в высокой кровле днем слабо пробивались солнечные лучи. Они не доходили до низа, где на клочке высохшей травы съеживался и молился Иоханан.

Один раз в день под дверь проталкивали чашку с пригоршней невкусной пищи. Креститель шепотками брал ее, приглушал голод и оставлял немного для крыс, снующих под ногами.

Когда наконец дверь темницы распахнулась и стражник хрипло прогавкал, чтобы Иоханан выметался наружу, Креститель поднялся с подстилки, поправил на чреслах кожаный пояс и ступил к выходу. На дворе клубилась ночь. Стражники на лошадях столпились с факелами в руках. Яркое пламя факела заставило Крестителя зажмуриться, он замер на некоторое время, приучая глаза к огню.

Его посадили на лошадь, накинули сверху плотное полотно и повезли во дворец. Сорвали полотно уже перед дворцом, стащили с коня, толчками в спину погнали во внутренние покои и тут оставили под охраной. Сутки держали в неведении. Он прислушивался к шуму во дворе и пытался предугадать, к чему готовиться. Чутье подсказывало, что приближался последний час.

Стражники молчали, аки набрали в рот воды. Через сутки с раннего утра полилась музыка и заплескались голоса множества людей. А один из стражников требовательно призвал Иоханана помолиться о здравии царя Ирода Антипы в день его рождения. Креститель все понял и стал ждать, когда явятся за ним.

Начальника стражи встретил безмолвно. Был бледен и обессилен, но выражение лица по-прежнему оставалось непокорным. Начальник опустил глаза. Креститель устало проговорил:

– Не на одном тебе грех, маешься по воле Ирода Антипы. Ты покорен ему, потому что слаб, оттого и лют к человекам. Но так должно быть, ибо не ты творишь свою судьбу.

Начальник стражи сжал челюсти, постоял, мотнул головой:

– Покорись царю, не приближай свой конец.

Иоханан ответил негромко, но твердо:

– Это Ирод Антипа приближает свой конец.

– Заткни рот! – испуганно дернулся начальник стражи, опасаясь за собственную жизнь. – Я не намерен из-за твоей болтовни остаться без головы!

– Не думай о смерти, ее никто не минует, – вздохнул Креститель и шагнул к двери, не дожидаясь, пока здоровые бугаи-стражники толкнут его к выходу.

Начальник стражи облегченно расслабил мышцы.

По узкому проходу Иоханана повели навстречу пляскам, музыке, шуму празднования.

Тетрарх ждал Крестителя. Мысли заплетались в мозгах. Антипа хотел выпятиться перед гостями силой: не кто-то другой, а именно он, невзирая на пугающую популярность Крестителя, схватил Иоханана, прижал к ногтю, встречно обвинил в смертных грехах. Между тем несколько месяцев не мог поставить точку в его судьбе. Ему доносили, что бродячий сброд подбивает галилеян идти к царю, чтобы он выпустил мятежника из темницы. Тетрарха это бесило. Каким бы он был правителем, если б пошел на поводу у толпы? Не мог допустить, чтобы к нему двинулся народ, хотя каждый проходящий день делал ситуацию все более неопределенной.

Вот и решил использовать празднование с двойной выгодой для себя. С одной стороны, все как бы делалось в угоду римлянам, ибо должно было происходить в присутствии Понтия Пилата. С другой стороны, что бы ни произошло, к этому будут причастными все. Скопом.

Впрочем, не покидала странная нерешительность. Как будто это был не он. Как будто не ломал хребты своим врагам, не отправлял их к дьяволу на сковородку без лишних раздумий и без тени колебаний. А тут затеял возню с бродяжным болтуном. Что за чушь. Однако мысль о том, что Иоханан – лжец и плут, приживалась плохо. Антипа чувствовал уязвимость этой мысли. Но спускаться на тормозах не собирался, ибо Креститель зарвался, противопоставил его пророку Моисею. Хотя и царь стал бить по Иоханану тем же концом. И все же колебался.

Но он плыл в одной лодке с Понтием Пилатом. Очень тяжело иногда бывает правителям. Только глупцы думают, что властители припеваючи почивают, что им все легко дается.

Знать бы, что будет впереди, но, увы, увы. Где взять пророков? Времена нынче паршивые: всякое отребье намыливается в пророки. Болтаются по дорогам, крутят мозги глупцам, несут разную бредятину, баламутят простой люд. И ведь находятся те, кто верит этому карканью. Иоханан вот крещение придумал. И пусть бы купался в воде, в дела царские не совался, но ведь влез, дурак. Сначала римлянами не довольствовался, затем тетрархом, а что потом от него ждать? Мятежа? Вреден, потому что предугадать невозможно. Мозги люду закрутил так, что праведником начали величать. Но какой, к дьяволу, праведник, коль не способен предвидеть собственный конец. Да пусть он даже провидец, однако редкий провидец кончал естественной смертью.

Такая мысль успокоила Ирода Антипу. Он перебрал в пьяной памяти имена некоторых пророков и почувствовал, что все становится на свои места. Властитель всегда должен быть властителем, даже если перед ним божий человек.

Тетрарх долгим взглядом посмотрел на дальнюю дверь, из нее ждал появления Иоханана.

Понтий Пилат догадался, о каком безумце говорил Антипа. Он сам считал Крестителя сумасшедшим бродягой, ибо только умалишенный способен подвергать сомнению могущество власти Рима. Прокуратор всегда любил разглядывать злодеев, особенно когда казнил их. Смерть врага придавала ему новые силы. Креститель тоже был ему враг, но необычный враг, сам лез в пасть Риму. Любопытно было взглянуть на обезумевшего баламута.

Пилат никогда не понимал иудеев: этот странный народец с неизменной легкостью принимал за провидца всякого шатающегося шарлатана. Но Креститель разжигал ненависть к римлянам не как шарлатан и словоблуд, а как хитрый смутьян. Он умеючи находил лазейки, чтобы прикрываться Законом как щитом. Махровый плут. Ему верят, потому что хотят верить.

Прокуратор, как истый римлянин, полагался только на силу Рима. С его врагами не церемонился. Однако интуиция подсказывала, что Иоханана следовало убрать руками иудеев, ибо в своих пределах они сами обязаны уничтожить врагов Великой Империи.

Иродиада тоже смекнула, о ком говорил Антипа, насторожилась. Несколько месяцев, какие Креститель провел в крепости Махерон, Иродиаде были бальзамом на душу. Она уже стала забывать о нем, хотя после первой встречи долго рвала и метала. Иоханан будто вывернул ее наизнанку. Vogнал, вбил в нее животный страх, и только темница крепости Махерон растопила этот жуткий испуг. Возвращение Крестителя во дворец снова напрягло Иродиаду и наполнило беспокойством, она не понимала, что задумал тетрарх, и не понимала, зачем задумал. Непонимание ежило кожу на теле и гоняло липкую дрожь по позвоночнику.

Креститель вошел не очень твердой походкой. Ирод Антипа отметил, как сильно тот ослаб за последние месяцы. Стражники препроводили Иоханана до середины зала и отошли. Лишь начальник стражи торчком вытянулся неподалеку, ловя преданным взглядом полупьяные движения тетрарха.

Антипа крикнул, ему не понравились мерцающие неприязнью глаза Иоханана. Посмотрел на хмельные лица гостей и размяк удовлетворенно: лица были мутными, гости изрядно

налакались вина. Это хорошо: пьяные люди меньше вникают в суть, для них важнее внешние эффекты.

Понтий Пилат, не допив вино, отставил в сторону золотой кубок и пытливо набычился, всматриваясь в Крестителя. Прокуратор Иудеи пытался понять, откуда этот смутьян черпал силы, ведь тощ, как блоха, бледен и обессилен, ногтем раздавить можно. Однако замахнулся на Рим, а тетрарха Галилеи носом в дерьмо сунул. Что за стержень у хиляка? Хмель плохо брал Понтия Пилата. Мысли работали четко, но ответа не находилось.

Иродиада вжалась в подушки, пытаясь уменьшиться, стать незаметной для Иоханана. Она ли это, любившая всей своей внешностью брызгать в глаза окружающим? Хотела бы зашить рот Крестителю, чтобы вновь не услышать карканья в присутствии множества людей.

Маленький ростом, брюхатый, тетрарх Лисаний сверчком соскочил со своего места и расхлябанной походкой просеменил к Иоханану. Заглянул в лицо и напыщенно бросил:

– Уж не тот ли ты безумец, который в реке Иордан макает в воду наивных простаков и называет это крещением? И не тот ли ты горл охват, который призывает людей к бунту? – Громко икнул, в животе у него заурчало: набил до отвала брюхо снедью, не влезало больше, даже вино некуда было вливать, все перло назад. Раскачиваясь, он пьяно обошел вокруг Крестителя с насмешкой в мутном взоре и хотел вернуться на свои подушки и там ерничать вдоволь.

Но услышал негромкий дрожащий голос Иоханана:

– Уж не тот ли ты безумный Лисаний, который привел с войны в свой дом женщину, вошел к ней и сделал женой, а потом обратил в рабство и продал за горсть серебра?

Лисаний резко дернулся от этих слов, потому что они напомнили о молодости. Его неприятно укололо, что Иоханану известно это, и он посмотрел на говорившего с яростью. Ведь тот не только назвал его безумным, но обличал в нарушении Закона. Воровато поводил глазками по разморенным окосевшим лицам гостей тетрарха Антипы, пытаясь определить, услышал ли кто из них слова Крестителя. Ведь как нарочно в этот момент музыка прервалась, и все вокруг притихли, желая уловить звуки слабого голоса Иоханана. Лисаний не заметил оживления после вопроса Крестителя, подумал, что никто не слышал, несколько приободрился и быстренько улизнул в сторону.

А кто-то из гостей следом пьяно выкрикнул:

– Так это же Иоханан Креститель, он людей сбивает с толку своим поганым языком! Что тебе здесь надо, Иоханан? Здесь нет дураков слушать тебя!

Вокруг гневно загалдели, заглушая друг друга, громко разносились голоса фарисеев. Иоханан стоял отрешенно, словно сыпавшиеся из пьяных глоток слова были обращены к кому-то другому. Особенно старался фарисей-недомерок с длинным носом, его голос выдавался. Он взвился с места и, нервно краснея, размахивал короткими руками:

– Укажи, где в законе Моисея сказано о крещении и что надо купать людей в реке Иордан? В каких анналах ты прочитал это, пройдоха? Чего молчишь, недоумок! Все, что ты делаешь, – враки! Отсебятиной занимаешься, прохвост! Обманом промышляешь, прохиндей!

– Ваш разум пьян, вы и себя-то теперь не понимаете, – с досадою отозвался Иоханан.

Кто-то громко зевнул.

– Глухой не услышит, – тихо продолжил Креститель. – Я же говорю с теми, кто не глух и хочет слушать меня. – Остановил взгляд на недомерке. – Ты, Матфан, считаешь себя знатоком Закона, соблюдающим его, – не отрывал от коротышки глаз, а тот пораженно пялился, дивясь, что Иоханан назвал его по имени. – Но зачем поливаешь меня злом? Разве мною сказано: не желай невестку свою?

Матфана словно прищучили в темном углу, он перекошенно раскрыл рот, еще больше скукожился. Ему сделалось не по себе, Иоханан заглянул в его похотливые мысли, они посещали его, когда он смотрел на свою невестку.

Пирующие закрутили головами, таращась на Матфана, одни хотели понять, в чем дело, другие заподозрили неладное и стали глазеть с откровенным ехидством. Матфан минуту приходил в себя, потев всем телом, потом сжал рот, втянул голову в плечи и брякнулся на место, прячась за спины других.

Наступила неловкая тишина, у каждого присутствующего неизбежно была своя червоточина, какой-нибудь грешок, подчас не мелкая пакость, а довольно весомая. Но никто не хотел выставить себя на позор, посему никто больше не решался обращаться к Крестителю.

И тогда язык развязал Ирод Антипа, он пьяно отбросил из-под себя одну из подушек и выровнял спину:

– Сегодня на мое торжество я собрал во дворце достойнейших вельмож и старейшин тетрархии, а также великих людей из-за пределов. Народу Галилеи объявил день отдыха, дабы славили своего правителя. И ты здесь для того же. Однако ты начал оговаривать и поносить моих гостей. – Тетрарх говорил странным примирительным тоном, что на него было не похоже и что удивило многих, особенно Понтия Пилата. И особенно когда Антипа повел рукой и пригласил Иоханана за стол. – Сядь возле меня, найди хорошее слово для моих гостей. Ты рассержен на меня, но ведь ты только что напомнил Матфану, чтобы он не имел зла, почему же сам не следуешь Закону? Сегодня праздник, забудь о ссорах, я дам тебе золото, много золота, заживешь, как вельможа. Прими от меня кубок с вином. – И тут Ирод Антипа прикусил язык, удивляясь, как могли вырваться у него эти слова. Мыслимо ли, чтобы царь протягивал свой кубок задрипанному ловкачу, который сродни разбойнику. Заигрался. Хмель, во всем виноват хмель. Но слово, как камень, улетевший в пропасть, не схватишь, не вернешь на место.

Ирод Антипа заметил, как у многих гостей вылезли из орбит глаза и как Иродиада отшатнулась, проваливаясь в свои подушки, будто увидела, что Креститель направился к столу, чтобы сесть между нею и царем. Тогда тетрарх усилием воли выдавил из мозга хмельной наплыв и попытался исправить положение: дать понять гостям, что все его слова не более как уловка, обыкновенное словоблудие. Он раскрыл рот, но следующая фраза застряла у него между зубами, подобно куску мяса. Глаза вдруг наткнулись на лицо, его он уже видел среди своих сановников во время совета. Цепкий расплывчатый взгляд приковал к себе, а лицо помутнело, стало туманным пятном с неопределенными незапоминающимися чертами.

Это был архидем Прондопул. Одежда на нем была та же, что и прежде, а сидел он сейчас на месте Понтия Пилата.

Ирода Антипу удивило это, он хотел повести глазами по сторонам, найти Пилата, но не мог преодолеть силу взгляда архидема. С губ собирались сорваться слова, но вместо этого мозг отсек шум пирующих и настойчиво впитал в себя требовательный голос Прондопула:

– Не заносись в своем величии, тетрарх! Все это прах! Плати любую цену! Сегодня хороший случай. Все окупится, Антипа, вернется сторицей.

У тетрарха перехватило дыхание, он задрожал и зажмурился, и все куда-то вдруг подевалось: ни зала, ни гостей, и он стремительно понесся в пропасть. Антипа испугался и сильно распахнул веки. Пот выступил на шее и на лбу. А на месте Понтия Пилата увидел самого Пилата. Тетрарха окатило жаром. Подумал: почудилось, опять почудилось, опять одно и то же.

Но возле уха раздалось:

– Непусти случай!

Антипа задергался, как от уколов иголок, выкатил белки и крутнул головой – за спиной никого. И мозг выдал: хватил лишнего, мерещиться начинает.

Чуть остыл, раздул щеки. Купить – хороший ход, Антипа понял подсказку Прондопула, только не верил в такую возможность, думал: упрям и уперт мошенник, хоть тощ и обессилен. Смотрит так, будто имеет власть над всеми. Купи, попробуй, время упущено, теперь дешевле удавить. Потом еще подумал: знать бы, где та цена, уже вроде потянул за ниточку, наобещал

черт-те чего, унизил себя. Вон Пилат псом смотрит, полагает, хмель вышиб у меня мозги. Но нет, все вместе расхлебывать будем. И импульсивно потащил пирующих за собою:

– Посмотри, Иоханан, каждый из них сегодня готов поднести свой кубок тебе как равному – Тетрарх назвал несколько имен наугад, спрашивая у них, так ли он говорит.

И разумеется, никто из подданных не мог послать царя куда подальше, в ответ невнятно и раболопно загнуло и забормотало пьяное сопение сановников.

Другие же напряглись в ожидании. Все не догадывались, зачем Антипа устроил представление. Перед Иохананом почувствовали неприятный холодок на хребтах, хотелось быстрее избавиться от этих ощущений.

Понтий Пилат тоже не постигал, чего добивался Ирод Антипа. Прокуратор хмурился и следил за происходящим со своего места, оттолкнув от себя женщин, с двух сторон цеплявшихся за его плечи. Лицо было надменным, полные губы выгибались в презрительную дугу.

Лишь Иоханан уловил истинные намерения тетрарха. Усадить рядом, понудить пригубить из царского кубка да поманить золотом на глазах целого сборища, чтобы потом присутствующие понесли молву по всем землям, ехидничая и улюлюкая, размазывая и смешивая Крестителя с грязью. Хитер Антипа, мастак в делах интриганских: без особого труда, не марая рук, не берясь за меч, одним махом выставить Иоханана на посмешище.

Но хитрость явно не проходила, тетрарх видел это по глазам Крестителя и вскипал злобой. Ему казалось, проще было придушить Иоханана в темнице. Пожалуй, придется сделать это по дороге обратно.

А Креститель усмехнулся, точно прочитал его мысли, грустно произнес:

– Твое вино – яд, Ирод Антипа. Ты хочешь, чтобы он сжег меня. – Безрадостный лик Иоханана на короткий миг скрылся за насмешкой. Взор скользнул по пьяным лицам, лоснящимся от выступающего пота и жира. – Разве я могу быть равным им и разве они могут быть равными мне? Я ни на кого из них не держу зла, но ты бы послушал, о чем они думают.

– Ты и мои мысли знаешь? – осклабился с отрыжкой Антипа, порываясь вскочить с места, чтобы не смотреть на Крестителя снизу вверх, к тому же излюбленной манерой царя было во время разговора прохаживаться звериной мягкой поступью.

Но рука Иродиады легла ему на колено и требовательно удержала. Тетрарх посмотрел на красивые пальцы женщины, глянул ей в глаза: какая-то нечеловеческая сила в этот момент, исходившая от красоты Иродиады, подавила его желание. И он опять растекся по мягкости подушек. Креститель спокойно дождался, когда с Антипы схлынуло желание подняться на ноги, и устало ответил на вопрос:

– Знаю, Ирод Антипа.

Тетрарх раскрыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но его бесцеремонно перебил голос Понтия Пилата. И все окружение Ирода Антипы посмотрело в сторону прокуратора Иудеи неодобрительно: перебивать тетрарха для любого из присутствующих на праздновании было недопустимо. Однако это был влиятельный римлянин, и правила галилеян и иудеев на него не распространялись, напротив, галилеяне и иудеи обязаны были чтить римские нормы. Впрочем, во дворцах римских императоров подобные правила мало чем отличались от галилейских и иудейских.

Рим, направляя Пилата в Кесарию, настоятельно советовал новому римскому наместнику не запрещать местному населению жить по своим законам, а самому твердо придерживаться римского права. Но Понтий Пилат не внимал этим советам. Он глубоко впитал в себя слова Цицерона Марка Туллия о том, что высший закон – это высшее беззаконие.

Сейчас, вслушиваясь в разговор и наблюдая за происходящим, Пилат половины не понимал и не стремился понимать. Однако он хорошо уловил, что Креститель здесь был опасен не только для него, но и для всех. Осведомленность Иоханана для галилеян и иудеев была не просто необычной, но пугающей. Тем не менее прокуратор Иудеи смотрел на Иоханана лишь

как на неглупого ловкача-смутьяна, оный с завидной легкостью объегоривал людей и, похоже, без труда то же самое делал с присутствующими. Да, Иоханан знал несколько больше, думал прокуратор, но это все Крестителю могли приносить люди, а он только умело вплетал в свои проповеди. И вряд ли Иоханану что-нибудь известно о нем, Понтии Пилате. Пора поставить на место зарвавшегося проходимца. Хватит с ним рассусоливать. Все равно этим ничего не изменить. Так ли, иначе ли, но Иоханана ждет скорая расплата.

Понтий Пилат прервал Антипу на полуслове. Одна нога у него затекла от неудобной позы, он вытянул ее, ощущая стремительную беготную мурашек по бедру. Кожа доспехов заскрипела. Он заметил, как недовольно сморщилось лицо хозяина дворца, и высокомерно ухмыльнулся. Спросил с грубоватой брезгливостью, задавая тот же вопрос, какой задавал Крестителю Йешуа:

– Для чего ты крестишь людей?

Иоханан чуть повернул голову, усталым взглядом поймал надменное лицо Пилата и сухо ответил:

– Рим распинает на крестах, я же крестом противостою Риму.

– Глупец, – хмыкнул Пилат, – ты слишком ничтожен, чтобы противостоять Великому Риму. Ни одна армия мира не способна противостоять ему. Даже боги врагов Рима отступают перед его величием. Боги предпочитают сильных, слабые должны оставаться рабами. А бунтари – трупами! – Наместник вытянул шею. – Никто, слышишь, никто! И никогда!

– Все начинается с малого, – не согласился Иоханан, чем вызвал новое раздражение Понтия Пилата.

Тот насупился, замер, как зверь для прыжка, и прохрипел:

– А что тебе известно обо мне? – Его полные губы еще что-то беззвучно прожевали, оставляя на круглом лице кривую усмешку.

Иоханан помолчал, набирая в легкие воздух, и следом наместник услышал:

– Ты – прокуратор Иудеи.

– Разве это для кого-нибудь новость? – заскрежетал коротким смехом Понтий Пилат, и на лицо налипла черная паутина мелких морщин.

Некоторые гости услужливо подхихикнули прокуратору, но быстро скомкали хихиканье, глядя с опаской на Иоханана. Всем хотелось услышать, что скажет Креститель о римлянине. Ведь если он знает о Пилате так же, как знает о них, тогда Иоханан не просто заурядный прощельга, каким они все хотели бы его видеть.

Понтий Пилат привстал на затекшие ноги и торжествующе обозрел окружающих. Он был совершенно уверен, что этому пройдохе нечем крыть, попался бестия в римскую удавку.

Прокуратор уже начинал чувствовать себя победителем, преподавшим урок всем собравшимся: показал, что перед римлянином не может устоять тот, кто легко водит за нос галилеян и иудеев. Рим вечно будет Великим, римлянин повсеместно останется непобежденным. Пилат всегда рьяно и с удовлетворением распинал на крестах иудеев за провинности, а теперь он уверен был, что оставит мокрое место от их вредного смутьяна. Чтобы больше никогда не раздавалось его тьяканье против римлян и римского владычества.

Римский наместник вновь прожевал полными губами, издавая властные звуки:

– Скажи о том, что никому не известно.

Креститель вобрал в себя торжествующий взор правителя Иудеи и негромко обронил, словно окатил холодной водой:

– Срок твоего правления в Иудее составит ровно десять лет. Прокуратор скорчил презрительную гримасу:

– Этого никто проверить не может, мошенник! А раз нельзя проверить, значит, это обман! – Он вдруг сообразил, что сам угодил в ловушку, наспех сляпанную для Иоханана. Ощетинился и поспешил со следующим вопросом: – Что будет после?

Вокруг установилась удивительная тишина. Все застыли в разных позах: кто с кубком вина в руке, кто с куском пищи. Голоса умерли, гости не решались шевельнуться, боясь произвести лишний шум. Ожидали, когда вновь заговорит Креститель. Вместо пьяных беспечных физиономий стали вырисовываться лица с осмысленными выражениями. Каждый уже старательно прикидывал в уме, в каком году наступит срок окончания правления Пилата в Иудее.

В общем-то, для всех этот срок не имел какого-то определяющего значения. Но у многих возникло ощущение, что Иоханан знал точно, о чем вещал, был спокоен и уверен. Это приводило в замешательство, ибо говорил он то, чего невозможно было знать вообще. Можно было сомневаться, прав мог оказаться прокуратор. Но, как бы там ни было, все-таки слова Крестителя многих немало смутили.

Ирод Антипа наблюдал вчуже, упружился и хмуро молчал. У него, как у ряда гостей, в душе бродило недоверие. Но была и какая-то смутная тревога. Появлялось скребущее ощущение, что все будет происходить, как говорил Иоханан. По лицам гостей Антипа угадывал, что каждому хотелось узнать о себе, но каждый боялся услышать Иоханана. Потому что на всяком лице отпечатался грех, осуждаемый Крестителем. Тетрарх почувствовал, как руку пронзило болью, отдернул, не сразу понял, что пальцы Иродиады впились в его кожу и дрожали от напряженного ожидания.

Иродиада боялась Иоханана, боялась слов его. Хотя страшны не только слова, более страшен был неуловимый пронзающий дух, исходивший от Крестителя. Он вгонял Иродиаду в трепет.

Пилату претило ожидание, воцарившееся вокруг. Он видел, что все ждали не его вопросов, а ответов Крестителя. И испытывал раздражение оттого, что центром внимания стал Иоханан. Его передергивало и одновременно необъяснимо волновало.

Креститель оставался неуступчивым. В установившейся ненормальной тишине многим становилось жутко от его несговорчивости.

Наконец Иоханан глубоко вздохнул и ответил прокуратору:

– Наступит твое бесславление, за которым придет смерть.

Эта фраза Крестителя заставила Пилата вздрогнуть, казалось, он услышал за спиной остервенелое завывание гиены и ощутил глухое дыхание гроба. Наместник зло ослабил, он не собирался умирать так скоро. По ребрам заскребло когтями, и почувствовался укус острых зубов.

Прокуратор невольно глянул за спину, провел рукой по коже доспехов и успокоился. Не было никакой гиены, откуда она могла тут появиться. Ни когтей, ни зубов. И сам жив и здоров. Он быстро привел лицо в надлежащий вид:

– Умирают все, – сказал с издевкой. – Ты тоже умрешь. Я, как и ты, могу пророчить твою смерть. И все, кто здесь находится сейчас, тоже когда-нибудь умрут. Вот только когда?

– Твой конец будет бесславленным, – настойчиво, точно ступая по горячим углям, повторил Иоханан. – Проклятие – твой удел. Смерть наступит в момент высшего твоего безумия.

– Стало быть, сначала я стану безумным? – громко забулькал смехом Понтий Пилат, надеясь, что его смех поддержат, однако никто не поддержал, и смех одиноко подпрыгнул, надорвался, затрещал по швам и потух, провалившись глубоко в живот прокуратора. Сейчас наместник был одинок среди всех, как и его смех.

– Ты уже безумен, – тихо заметил Креститель.

Пилат передернулся. Продолжая считать Иоханана мошенником, он, как мечом, рубанул словами воздух:

– А я думаю, что среди нас ты один сумасшедший! Так скажи мне, безумец, как я умру? – Больше всего сейчас он хотел увидеть Крестителя на коленях.

Бледное, обросшее бородой, изрезанное морщинами лицо Иоханана сделалось настороженно сосредоточенным. Он слегка нагнул голову, губы шевельнулись, выпустив короткие звуки:

– Тебя заберет тот, кто будет убит тобою.

– Как это понять? – Пилата удивил и поставил в тупик ответ Крестителя. – Как можно умереть от того, кто будет уже убит? Ты определенно сумасшедший, проходимец!

Иоханан прикрыл глаза, как бы отрешился от всего, лишь чуть дрожали ресницы. Он ничего не мог поделать с тем, что прокуратор не понимал его слов. Видно, не пришло время для этого, а может быть, оно не придет к Пилату никогда.

– Что ты молчишь? – римский наместник повысил голос до крика, смотрел на губы Крестителя и думал: сломать бы хребет этому чертову прорицателю, чтобы навсегда отучить разговаривать. Он хотел предугадать в этот момент, какие еще слова могут вылететь из сухих уст.

Но Иоханан не отвечал. Его молчание бесило прокуратора, выкручивало наизусть, он схватился за рукоять меча:

– Отвечай, или я прикажу вырвать у тебя жало!

Креститель приоткрыл глаза, спокойно встретил разъяренный взгляд Пилата. А тот будто ударился лбом о невидимую стену: яростно содрогнулся, кожа доспехов закрипела, рука сдавила меч. Поперхнулся сгустком желчи и закашлялся. Иоханан пошевелился и грустно спросил:

– Неужели ты правитель не только Иудеи, но и Галилеи? И здесь твоя власть выше власти Ирода Антипы? – сделал паузу, ответа не дождался. – Видно, это так. Это царство осталось без царя. Там, где нет своего царя, всегда повелевают чужаки.

Антипу такие слова ужалили, зацепили за живое. Он качнулся от мгновенной ярости. Гнев был обширный, вызванный не только словами Крестителя, но больше бесцеремонным поведением Пилата и собственным униженным положением, когда всякий римский солдат ценился выше. Все слилось в клокочущий змеиный ком, он разрывал Антипу изнутри. Тетрарх рванулся с подушек, чувствуя жар и лютость. Иродиада ощутила, как крупная дрожь пошла по телу Антипы. Его состояние передалось ей. Зубы клацнули, она сдавила челюсти, поджалась и еще сильнее впиалась ногтями в руку тетрарха. С натугой удерживала Ирода Антипу от вмешательства в словесную бойню между Пилатом и Крестителем. Не настало время для этого.

Однако Антипа тоже сообразил, что лучше дожидаться, когда прокуратор захлебнется в каше, заваренной самим. Безусловно, слова Иоханана сунули тетрарха мордой в грязь, но точно так же эти слова врезали по зубам Понтию Пилату. Пусть знает, галилеянам не нравится, что он везде сует свой нос. Антипа, яро дыша, откинулся на подушки, погладил побелевшие пальцы Иродиады, медленно оттаивая.

Прокуратор бешено перекошил лицо глубокими складками и повелительным тоном рыкнул, точно вдалбливал окружающим значимость своих слов:

– Я не чужак в этих землях, и тебе хорошо известно, бродяга бездомный! Здесь все принадлежит Риму! Рим вечен! За это ты ненавидишь Рим, ведь так? За это твои речи направлены против меня! Ты не любишь римлян! – Пилат хотел взглядом пригвоздить к месту этого безумного дохляка.

Но тот вытянул шею и упрямо надавил, словно обрубал последние концы:

– Поработитель не может надеяться на любовь поработенного народа. Рим – поработитель мира. Он еще силен, но ты ошибаешься, что это будет вечно. Я вижу закат Рима, его гибель от рук варваров. Я хочу приблизить конец. Рим заслуживает одного: разрушения. Наказание придет за все прошлые и будущие злодеяния. Твои деяния здесь станут началом конца Великого Рима. Римляне поплатятся за все, им не удастся исказить истину. Ибо обмануть можно человека, а не людей. Людская память будет вечно хранить правду.

Точно петлей на шее захлестнула Пилата крамольная речь Крестителя. Нет, это не был бред умалишенного бродяги. Этот новоявленный прорицатель осознанно угрожал Риму, за это стоило вырвать язык, лишить головы, раскорячить на перекладине.

Гости навестили уши.

Пилат понимал, он должен сейчас у всех на глазах раздавить своими вопросами гнусного доходягу: воткнуть их в его мозг, как острые мечи:

– Покажи мне, кто способен противостоять Великому Риму? Ты врешь, разбойник, что римляне принесли зло в эти земли! Рим спас всех! Без Рима вас давно бы вырезали соседи, которые ненавидят вас больше, чем ненавидят Рим! Кто еще способен защитить ваши земли, кроме Рима? Кто? Скажи! Ты умолк, лживое отрепье? Тебе нечего сказать? Ты не знаешь ответа, мошенник! – Наместник вперил хмурый взгляд в Крестителя, представляя, как трудно, должно быть, ответить на его вопросы.

Глаза Иоханана затуманились, внутри кипело, ответная ненависть бурлила, но Креститель сжал зубы, прежде чем напряженно выдохнуть из себя:

– Поработитель не может быть защитником поработенных. – Остановил дыхание, ожидая взмаха меча.

Но прокуратор Иудеи захрипел и снова взорвался:

– Врешь, оборванец! – Рукою меча обжигала ладонь. – Врешь! Рим не порабощает тех, кто нуждается в его помощи! Рабами становятся враги Рима! Всякий, кто поднимает меч на римлянина, это враг! Всякий, кто сеет смуту и разносит лживые речи о римлянах, это враг! Твой язык сослужил тебе плохую службу! Но ты видишь, Рим терпелив, я слушаю тебя и не вынимаю меч! Однако терпение Рима не беспредельно! Кто злоупотребляет им, тот сам приближает свой конец!

Иоханан переждал вспышку прокуратора. Побелевшие пальцы Крестителя сдавили кожаный пояс на чреслах. В ответ он заговорил резко и твердо:

– Ты прав, римлянин, твое терпение сегодня не имеет границ! И я знаю, почему. Ты хочешь знать больше, чем услышал от меня. Ты хочешь убедиться, что я не соврал тебе. Тогда слушай, – Креститель высекал слова, остановив глаза на лице наместника, и тот поймал себя на мысли, что невольно подчиняется его взгляду и ловит каждое слово. – Ты обзавелся женой в десятый месяц года. Первенцем у тебя был сын. Ты гордился этим, но когда ему исполнилось ровно десять лет, он погиб по твоей вине. Ты дал ему поиграться мечом, много раз спасавшим тебя во время битв. В момент игры твой сын споткнулся и случайно упал на острие. Оно вошло ему в левый бок, и сын умер от раны. Ты до сих пор не можешь простить себе этого. Тебе часто снятся кошмары, они мучают тебя, потому что именно себя ты считаешь виноватым в смерти мальчика. А еще винишь свой меч. Ты часто смотришь на него и ненавидишь, но боишься с ним расстаться, потому что он, поразивший твоего сына, защищает тебя. Однако сила его не вечна, скоро он не сможет защитить тебя так же, как ты не смог защитить сына! Ты спрашиваешь свой меч, за что он убил твоего сына, и не слышишь ответа. Прошло много лет с тех пор, но ты помнишь все до мелких подробностей и до сих пор задаешь один и тот же вопрос мечу. Но ответ по-прежнему сокрыт от тебя. – Креститель на короткий миг прервался, испытующе глядя на Понтия Пилата. – Ежели ты готов и дальше слушать меня, я скажу тебе этот ответ!

– Говори, – как сгусток боли, выпихнул из горла Понтий Пилат. В глазах помутилось: Иоханан рассказывал сейчас то, о чем знал только сам прокуратор. Ему стало душно. Нет, Креститель не был безумным. Но тогда кто же из них двоих безумен? Может быть, он сам давно сумасшедший? – Говори, – опять просипел Понтий Пилат, не узнавая своего голоса. Он наяву увидел собственную изнанку.

Иоханан продолжил:

– Твоего сына погубили твои грехи, прокуратор, ты множил их всю жизнь с помощью этого меча. Ты много напрасно пролил чужой крови, много жизней отнял у людей безвинных,

принес много горя в чужие дома. Но ты еще до сих пор не напился крови, ты еще алчешь ее, потому что вид горячей крови приносит тебе удовольствие. Ты и теперь больше других жаждешь моей смерти, ибо думаешь, что после этого к тебе придет покой. Но ты ошибаешься, Понтий Пилат, покой к тебе никогда не придет, даже после твоей собственной смерти.

– Довольно! – захрипел Пилат, угрожающе поднимаясь на ноги. Перед глазами у него плыли кровавые круги. Он сатанел от желания покончить с этим опасным ведуном прямо сейчас, чтобы навсегда прервать ужасные речи, чтобы увидеть дымящуюся кровь и бездыханное тело. В эту минуту прокуратор верил, что смерть Иоханана Крестителя уберет его страхи.

– Ты сам просил меня, – напомнил Иоханан.

– Я никогда не прошу! – кипел Понтий Пилат, и круглое лицо сделалось страшным. – Потому что Рим никогда никого не просит! Он повелевает и берет сам! – Ему показалось, что Креститель намеревался продолжить, и Пилат, дрожа всем телом, потянул из ножен меч, зловеще предупреждая: – Молчи, или я убью тебя! Ты все врешь! Ты мятежник и негодяй! Никто не защитит тебя от гнева Рима и от моего меча! Откажись от своих мятежных речей и Рим будет великодушен к тебе! Рим велик не только воинской мощью, но и великодушием!

– Разве ты, римлянин, и есть – Рим? – сдержанность Иоханана кончилась, не стоило дальше противиться своему духу. Он видел, здесь все безудержно хотели его смерти. Ну что ж, если настало время, смерть должна быть достойной. Креститель выпрямился. – Или ты, римлянин, мне судья?

– В этой тетрархии Ирод Антипа тебе судья! – яростно выдохнул Понтий Пилат, с трудом подавляя свое бешенство. Свирепым взглядом обжег Иоханана и нехотя вернул меч в ножны. Потом поворотил мрачное лицо в сторону царя, как бы потребовал от него действий. И тяжело опустился на свое место.

И когда садился, услышал, как Иоханан настойчиво выговорил:

– Нет, римлянин, Ирод Антипа мне не судья. Закон судит его самого!

Злой взгляд Понтия Пилата и последняя фраза Крестителя словно сунули тетрарха головой в ледяную воду. Он побледнел и задохнулся от неистовства и мгновенно оторвал тело от мягких подушек. Иродиада не смогла удержать царя, его ожесточение было сильным, оно вобрало в себя все, что накопилось внутри. Клокочущий голос метнулся над головами гостей:

– Все видели, как я не хотел твоей смерти! Я долго терпел твою глупость, но ты продолжаешь лаяться! Ты, безумец, по-прежнему отказываешься поклониться правителю Галилеи!

– Я не вижу тут правителя Галилеи! – отсек Иоханан.

И все, кто расслышал это, отшатнулись, затаили дыхание, словно увидели, как черная тень опустилась на царя, окутывая его туманом. Тетрарх побурел от гнева. Начальник стражи сорвался с места и подскочил к Крестителю, не потребовал, а срывающимся голосом поканил:

– Поклонись, поклонись царю! – Голос его корчился, набирал силу. – Проси о милосердии, ты оскорбил царя. – Начальник стражи смотрел в бледное лицо Иоханана с тупым испугом, его хребет покрылся студящей испариной. Мыкаясь, он выдавливал слова, кои насобачился произносить доселе, но страшно было выговаривать их сейчас. Однако он обязан был произносить. – Я несусь тебе башку, если ты не поклонись царю Ироду Антипе! – И он угрожающе выхватил меч.

– Ирода Антипу оскорбил Понтий Пилат, – фистулой выпихнул Креститель. – Отруби голову Понтию Пилату.

Начальник стражи растерялся и воззрелся на царя.

У Иродиады дрожали губы.

Тетрарх ощутил холод в коленях, тело налилось камнем. Он застыл в одном положении, не мог поднять руку, чтобы отдать команду начальнику стражи. Глаза затмила муть.

Потребовалось время, чтобы в мозг вернулись мысли.

Наконец Антипа тряхнул головой, отгоняя муть, и вяло возмутился:

– Ты посмел говорить такие слова в моем дворце, в моем присутствии, на моем праздновании!

В этот момент в уши ему ударили голоса, забившиеся в разнобой со всех сторон:

– Убей его, царь! Он должен подохнуть! Мы хотим видеть его смерть!

Тетрарх воспрянул, услышав, как голоса набирали силу, но отяжелевшее тело по-прежнему оставалось непослушным.

В ответ на крики Иоханан огляделся:

– Опомнитесь! Разве вы не чтите Закон? Не мне, безумцы, но Ироду Антипе и Иродиаде вы должны требовать смерти, потому что они творят беззаконие. – Креститель показал рукой. – Вот они! Поступите с ними по Закону!

Но никто уже не слышал его, как будто людей лишала рассудка хмельная дурь в головах, а скорее, это был страх, его испытывали перед прорицателем. Он читал мысли, видел черноту душ, знал, как они жили и чем кончат. Он был страшнее всякого мятежника и страшнее Закона. А потому в один голос, тужась и краснея лицами, кричали царю:

– Убей его, царь, убей, убей, убей!

– Безумные! Вы спятили! – отшатнулся Креститель. – Вы не в силах убить меня! Мой дух неподвластен вам! Мой дух будет жив всегда. – Глаза его были печальны. Он не хотел расставаться с жизнью, хотя всегда знал, что жизнь не вечна и рано или поздно его речи оборвут ее прежде времени. И теперь ясно чувствовал, как близок конец.

Иродиада сквозь гвалт услышала у своего затылка странное глубокое дыхание. Обернулась и замерла под расплывчатым взглядом Прондопула, его голос отсек шум пиршества, проник вглубь ее мозга:

– Тетрарх не сумел купить Крестителя, помоги ему сделать иное, ты сможешь.

И опять гвалт ударил по перепонкам Иродиады. Она встрепенулась, глубокий вдох высоко поднял грудь, искала взгляд Прондопула, но того рядом уже не было.

Антипа ловил глазами злобные оскалы, вбирал голоса и чувствовал, как мозг наполнялся радостью.

Иродиада лихорадочно позвала дочь, та подбежала, мать что-то выдохнула ей в ухо. Девочка метнулась к тетрарху, потянула за одежду, привлекая внимание. Он посмотрел ослепленным взглядом, возбуждено покривил улыбкой лицо, слегка нагнулся, чтобы услышать тонкий голос. Девочка провизжала:

– Ты обещал мне, царь!

Ирод Антипа, охваченный угарной волной призывов, едва разобрал девичье свиристение, громко спросил:

– Так чего же ты просишь?

– Голову безумца! – взвизгнула она пронзительно.

И все, кто вместе с тетрархом услышал просьбу девочки, радостно подхватили:

– Голову, голову, голову!

Ирода Антипу на миг ошеломила просьба Саломии, а под сердцем завозилось свирепое удовлетворение. Он вцепился взглядом в глаза Иродиады, увидел в них сумасшедший блеск и понял, чью просьбу принесла ее дочь. Отказать Иродиаде был не в состоянии. Да он и не собирался отказывать. К тому же, все вокруг хотели одного. Все ждали.

Противный трепет бил Иродиаду, ей казалось, если сейчас она не насладится видом крови этого страшного проповедника, все в ее жизни рухнет сразу и навсегда. Она жаждала его смерти и дрожащими губами повторяла за всеми:

– Голову, голову, – и ей сдавалось, что не она вторила всем, а все подчинялись ее желанию.

Тетрарх тяжело поднял руку, замер, закрыл глаза и резко опустил ее вниз. Начальник стражи побледнел. У него затряслись ноги. В коленях появилась слабость. Глотку и живот пронизало огненным жаром. На короткое время он замешкался. На секунду мускулы размякли. Но он был тертым калачом, сумел быстро справиться с собой.

Когда Антипа открыл глаза, он поймал зловещий блеск меча и услышал общий облегченный выдох. Увидел, как начальник стражи за волосы высоко поднял над собою голову Крестителя, отделенную от туловища и кровоточащую. Но поразило Ирода Антипу иное: обезглавленное тело Иоханана долго еще стояло на ногах, не покоряясь человеческому безумству.

И все увидели это и окаменели, потрясенные.

Глава десятая

Абсурд

Пантарчук сидел в кресле за рабочим столом и смотрел на Прондопула. Тот продолжал говорить, но Петр уже не хотел его слушать, потому что думал: и какого черта он тут еще торчит, я же ясно показал ему на дверь, когда отказал во встрече с Магдалиной. На душе у Пантарчука было муторно, мысли в голове ворочались противно, как клубок живых червей. Отвратное состояние. Голос архидема, подхватив мысли Петра, произносил:

– Да, да, все скверно, все не так, как надо, все наоборот. Но червь, всего лишь – червь. Кто с ним считается? Его без труда можно раздавить.

– При чем тут черви? – поморщился Петр.

– Черви всегда при чем, – продолжил архидем. – В червивости бездарность человеческая. Человек – это червь, хотя мог бы стать иным.

По телу Пантарчука прошли судороги. В это мгновение он ощутил себя червяком, тупым, неповоротливым, жалким.

Прондопул направился к двери. Ее хлопок вывел Петра из аморфного неуклюжего состояния, и он узрел, как в стакане для карандашей вдруг возник жирный клубок червей.

Петр брезгливо схватил стакан и бросил в распахнутое окно. Мельком заметил, что вниз полетели карандаши. Нервно сплюнул: душу въедливо точил червь.

И тут из приемной донесся испуганный женский визг, он подхватил Петра из кресла и увлек за дверь.

Секретарь с ногами забралась на стул. В ее глазах плескался ужас. Она пальцем показывала на свой живот. Ее талию, извиваясь, опоясала тонкая змейка.

Пантарчук решительно схватил змею рукой, сорвал с девушки и отшвырнул в угол. Услышал, как о стену ударила пряжка ремня. Шумно нагнулся за ним и протянул секретарше. Та продолжала скулить от страха. Что за чертовщина, подумал он, галлюцинации не только у него.

– Уберите! – взмолилась девушка.

– Успокойся, это твой ремень, – бросил его на стол.

– Нет, нет, не надо! – визжала она.

– Тебе показалось. Успокойся!

– Нет, нет, нет! – дрожала секретарь и была белой, как молоко.

Петр сгреб ремень со стола, озадаченно покрутил в руке, смял и сунул в карман пиджака.

Секретарь с опаской сползла со стула, осторожно опустилась на край сиденья. Петр крикнул *глухо* и шагнул к двери кабинета, и в этот миг за спиной снова разнесся истошный вопль девушки. Он обернулся: на столешнице извивался большой толстый червь. Глаза у девушки квадратные. Петр рывком скинул червя на пол, наступил каблуком, понял, что вдребезги раздавил авторучку. Перед глазами проплыло лицо Прондопула, разозлило и одновременно озадачило. Что могли означать его последние слова и эти черви? Или просто галлюцинации? Вроде бы и с головой все нормально, а вместе с тем происходит что-то неестественное, аномальное. Пантарчук нагнулся, подхватил с пола осколки:

– Видишь, твоя авторучка, – попытался успокоить секретаря.

– Червяк.

– Не говори глупости! Где ты видишь червя? Приснилось тебе все.

– Я не сплю.

– Ты просто переутомилась.

– Я видела червяка. Я его видела. Видела, видела.

Он бросил в корзину для мусора осколки авторучки и вытащил из кармана ее ремень-пояс:

– А это ремень или змея? Возьми себя в руки. Между прочим, красивый ремешок. Секретарь зажалась.

– Вот что, – Пантарчук положил ремень перед нею, – рабочий день заканчивается, иди домой и отдохни.

Девушка в мгновение ока подхватила сумочку и молнией вылетела за дверь приемной.

Петру тоже следовало успокоиться: желваки ходуном ходили. Он озабоченно потоптался по приемной и направился в коридор. На выходе из офиса спросил у охранника:

– Прондопул ничего не сказал?

– А кто это, Петр Петрович? – расширил глаза охранник.

Пантарчук ощутил непонятную пустоту, которая наплыла за вопросом охранника, попытался обстоятельно уточнить:

– Ну, такой, такой, – и он запнулся, понимая, что не запомнил лица, сделал невыразительное движение рукой, – с черными волосами. Костюм. Рубаха. Галстук-бабочка. Приходил ко мне. Посмотри запись в журнале учета.

– Никто не проходил, Петр Петрович, никаких записей. Вот, можете проверить. – Охранник торопливо раскрыл журнал на столе.

Петр пробежал глазами: записи о Прондопуле не было. Душу опять стал точить червь. Не мог же архидем раствориться в воздухе, как привидение. Уж это полная глупость, идиотизм, крыша поехала, не все дома. Но ведь и он, и секретарь видели Прондопула, червей и змею – тоже. Чертовщина получается. Стоп. Тут что-то не то. Наверняка охранник проспал:

– Ты куда не отходил? А может, без записи пропустил?

– Обижаете, Петр Петрович, на месте как штык. Без записи ни одна мышь не проскочит мимо.

Пантарчук посмотрел пристально, кажется, парень не соврал. Странный тип, этот Прондопул, безусловно, странный, аномалия. Его самого изучать в Лаборатории надо. Ловко облапошил охранника. Наверняка владеет гипнозом, потому и прошмыгнул незаметно. Черви и змея из той же оперы. Эта мысль несколько облегчила душу. Смущало одно обстоятельство: Петр доподлинно знал о себе, что на него гипноз не действовал, испробовано еще в молодости. Гипнотизер тогда долго бился над ним, но результат оказался нулевым. Стало быть, сегодня он не должен был видеть червей и змею. Однако увы. Пантарчук был в растерянности.

Он вернулся в офис за Василием, вытащил из-за компьютера, предложил пройтись. Стены давили, душила духота, несмотря на то, что был уже вечер. Подъехали к парку и направились к аллеям. Следовало разобраться в странностях последних событий. Хотелось разложить все по полочкам. Не любил загадок и неопределенности. Приостановился, заглянул в лицо Василию:

– Ты так и не вспомнил настоящего имени?

Тот пожал плечами:

– Пока я знаю одно имя. Возможно, другого не было. В голове, как в лабиринте, тупики. Мне кажется, иногда я за что-то ухватываюсь, но все тут же ускользает, и я даже забываю, о чем только что думал. Прошное никак не дается.

– А я настоящее перестаю понимать, – усмехнулся Пантарчук, сделал паузу и сообщил Василию, что узнал от главного бухгалтера о его сверхъестественных способностях. Осмотрелся, грузно усадил свое тело на старый диван под развесистым деревом. – Обо мне сказать что-нибудь можешь?

Василий пристроился рядом.

– Могу, – наморщил лоб, натужился, вглядываясь в Пантарчука. – Вам до сих пор помнятся слова матери, какие она сказала, когда вы учились в шестом классе. Вы тогда за неподготовленный урок принесли жирный кол в дневнике. Она возмутилась: «Петр, хочешь быть дураком, тогда зачем тебе голова? А если у тебя есть голова, тогда зачем тебе кол?»

На лице Петра появилась улыбка. Все точно, именно так. Слово в слово. После этого случая в дневнике ниже четверки оценки не появлялись. Он вздохнул и вспомнил о Прондопуле:

– Можешь проследить мой сегодняшний день? Например, с посетителем в кабинете?

Магдалина сжал скулы, напрягся, лицо стало краснеть, глаза сузились. Минуту не двигался. По лбу поползли капли пота. Потом откинулся к спинке дивана. Тяжелым движением руки, словно та весила целый пуд, стер пот и расслабился. Ощутил пустоту и беспомощность. Отдышался, как после тяжелого подъема в гору, проговорил:

– Вы вошли в приемную, и – все.

– Что значит – все? Что потом происходило? – подтолкнул Петр. – Посетителя видишь?

Он был в приемной, когда я вошел.

– Не вижу, – растерянно отозвался Василий.

– Странно. Он интересовался тобой.

– Не знаю.

– Хотел с тобой встретиться.

– Только пустота. Даже вас больше не вижу.

– Жаль, очень жаль.

Пантарчуку хотелось бы узнать больше. Не поймешь теперь, вроде бы есть способности у парня, но как будто слишком громко об этом сказано. В одном он прав – сплошной лабиринт, тупики, куда не ткнишь. Количество загадок не уменьшается. Охранник не видел Прондопула и Василий его не видит. Как наваждение какое-то. Как будто Петр сам придумал архидема, а заодно и червей со змеями. Если бы секретарь не была участницей событий, подумал бы о себе как о сумасшедшем. Не мудрено, наверно, что Василий не видит этого типа, тут что-то нечисто. И дело здесь, скорее, не в Магдалине. Петр озадаченно засопел, слишком много необычного вокруг стало происходить последнее время. Грузно оторвал себя от дивана и молча двинулся к выходу из парка. На ходу набрал номер Грушинина:

– Константин, я с Василием еду к тебе. Тут появились разные новости.

Подъехали к зданию полиции. Кирпичному, с широким невысоким бетонным крыльцом, крашенным по торцам, с красным козырьком над входом.

В дверях произошла заминка. Постовой, суетливый и несговорчивый, с потертой кобурой на боку, наотрез отказался без паспорта пропустить Магдалину. Особенно когда тот проговорился, что потерял все документы. И пошло-поехало. Махал руками, зачем-то хлопал по кобуре и грозно рычал. Началось выяснение личности.

Пантарчук попытался объяснить, но скоро махнул рукой и вновь позвонил Грушнину. Тот спустился вниз.

А Василий заметил постовому:

– У вас болит живот, потому что утром вы съели испорченную колбасу, а вчера вечером из-за пустяка поругались с тещей. Теперь сожалеете об этом. Она любит цветы, купите букет, и все уладится.

У постового широко беззвучно раскрылся рот, он забыл о животе и очумело смотрел в спину Василию до тех пор, пока тот не скрылся из виду.

В кабинете Грушинина Магдалина сел на стул, куда указал Константин. А Петр грузно подмял под себя другой стул, заставляя пищать под тяжестью своего веса. Он начал рассказывать Константину обо всем, что поразило сегодня. Грушинин не перебивал. Лишь время от времени взглядом ловил зрачки Магдалины. И когда Пантарчук выдохнул последнюю фразу, спросил у Василия:

– Ты знаешь, кто такой Прондопул?

– Нет.

– Тебе когда-нибудь приходилось слышать это имя?

– Нет.

– Как ты думаешь, черви и змея это результат воздействия гипноза или это нечто иное?

Василий неопределенно пожал плечами и сообщил, что на Пантарчука невозможно воздействовать гипнозом. Для Петра это не было новостью, но еще раз подтверждало способности Магдалины. Однако у Грушинина в глазах застыло недоверие.

– Вероятно, более сильный гипноз, – предположил он. – Иначе черви и змея это явь.

– Не знаю, – заволновался Магдалина.

– Как ты можешь объяснить свои сверхъестественные способности? Сейчас многие промышляют, называя себя экстрасенсами и ясновидящими. Кто во что горазд. Оболванивают всех подряд. – В голосе Грушинина звучала ирония, но затем тон стал серьезным. – Однако попадают и неподдельные. А что у тебя? Может быть, просто осенило? – Он улыбнулся.

В ответ Магдалина наморщил лоб и сосредоточенно уперся взглядом в Константина:

– У вашей дочери вчера был день рождения, вы опоздали, добрались до дому, когда все закончилось. Преподнесли подарок, а дочь огорошила, заявив, что собирается замуж. Вы обеспокоились, потому что не знаете избранника. Сегодня много об этом думаете.

Грушинину ничего не оставалось, как удовлетворенно хмыкнуть и тут же задать следующий вопрос:

– Ну, хорошо. Не отрицаю, все правильно сказали. Но сможешь ли, глядя на меня, сообщить что-нибудь о моих родственниках?

Магдалина сдвинул скулы и отрицательно покрутил головой:

– Нет, мне надо смотреть на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.